
ISSN 2225-8272

ВЕСТНИК

ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

**Культурно-просветительский
и образовательный журнал**

Выходит четыре раза в год

Том 10, №4 2021

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Вестник государственного и муниципального управления» включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации.

Отрасли, по которым журнал входит в перечень ВАК:

07.00.02 – Отечественная история;

07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода).

С 2012 года материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) по адресу: <http://eLIBRARY.RU> (Научная электронная библиотека).

Включён в базы данных Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO.

**Список членов научно-редакционного совета журнала
«Вестник государственного и муниципального управления»**

Меркулов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой политологии и государственной политики, и.о. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, председатель редсовета, главный редактор (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Аронов Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: aronovdv@mail.ru

Арабаджийски Николай Запринов, доктор по экономике, Ph.D, профессор Нового болгарского университета (Болгария, София), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Астафичев Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел РФ (Россия, Санкт-Петербург), e-mail: pavel-astafichev@rambler.ru

Багдасарян Вардан Эрнестович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, зав. кафедрой истории России средних веков и нового времени, Московский государственный областной университет (Россия, Москва), e-mail: vardanb@mail.ru

Брузати Лука, Ph.D, профессор, зав. кафедрой управления, Удинский государственный университет (Италия), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Борисов Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: naukaorelsga@yandex.ru

Горин Дмитрий Геннадьевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Россия, Москва), e-mail: dm.gorin@mail.ru

Елисеев Анатолий Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра государственно-правовых дисциплин и социального обеспечения, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: eliseev.anatoly@gmail.com

Залужный Александр Гаврилович, доктор юридических наук, профессор факультета национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Зайцев Владимир Васильевич, доктор юридических наук, профессор, зам.зав. кафедры правового обеспечения рыночной экономики, Институт государственной службы и управления (МИГСУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва), e-mail: nic@migsu.ranepa.ru

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (Россия, Тула), e-mail: zubarev.viktor@rambler.ru

Караджова Милена Нешева, доктор административного права и административного процесса, Новый болгарский университет (Болгария, София), e-mail: milena_karadjova@yahoo.com

Ливцов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, зам. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом полевых исследований Института археологии РАН (Россия, Москва), e-mail: iscander48@mail.ru

Матвеева Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ответственный секретарь журнала (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Мелихова Анжела Валентиновна, кандидат юридических наук, Ph.D, доцент Эстонской высшей школы предпринимательства MAINOR (Эстония, Таллин), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Менегуццо Марко, доктор экономики, факультет экономики, профессор кафедры общественного и некоммерческого менеджмента факультета экономики, Университет итальянской Швейцарии (Швейцария, Лагуно), e-mail: marco.meneguzzo@usi.ch

Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского (Россия, Брянск), e-mail: bryanskgu@mail.ru

Нехаев Виктор Викторович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры правовых дисциплин, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Россия, Тула), e-mail: tulastat@inbox.ru

Нечаев Дмитрий Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры связи с общественностью, Воронежский государственный университет (Россия, Воронеж), e-mail: nechaevv@mail.ru

Ручкин Александр Борисович, доктор исторических наук, профессор, директор Центра образования и культуры «ГРИНТ» (Россия, Москва), e-mail: alexey.ruchkin@uara.ru

Саран Александр Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: asaran1958@yandex.ru

Филонов Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: filonovvi@mail.ru

Щеголева Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: natali021orel@mail

Редакционная коллегия:

Меркулов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой политологии и государственной политики, и.о. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, председатель редсовета, главный редактор (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Ливцов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, зам. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Мироненко Надежда Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, зам. редактора журнала по развитию (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Матвеева Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ответственный секретарь журнала (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Брузати Лука, профессор, зав. кафедрой управления, Удинский государственный университет (Италия), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

<p>Лавицкая Марина Ивановна, доктор исторических наук, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения, Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва), e-mail: marinalv2010@yandex.ru</p>
--

**Editorial Council of «Journal
of Public and Municipal Administration»**

Merkulov Pavel, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science and Public Policy, Acting Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Editorial Council, Editor-in-chief (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Aronov Dmitry, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: aronovdv@mail.ru

Arabadjiski Nicolai, Doctor of Economics, Professor of New Bulgarian University (Republic of Bulgaria, Sofia), e-mail: n_arabadjiski@nbu.bg

Astafichev Pavel, Doctor of Juridical Sciences, Professor at the Department of Constitutional and International Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russian Federation, St. Petersburg), e-mail: pavel-astafichev@rambler.ru

Bagdasaryan Vardan, Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Head of the Department of History of Russia of the Middle Ages and the New Era, Moscow State Regional University (Russian Federation, Moscow), e-mail: vardanb@mail.ru

Bruzati Luka, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management, Udine State University (Italy), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Borisov Alexander, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: naukaorelsga@yandex.ru

Gorin Dmitry, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics (Russian Federation, Moscow), e-mail: dm.gorin@mail.ru

Eliseev Anatoly, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Department of State and Legal Disciplines and Social Security, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: eliseev.anatoly@gmail.com

Zaluzhny Alexander, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Faculty of National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Zaitsev Vladimir, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Legal Enforcement of Market Economy, Institute of State Service and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: nic@migsu.ranepa.ru

Zubarev Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Tula State Pedagogical University named after Tolstoy L.N. (Russian Federation, Tula), e-mail: zubarev.viktor@rambler.ru

Ivanov Hristo Marinov, Doctor of Economic Sciences, Professor of Varna Free University «Chernorizets Hrabar» (Bulgaria, Varna), e-mail: xiza@abv.bg

Karadzova Milena, Doctor of Administrative Law and Process, New Bulgarian University (Bulgaria, Sofia), e-mail: milena_karadjova@yahoo.com

Livtsov Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Maslennikov Alexander, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Field Researches of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow), e-mail: iscander48@mail.ru

Matveeva Evgeniia, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Executive secretary of the magazine (Russian Federation, Orel), e-mail: evgmatveeva@bk.ru

Melikhova Angela, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Higher School of Enterprise MAINOR (Estonia, Tallin), e-mail: vestnik.gmu@yandex.ru

Meneguzzo Marco, Doctor of Economics, Faculty of Economics, Professor of Public and Non-profit Management at the Faculty of Economics, Università della Svizzera Italiana (USI), (Switzerland, Lugano), e-mail: marco.meneguzzo@usi.ch

Mikhailchenko Sergei, Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice Rector for Research and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russian Federation, Bryansk), e-mail: bryanskgu@mail.ru

Nekhaev Victor, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Juridical Sciences, Professor of the Department of Legal Disciplines, Tula State Pedagogical University named after Tolstoy L.N. (Russian Federation, Tula), e-mail: tulastat@inbox.ru

Nechaev Dmitry, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Public Relations, Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh), e-mail: Nechaevv@mail.ru

Ruchkin Alexander, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Center for Education and Culture «Grint» (Russian Federation, Moscow), e-mail: alexey.ruchkin@uapa.ru

Saran Alexander, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: asaran1958@yandex.ru

Filonov Vladimir, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: filonovvi@mail.ru

Shchegoleva Natalia, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Dean of Faculty of Law, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: natali021orel@mail

Editorial Board:

Merkulov Pavel, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science and Public Policy, Acting Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Editorial Council, Editor-in-chief (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Livtsov Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov210victor@mail.ru

Mironenko Nadezhda, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Deputy editor-in-chief of the magazine development (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Matveeva Evgeniia, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Executive secretary of the magazine (Russian Federation, Orel), e-mail: evgmatveeva@bk.ru

Bruzati Luka, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management, Udine State University (Italy), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

<p>Lavitskaya Marina, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law, Russian State University for the Humanities (Russian Federation, Moscow), e-mail: marinalv2010@yandex.ru</p>
--

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Ливцов В.А.,
Саран А.Ю. Подготовка кадров для советско-партийной службы в Орловской губернии в 1921–1928 гг. 12

Выходов А.А. Функции министерства внутренних дел в сфере государственного управления Российской империи в первой половине XIX века 26

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Гончаров А.В. Расследование ущерба, нанесённого культурно-историческому наследию Крыма 34

Гагуев Р.Г.,
Решетников С.В. От Земли Императора Николая II до Северной Земли: к истории названия одного географического открытия 42

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК: ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

Исаев А.В.,
Матвиенко В.А. Судьбы народных представителей первой Государственной Думы 54

ГОСУДАРСТВО, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

Письменюк И.Н.,
Кечкин И.Э. Всемирный совет церквей (ВСЦ) и реакция его православных членов на проблему вьетнамской войны (по документам ВСЦ) 66

РЕФОРМЫ И ИНСТИТУТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Орлова Л.Н.,
Цыганкова Е.А. История развития системы летнего отдыха детей в 30-е годы XX века в Советском Союзе 75

ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ОХРАНЫ ГОСУДАРСТВА

Гребенкин А.Н.,
Ларин А.А. Охрана императора Александра III во время его железнодорожных поездок 84

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Гелла Т.Н. Австрийская империя и Габсбурги на страницах британских периодических изданий 1861 года 95

Мамайко И. А. Российские революции 1917 года и белорусская государственность 107

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ПРАВОВОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Воробьев А. В.	Российское законодательство в записных книгах разрядного приказа начала XVIII в.	117
Борисов А.С., Жиляева А.М.	Деятельность исполнительных государственных органов специальной компетенции в субъектах Российской Федерации	125
Оловяникова А.С., Агаева А.В.	Особенности законодательных преобразований М. М. Сперанского и их сопоставление с российской действительностью	134
Щеголева Н.А., Клевцов М.И.	Сравнительно-правовой анализ деятельности Государственной Думы образца 1905–1917 гг. и современной Государственной Думы РФ	144

УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ

Ильин А. Ю.	Развитие человеческого потенциала Тамбова в конце XX – начале XXI века	154
-------------	--	-----

CONTENTS

HISTORY AND MODERN PRACTICE OF PUBLIC ADMINISTRATION

Livtsov V.A. Training of personnel for the Soviet Party Service in Orel 12
Saran A.Y. province in 1921-1928

Vykhodov A.A. Functions of the Ministry of Internal Affairs in the sphere of 26
state administration of the Russian Empire in the first half of
the 19-th century

HISTORY OF TERRITORIES DEVELOPMENT

Goncharov A.V. Investigation of the damage caused to the cultural and 34
historical heritage of Crimea

Gagkuev R.G., From the Emperor Nicholas II land to the Severnaya Zemlya: 42
Reshetnikov S.V. to the history of the name of one ge-ographival discovery

A STATESMAN: PERSONALITY IN THE HISTORY OF STATE DEVELOPMENT

Isaev A.V., The fate of the people's representatives of the First State 54
Matvienko V.A. Duma

STATE, RELIGION, CHURCH

Pismeniuk I.N., The world council of churches (WCC) and its orthodox mem- 66
Kechkin I. E. bers' reaction to the problem of the vietnam war (according to
the documents of the WCC)

REFORMS AND INSTITUTES: HISTORY AND MODERNITY

Orlova L.N., The history of the development of the summer recreation 75
Tsygankova E.A. system for children in the 30 of the XX century in the Soviet
Union

HISTORY OF NATIONAL SECURITY AND STATE PROTECTION

Grebenkin A.N., Protection of Emperor Alexander III during his train trips 84
Larin A.A.

CONTENTS

GLOBAL HISTORY AND INTERNATIONAL RELATIONS

Gella T.N. Austrian Empire and the Habsburgs on the pages of the British periodic publications 1861 95

Mamaiko I.A. The russian revolutions of 1917 and the belarusian statehood 107

HISTORY OF LEGAL STATEHOOD

Vorobev A.V. Russian law in the Registration books of the Military Chancery in the beginning of the 18th century 117

Borisov A.S. Some issues of the activities of executive state bodies of special competence in the subjects of the Russian Federation 125
Zhilyaeva A.M.

Olovyannikova A.S. Specificities of Speransky's legislative transformations and their comparison with the russian reality 134
Agaeva A.V.

Shchegoleva N.A. Comparative Legal analysis of activities state дума 1905-1917 144
Klevtsov M.I.

MANAGEMENT OF ECONOMIC DEVELOPMENT

Ilyin A. Yu. Development of tambov's human potential at the end of XX - early XXI century 154

ЛИВЦОВ Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: livcov@orel.ranepa.ru

САРАН Александр Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, заместитель начальника научно-организационного отдела, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: asaran1958@yandex.ru

LIVTSOV V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov@orel.ranepa.ru

SARAN A.Y., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Science and Technology, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: asaran1958@yandex.ru

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ СОВЕТСКО-ПАРТИЙНОЙ СЛУЖБЫ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1921–1928 ГГ.

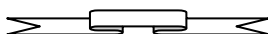
TRAINING OF PERSONNEL FOR THE SOVIET PARTY SERVICE IN THE OREL PROVINCE IN 1921–1928

Аннотация. Целью статьи является анализ эволюции системы подготовки и переподготовки профессиональных кадров для государственной службы в Орловской губернии в 1921–1928 гг. Губерния в этот период, наряду со всеми общегосударственными процессами, связанными с НЭПом, переживала еще и собственный этап региональной истории. В 1920 году из ее 12 уездов четыре были отделены для создания Брянской губернии, что значительно сократило ее экономический потенциал и лишило части управленческих кадров, которые перешли в новую губернию. В 1928 году завершилась история Орловской губернии, поскольку ее территория вошла в состав новообразованной Центрально-Черноземной области. Хронологические рамки 1921–1928 гг. ограничивают период НЭПа в стране в целом и последний период в истории Орловской губернии, в частности. Профессиональная подготовка партийно-государственных кадров велась в Орловской губернской советско-партийной школе имени В. И. Ленина, где курсанты обучались в течение двух лет. Выпускников могли назначать на различные должности в системе партийно-государственного управления. Также на базе школы проводилось повышение квалификации сотрудников различных организаций. Изучение истории школы позволяет детально воспроизвести систему подготовки кадровых советских и партийных работников, увидеть процесс формирования региональной элиты, а также воссоздать коллективный образ регионального чиновника Орловской губернии 1920-х гг.

Ключевые слова: государственная служба, государственные служащие, Орловская губерния, история профессионального образования, Орловская губернская советско-партийная школа.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the evolution of the system of training and retraining of professional personnel for public service in the Orel province in 1921-1928. The province during this period, along with all the national processes related to the NEP, was also experiencing its own stage of regional history. In 1920, four of its 12 counties were separated to create the Bryansk province, which significantly reduced its economic potential and deprived some of the managerial personnel who moved to the new province. In 1928 The history of the Orel province has ended, since its territory became part of the newly formed Central Chernozem region. The chronological framework of 1921-1928 limits the period of NEP in the country as a whole and the last period in the history of the Orel province, in particular. Professional training of party and state cadres was conducted at the Orel Provincial Soviet Party School named after V.I. Lenin, where the cadets studied for two years, graduates could be appointed to various positions in the system of party and state administration, also on the basis of the school, professional development was carried out by employees of various organizations. Studying the history of the school allows you to reproduce in detail the system of training Soviet and party personnel workers, to see the process of formation of the regional elite, as well as to recreate the collective image of a regional official of the Orel province of the 1920s.

Keywords: civil service, civil servants, Orel province, history of vocational education, Orel provincial Soviet-party school.

ВВЕДЕНИЕ

Система государственного управления в Советском Союзе строилась на нескольких основаниях, общая политическая линия развития страны и регионов находилась в руках профессиональных партийных работников РКП(б) – ВКП(б) – КПСС, реализация этой политической линии в практической деятельности осуществлялась законодательными и исполнительными органами советской власти, а также специализированными ведомствами (народными комиссариатами, позднее – министерствами). «Все органы государственного управления осуществляют планирование, общее руководство, регулирование, непосредственное управление, контроль и учет в своей области» [10, С. 15]. В настоящей статье развивается тема подготовки и переподготовки кадров государственных служащих в Орловском крае, поднятая в предыдущей работе авторов [11, С. 12–22]. Исследуемый период – 1921–1928 гг. – является этапным как в истории страны, так и в региональной истории. В 1921 году завершается политика военного коммунизма и начинается проведение новой экономической политики (НЭП), что способствовало окончательному завершению Гражданской войны в 1922 году, а также созданию в том же году нового государства – Союза Советских Социалистических Республик. 1928 год стал последним годом НЭПа, рубежом перехода от допущения рыночных методов в экономике и некоторого послабления диктатуры пролетариата в политической сфере к форсированному развитию тяжелой промышленности, сплошной коллективизации в сельском хозяйстве и резкому усилению роли руководящих органов компартии в сфере государственного управления.

Орловская губерния в 1921–1928 гг., наряду со всеми общегосударственными процессами, переживала ещё и собственный период региональной истории. В 1920 году из её 12 уездов четыре были отделены для созда-

ния Брянской губернии, что не только значительно сократило её экономический, в первую очередь промышленный потенциал, но и лишило значительной части управленческих кадров, которые перешли в новую губернию. То есть 1921 год стал началом функционирования Орловской губернии в сокращенном виде. В 1925 году из Тульской губернии в Орловскую был передан Новосильский уезд [8, С. 640], что расширило ее территорию, но не компенсировало потери западных промышленных регионов. А в 1928 году завершилась история Орловской губернии, поскольку ее территория вошла в состав новообразованной Центрально-Черноземной области (ЦЧО) с кардинальным реформированием системы управления – вместо губернских органов власти создаются местные органы управления Орловским и Елецким округами ЦЧО, а часть бывших Ливенского и Малоархангельского районов отходит в состав Курского округа [14, С. 48]. Таким образом, хронологические рамки 1921–1928 гг. ограничивают период НЭПа в стране в целом и последний период в истории Орловской губернии, в частности.

Период военного коммунизма и Гражданской войны характеризовался напряжением всех сил коммунистического и советского государственного аппарата для захвата, удержания или отвоёвывания власти у конкурирующих политических сил. В это время условий для работы по подготовке новых государственных кадров было немного. После завершения Гражданской войны на Европейской территории страны в 1920 году ситуация меняется.

Непосредственно специальная профессиональная подготовка партийно-государственных кадров в Орловской губернии берет свое начало с **Орловской губернской советско-партийной школы** (ГСПШ), первые упоминания о которой относятся к 1921 году, когда губернией фактически руководил ответственный секретарь губкома

РКП(б) В. В. Ломинадзе [15, С. 27], впоследствии видный партийный деятель [16, С. 270–271]. Задачей школы была подготовка в течение двух лет потенциальных кадров для руководящей партийной или советской работы, как в тот период обозначались государственные служащие. Кроме того, в совпартшколе на краткосрочных курсах повышали свою квалификацию и получали «идеологическую подзарядку» через прослушивание курсов марксизма-ленинизма действующие или потенциальные чиновники из разных учреждений.

Поскольку задачей государственного служащего является дисциплинированное выполнение указаний руководства, то именно воспитание у курсантов исполнительской дисциплины было одним из основных направлений работы. Об этом, в частности, говорилось 30 декабря 1924 года на объединенном заседании ячеек РКП(б) и РЛКСМ совпартшколы совместно с партколлегией Орловского губкома компартии: «...ребята, приехавшие из деревень, заражены демократичностью, хорошо еще не во всех вопросах разбираются» [3, Л. 2]. Было также отмечено, что этот «недостаток» – демократичность – в совпартшколе у курсантов постепенно «изживается». Также курсанты должны были по результатам обучения «быть знакомы, хотя бы поверхностно, по советским видам общественных работ, дабы уметь свободно в них ориентироваться и давать соответствующие указания при недостатках той или иной отрасли работы» [3, Л. 10 об.]. В данном контексте выражение «советские виды общественных работ» следует понимать, скорее, как области государственной и муниципальной службы, которые в будущем курсантам Орловской губернской совпартшколы имени В. И. Ленина предстояло курировать, проверять или даже руководить ими.

Заведующим совпартшколой в 1924 году являлся Г. Н. Васильев, который получал жалованье по 16-му разряду тарифной сетки. В

штате было 37 сотрудников: завуч П. С. Лосев (15-й разряд) со своими сотрудниками А. С. Светозаровым и П. М. Зерновым (13-й разряд), зав. административной частью (завхоз) Ф. И. Троценко (13-й разряд), завклубом П. А. Сальков (12-й разряд), заведующие кабинетами Н. М. Михайловский (физический), Я. Б. Гревцев (географический), В. В. Матвеев (биологический), Л. И. Семенов (химическая лаборатория) и штатные лекторы С. И. Горовой, М. Муравский, М. П. Баканов, М. И. Лебедева, В. В. Преображенский, И. С. Губонина, Ц. Я. Шапиро оплачивались по 15-му разряду, библиотекари М. Лебедева (12-й разряд), К. Иножарский, а также сотрудники бухгалтерии, медицинского пункта, кухни и прачечной, ставки которых колебались от 11-го разряда сетки технических сотрудников у кладовщика до 4-го разряда у курьера [2, Л. 2–2 об.; Л. 8 об. – 9]. По мере надобности привлекались преподаватели с почасовой оплатой – таким образом в марте 1925 года были привлечены к работе Жердев, Федоров и Воскресенский [2, Л. 31 об.]. По окончании учебного года увольнялись не только почасовики, но и часть штатных преподавателей, а также руководителей кружков [2, Л. 33], другая часть преподавателей отправлялась в отпуск [2, Л. 34 об.]. Права и обязанности сотрудников были закреплены в коллективном договоре. Состав сотрудников довольно часто менялся, к примеру, с окончанием отопительного сезона увольняли истопников.

Совпартшкола находилась в ведении органов наркомата народного просвещения и финансировалась ими (наркомпрос, нарком А. В. Луначарский). Использовались и другие источники финансирования. Так, распоряжением заведующего № 51 от 8 марта 1925 года было предписано «преподавателя общественных предметов тов. Шапиро Цицилию исключить с денежного довольствия с марта с/г ввиду перехода ее на содержание от кассы соцстраха» [2, Л. 18 об.]. Впрочем, с июня Ша-

пиро вновь стала получать зарплату в совпартшколе.

По другим вопросам совпартшкола тесно сотрудничала со многими органами власти. Так, студентов на практику распределяли при участии представителей горрайкома и уездного комитета ВКП (б), губполитпросвета губкома компартии, губисполкома и представителей органов кооперации [3, Л. 6].

Для занятий совпартшколы городские власти в 1921 году выделили здание бывшего Александровского реального училища (г. Орёл, ул. Кромская, с 1924 года – Комсомольская, 33), закрытого в 1918 году [9, С. 144]. В 1925 году она действовала по адресу: г. Орёл, здание бывшего земства, скорее всего, на ул. Борисоглебской (Салтыкова-Щедрина, 23), а затем, вплоть до ликвидации Орловской губернии в 1928 году, по адресу: г. Орёл, ул. Тургенева, 10 (здание не сохранилось). Летом, когда заканчивались занятия, в здании совпартшколы производился ремонт. Так, 22 июля 1925 года была назначена комиссия по приемке здания после проведенного ремонта [2, Л. 34–34 об.].

На первом потоке вечерних курсов Орловской губернской совпартшколы в августе 1921 года был 41 курсант [1, Л. 14–15]. Слушатели набирались по разверстке органов ВКП (б). В Орловском губернском почтово-телеграфном управлении наркомата связи, который возглавлял заведующий А. С. Жуковский [13, С. 510], слушателей в совпартшколу назначал президиум комячейки, а в Орловском железнодорожном депо курсанты выдвигались на общем партсобрании. В частности, железнодорожника Илью Наумова 4 августа 1921 года на службе официально известили, что по распоряжению райкома компартии он становится слушателем партшколы на месячных курсах, при этом уточнялось, что: «...явка обязательна. На время занятий в партшколе Вы освобождаетесь от явки Всеобуча и на один час раньше от заня-

тий» [1, Л. 1–1 об.]. Занятия в совпартшколе начинались в 19 часов. На извещении Наумов расписался и обязался исполнить.

Слушатели вечерних курсов совпартшколы набирались в первую очередь из государственных учреждений – управления рабоче-крестьянской инспекции, губстатотдела, губернского отдела юстиции, губвоенкомата, дорожно-транспортной ЧК, батальона ЧОН, Московско-Курской, Орловско-Витебской и Юго-Восточной железных дорог. Администрация школы не полагалась исключительно на партийные органы при наборе слушателей дневного отделения – во второй половине августа преподаватели, возвратившиеся из отпуска, командировались на 6–10 дней во все уезды Орловской губернии для набора курсантов [2, Л. 36 об.].

За посещаемостью курсантами занятий на вечерних курсах отвечала парторганизация на месте их постоянной работы. Бюро партийных ячеек 25-го отдельного батальона войск ВЧК 3 августа 1921 года отдало распоряжение в ячейку роты связи, что «за аккуратное и регулярное посещение [курсантов] будет отвечать секретарь данной ячейки, причем ни в караул, ни в какие другие наряды данные товарищи не подлежат» [1, Л. 2]. А вот железнодорожный отряд милиции Орловского участка Юго-Восточной железной дороги курсантов в наряд назначал, как следует из объяснительной записки слушателя совпартшколы Семена Илюхина от 24 августа 1921 года [1, Л. 10]. В батальоне ЧОН от дежурств также не освобождали. В случае пропуска занятий по болезни курсанты представляли в школу справку от врача.

Некоторые курсанты пытались отлынивать от занятий. Слушателю совпартшколы Лисицыну на место его службы в губсоюз 16 октября 1921 года пришла срочная депеша, в которой значилось: «...агитпропотдел райкома ВКП (б) 2-го района обязывает Вас в порядке строжайшей партийной дисциплины

ежедневно посещать курсы районной партшколы при губсовпартшколе. Других напоминаний не будет и дальнейшее непосещение Вами занятий повлечёт применение мер партвзыскания» [1, Л. 19].

Организации, направлявшие слушателей в совпартшколу, могли заменять кандидатуры. Так, 22 сентября 1921 года 1-й райком ВКП(б) г. Орла просил «исключить из списков, посещающих партшколу из комячейки губюста, Климова Ивана, а вместо него зачислить т. Коноплева Ивана» [1, Л. 24]. В тот же день этот райком просил слушательницу «т. Сергееву [от ячейки Губчека] исключить временно, так как она находится в настоящее время в отпуску» [1, Л. 25]. У железнодорожника Соболевского занятия в совпартшколе совпадали по времени с учебой в Орловском техникуме, и партячейка МКЖД просила освободить его от курсов, назначив замену – служащего станции Орёл Константинова [1, Л. 27].

В приказе от 1 октября 1924 года № 1 по Орловской губсовпартшколе имени В. И. Ленина ее заведующий Г. Н. Васильев утвердил список из 181 курсанта в группах 1-й и 2-й ступени и отдельной лекторской группы. Одним из руководящих органов было названо «Педагогическое совещание школы с участием представителей от губкома [ВКП(б)] и губно» [2, Л. 3 об.]. Здесь же был определен рабочий день для сотрудников, преподавателей и курсантов – с 9 до 15 часов. Через день появился еще один орган управления – старостат, состав которого избирался на общем собрании курсантов. Председателем бюро старостата был избран курсант групп «Б» 2-й ступени обучения Дмитрий Петров. Методическое бюро занималось вопросами учебного процесса, руководило предметными комиссиями.

Для проведения внеклассной работы распоряжением № 50 от 7 марта 1925 года «зачисляется на должность руководителя хорово-

го кружка гр. Сибиряк по 13-му разряду технической ставки» [2, Л. 18].

Совпартшкола поддерживала связи со своими выпускниками, для чего 5 декабря 1924 года была создана специальная комиссия. Как отмечал её председатель в своём отчёте 28 февраля 1925 года, «пишут курсанты с мест мало, а поэтому и отвечать приходится мало... На три письма от курсантов, которые окончили школу в прошлом году, послали три ответа. Характер письма носят следующий. Прежде всего, описательный, затем даем ответы на все вопросы, которые встречаются у них в процессе практической работы» [6, Л. 11].

Эта же комиссия отвечала за связь с подшефными моряками. Связь тоже носила эпистолярный характер, было послано три письма морякам Черноморского флота и два – Балтфлоту. Черноморцы на письма ответили, прислали номера газеты «Черноморец», в ответ из Орла были посланы несколько экземпляров «Правды молодёжи». От балтийцев ответов не последовало [6, Л. 11].

Курсанты в школу набирались в возрасте 18–35 лет, многие из них были членами РКСМ, в целом губернская комсомольская организация насчитывала в 1925 году около 12 тыс. членов и кандидатов [12, С. 21]. Поэтому комсомольская организация совпартшколы играла важную роль в деятельности учебного заведения. Курсанты в зимние каникулы 1923–1924 гг. занимались внеклассной работой по месту жительства. В марте 1924 года специальная комсомольская комиссия подвела итоги этой работы. Отчёты представили 56 курсантов-комсомольцев, которые в общей сложности доложили о проведении 249 лекций и бесед. По тематике выступления затрагивали следующие темы: на смерть В. И. Ленина (47 комсомольцев, то есть почти все участники лекционной кампании, провели 52 беседы), комсомольское Рождество (41 доклад), «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 года

(40 докладов), на смерть Карла Либкнехта и Розы Люксембург (22 беседы), работа с допризывниками (24 доклада), партийная и комсомольская работа (28 докладов), о Международной организации помощи борцам революции (МОПР) и Обществе друзей воздушного флота (ОДФ, 5 докладов), о кооперации (2 комсомольца сделали 9 докладов), на тему изб-читален (9 докладов) и т.д. [6, Л. 1].

В частности, курсант совпартшколы Семенова 4 января 1924 года получила удостоверение от Мценского уездного комитета РКСМ о командировке в Плехановскую волость «для проведения антирелигиозной кампании «Комсомольское Рождество». Просьба волкомам РКП(б) и волисполкомам оказывать полное содействие» [7, Л. 3]. А курсант Миленушкин получил подобное удостоверение 20 декабря 1923 года от губернского комитета РКСМ и был направлен в Ливенский уезд [7, Л. 5]. По итогам работы командируемые курсанты получали справки от принимающей стороны. Так, курсанту В. Лунину 12 января 1924 года комитет РКСМ Орловского района выдал справку «о том, что он участвовал в проведении кампании «Комсомольское Рождество» в совхозах среди батрацкой молодёжи и среди беспартийных в Рябинской волости» [7, Л. 8].

В январе 1925 года комсомольская организация утвердила план внешкольной работы курсантов второго года обучения по обследованию в течение февраля-марта различных организаций Орловской губернии. Курсанты-комсомольцы в соответствии с профилем своей будущей работы делились на четыре отрасли: партийно-комсомольскую, торгово-промышленную, политико-просветительскую и советско-административную. К каждой группе из 15 курсантов прикреплялся сотрудник Орловского губкома ВКП(б). Обследование нужно было проводить по программе не менее чем в 25 часов [6, Л. 3]. Курсанты первого года обучения получали задание обследовать работу губоно, губфо, отдела коммунального

хозяйства, партийно-комсомольских органов, промышленных предприятий и профсоюзов [3, Л. 4 об.].

Совпартшкола шефствовала над семью орловскими деревнями, в которых проживали 430 домохозяев. Для этого в октябре 1924 года была создана шефская комиссия по работе в деревне при ГСПШ. В составе комиссии значилось 75 человек во главе с бюро из 4 курсантов, председатель – курсант Желудько. К 1 июня 1925 года шефская комиссия провела 5 заседаний бюро и 6 общих собраний, а также 38 еженедельных воскресных выездов в деревни [6, Л. 18]. Школьное шефское общество тесно сотрудничало с райкомами, волостными комитетами ВКП(б) и сельскими советами, участвовало в их заседаниях, координировало работу с крестьянами. Поддерживалась связь и с Центральной избой-читальней.

Шефская работа заключалась в предоставлении библиотек-передвижек с сельскохозяйственной литературой, в выписке газет «Орловская правда», «Беднота», «Крестьянская газета» и других. Совместно с местными органами власти и школьными работниками слушатели совпартшколы провели в День Октябрьской революции 7 ноября 1924 года в подшефных деревнях демонстрации и прочитали доклады по этой теме [3, Л. 20]. Курсанты-комсомольцы проводили в подшефных деревнях беседы о кооперации, госстрахе, международном положении СССР и на другие подобные темы. Благодаря курсантам в этих деревнях были созданы общественные организации: Союз воинствующих безбожников (27 человек), Общество друзей воздушного флота (29 человек), МОПР (22) [6, Л. 4]. Было создано 5 пунктов ликвидации неграмотности. Отдельно велась работа среди женщин – было проведено 8 делегатских собраний, для сельских женщин было прочитано 49 докладов «на жизненные темы» [6, Л. 18 об.]. Особая заявка поступила в шеф-

ское общество ГСПШ 25 ноября 1924 года из Орловского горрайкома РЛКСМ, в ней говорилось: «...в целях усиления работы среди девушек-крестьянок в начале декабря проводится конференция девушек. Следует принять активное участие, посылая туда своих представителей, литературу и газеты для делегатов, поставить силами ячейки спектакль или концерт» [7, Л. 49].

Участники шефской работы вели индивидуальные дневники и отчитывались на бюро комсомольской ячейки совпартшколы. Итоги работы в течение 1924–1925 гг. были оценены следующим образом: «посещаемость крестьянами красных уголков до самой весны возросла, часть стала самостоятельно выписывать газеты, мы являемся стимуляторами интереса к чтению, а также к созданию пионеротрядов, красных уголков, кружков ликвидации безграмотности. В связи с весенними работами шефская работа до некоторой степени свернута» [6, 4 об.].

Шефская работа Орловской губсовпартшколы инициировалась не только сверху, из губернских структур, но и снизу. Так, 4 октября 1924 года секретарь комитета РКП(б) Песочинской волости Орловского уезда Калганов направил в совпартшколу требование 10 октября направить своих представителей на совещание представителей культшефов, поскольку «культурно-просветительная работа среди крестьянского населения требует подъёма» [7, Л. 48].

В совпартшколе, помимо комсомольской ячейки, действовали и другие общественные организации. В частности, 28 сентября 1924 года на общем собрании была образована ячейка Международной организации помощи борцам революции (МОПР), тут же избрали руководство – бюро ячейки в составе трех человек и секретаря. К октябрю того же года в ячейке МОПРа совпартшколы насчитывалось уже 182 человека, из которых 38 были коммунистами, 30 – кандидатами в члены ВКП (б),

94 – комсомольцами и 17 – беспартийными. Причём 34 человека вступили в МОПР вне стен совпартшколы. С сентября 1924 по февраль 1925 года были проведены 2 собрания и 3 заседания бюро [6, Л. 8].

Для помощи зарубежным узникам члены ячейки собирали денежные средства, которые поступали от членских взносов (46,75 руб., причём оказалось 13 непла-тельщиков), пожертвований (9 руб. серебряной монетой царской чеканки от одного курсанта) и от распространения литературы (9,35 руб.), которая в кредит выдавалась губернским отделом МОПРа [6, Л. 8–8 об.].

С 1 по 15 декабря 1924 года проводился двухнедельник МОПРа, губотделом организации ячейке совпартшколы было дано задание: набрать 50 новых членов, распространить 49 экземпляров газет и 36 мопровских марок. В отношении вербовки задание было перевыполнено – в ячейку вступили 58 курсантов, а два слушателя обязались завербовать 23 человека в подшефных школе деревнях. Ячейка пыталась провести воскресник в пользу МОПРа, но в Орловском коммунхозе не нашлось подходящих работ. Да и «отпущенные газеты и марки в стенах школы распространены быть не могли, за безденежьем курсантов, также не были распространены и в деревне» [6, 8 об.]. Впрочем, 3 газеты продать все-таки удалось. Оценивая работу, секретарь ячейки отметил главную трудность: «...в члены МОПРа приходилось тянуть зачастую с индивидуальной обработкой, безусловно не потому, что у нас несознательные товарищи, а потому, что у нас свирепствует эпидемия безденежья...» [6, Л. 9 об.].

«Эпидемия безденежья», описанная выше, неблагоприятно сказывалась на моральном состоянии части коллектива курсантов совпартшколы. Как отмечалось на заседании старостата 20 ноября 1924 года, «подобные явления, как кражи у курсантов денег и вещей, принимают широкий размах» [7, Л. 50]. Не-

сколько человек было выявлено. В частности, на этом заседании старостата было принято решение «ходатайствовать перед учебной частью об исключении т. Иваничкина из школы, как негодного элемента, так как факт кражи им денег вполне установлен... в бюро ячейки РЛКСМ сообщить о постановлении бюро старостата» [7, Л. 50]. Вскоре указанный курсант был отчислен из совпартшколы вместе с комсомольцем Бологовым.

Взаимоотношения как между самими слушателями, так и между курсантами и администрацией совпартшколы не всегда складывались ровно. Так, 30 декабря 1924 года на объединённом заседании ячеек РКП(б) и РЛКСМ совпартшколы совместно с партколлекцией Орловского губкома компартии рассматривался вопрос о жалобе курсанта 2-й ступени группы «Б» Георгия Трепетцова на заведующего школой Г. Н. Васильева. Главу школы обвиняли в «бюрократизме, грубом обращении с курсантами и некоммунистическом поведении» [3, Л. 1]. В качестве примеров Трепетцов сообщил, что Васильев после выборов старостата собрал курсантов 2-го года обучения и «за недисциплинированность на беспартийном собрании давал нагоняй, называя их юношами и молокососами, что их особенно волновало». Затем курсант Трепетцов на другом собрании был публично назван «молокососом» за неверное выступление. И еще ему влетело от заведующего за то, что он хотел порвать вывешенное на доске объявлений решение школьного совета по поводу воровства, в котором запрещалось посещение школы посторонними лицами. Курсант Сальков уточнил, что запрет посещения был обусловлен не только случаями воровства, но и тем, чтобы «гарантировать защиту школы от всяких заразных заболеваний» [3, 3 об.]. В своём выступлении заведующий Г. Н. Васильев пояснил, что «Трепетцов человек больной, с зачатками туберкулеза, и очень часто бывает невыдержанный, с анархическими замашка-

ми», но признал, что и у него «прорывались резкости» [3, Л. 1 об.]. Заседание постановило «заявление тов. Трепетцова считать необоснованным» [3, Л.2].

Как видим, в этом конфликте столкнулись две позиции – курсанта, проявившего «анархизм», и по сути, требовавшего демократического обращения в личном общении, выборов старостата не по указке администрации, а по предложению самих слушателей, свободного общения с посетителями в помещениях школы, и заведующего совпартшколой, прививающего иные нормы – нормы поведения госслужащих, для которых главным было исполнение распоряжений вышестоящих начальников и проявление самостоятельности только в допустимых рамках. Конечно, и в этих условиях недопустимы произвол, всевластие и хамство начальников: это означало бы, что начальники не подчиняются основным принципам системы власти, сами проявляют недисциплинированность. Исходя из понимания этих обстоятельств, заведующий Васильев и признал свое поведение неправильным по форме. В заключение совещание приняло еще одно решение: «поручить бюро ячеек РКП(б) и РЛКСМ совместно поднять дисциплину» [3, Л. 2 об.]. Отметим, что в стране проводился НЭП с его определенными допущениями демократизма в экономике, что, несомненно, влияло и на общественные настроения. В этих условиях борьба с проявлениями, по Ленину, «мелкобуржуазности» крестьянства, которое составляло абсолютное большинство населения, должна была проводиться с особым тактом.

Помимо ВЛКСМ и МОПРа, в Орловской губсовпартшколе действовала первичная организация Общества друзей воздушного флота (ОДВФ) под председательством курсанта Ивана Красногорцева [3, Л. 9]. На 28 февраля 1925 года в ячейке насчитывалось 170 членов, из которых 25 были коммунистами, 30 – кандидатами в члены ВКП(б), 85 – комсомольца-

ми. Ячейка отметила и гендерный состав своих членов – 29 женщин и 141 мужчина. Взносы удалось собрать только у 45 % членов, от губернского совета ОДВФ были получены значки, жетоны и открытки, но и по ним имелась задолженность в 94,07 руб. С октября 1924 года были проведены 2 собрания и 4 заседания бюро ячейки. Для членов ячейки были прочитаны лекции со световыми картинками: «История авиации» и «Цепеллины и дирижабли», а также проведена экскурсия в авиамастерскую (бывший магазин Дугина) [6, Л. 10].

Созвучно нашему времени, когда гендерная тематика является неперемной участницей практически всех направлений общественной и политической жизни, и в 1920-е гг. вопросы пола, равноправия женщин были в центре внимания. В Орловской губернской совпартшколе имени В. И. Ленина в 1924 году был создан женский кружок в составе 31 курсантки. На собрании 12 декабря 1924 года выбрали руководящую тройку и приняли план работы до июня 1925 года. За это время предполагалось познакомиться с документами 13-го съезда РКП (б), Коминтерна, 3-й сессии ВЦИК, программой компартии, историей Парижской коммуны, «Кодексом законов о труде в области охраны труда женщин и подростков-девушек», а также определиться с задачами женкружка, «просить губженотдел о выделении докладчика на тему материнства и младенчества, а также о значении абортов»; вовлекать девушек в культурно-просветительную работу, в клубные секции и выдвинуть собственную кандидатку в Орловский горсовет [3, Л. 15].

На собрании женского кружка 15 марта 1925 года в докладе слушательницы совпартшколы Галины Пудлиной был затронут вопрос о «свободной любви»: «Живут, потом разводятся, в этом нужно принимать во внимание необеспеченность детей, что влечет за собой заболевание и вымирание. Мужчина, если и

обеспечивает детей, то не вполне правильное воспитание» [3, Л. 17]. Другую важную для женщин тему подняла в своем выступлении курсантка Никитченкова – «о вреде косметики и как мы должны смотреть на эту косметику – пудра, завивка и т.д., это вредит коже, кроме этого, какие взгляды девушек деревни. Пудра, завивка – это пережиток старины, в красоте мы признали красоту естественную» [3, Л. 17].

Еще одним общественным образованием, характерным для советского времени, был товарищеский суд Орловской губсовпартшколы. Он был образован 22 ноября 1924 года и до 26 февраля рассмотрел три дела – об оскорблении одного курсанта другим, о взятии книг из ленинской комнаты без ведома лаборанта и о заметке в стенгазете, в которой один из курсантов обвинял суд в бездеятельности [6, Л. 13].

В 1927–1928 гг. при Орловской губернской совпартшколе работала **вечерняя советско-партийная школа** (ВСПШ), которая подразделялась на несколько потоков по территориальному признаку: ВСПШ 1-го городского района, ВСПШ 2-го района, ВСПШ Железнодорожного района, ВСПШ первой и второй группы при губернской совпартшколе.

Помимо курсантов очного отделения с двухлетним сроком обучения и слушателей вечерних курсов, совпартшкола принимала также сторонние очные курсы из различных организаций. Такие слушатели тоже обеспечивались всем необходимым. Так, распоряжением от 11 ноября 1924 года № 17 заведующий школой Г. Н. Васильев приказал «зачислить на продуктивное довольствие (платное) с сего числа курсантов школы политграмоты при Орловском уезде [ВКП (б)] в количестве 38 человек» [2, Л. 8 об.].

Комендантская опись имущества позволяет представить себе оборудование Орловской губсовпартшколы имени В. И. Ленина: 10 учебных досок ясно указывают на количество учебных аудиторий, 344 простых краше-

ных и 1 венский стул обеспечивали размещение одновременно именно стольких слушателей и преподавателей. В помещениях находились 91 парта и масса разнообразных столов – 146 учебных, 85 простых крашенных, 88 прикроватных, 8 канцелярских и 2 дубовых письменных, последние явно предназначались для руководства совпартшколы. Сохранилась и 2 конторки – столы для письма стоя. В помещениях были расставлены диваны: деревянные – 37 больших и 26 малых, мягкие – 2. У совпартшколы было свое общежитие жилой площадью 1219 кв. м [5, Л. 2 об.], именно там находились указанные 88 прикроватных столов. Кроватей было 168 – можно предположить, что аналогичным было и число проживающих. В совпартшколе имела своя столовая, здесь стояли 85 простых крашенных столов и 188 табуретов. Во всех помещениях были батареи отопления в количестве 150 штук, 81 выключатель на 125 электролампочек, правда, патрон под лампочки был 141, то есть лампочек в совпартшколе не хватало. Предметами бытовой культуры можно считать также часы – двое круглых и ходики, 68 вешалок, два зеркала, 17 тумб для мусора и 21 плевательницу [4, Л. 21–21 об.]. Следует отметить, что перечисленное имущество использовалось как вечерним, так и дневным отделением Орловской губернской совпартшколы имени В. И. Ленина.

Занятия в орловской вечерней совпартшколе в 1927 году начинались 11 октября. В группе 2-го городского района Орла было 20 слушателей в возрасте от 41 года до 24 лет. Все они были грамотными, половина – членами и кандидатами в члены ВКП(б). Эти кандидаты в госслужащие работали на разных предприятиях и в учреждениях Орла – на заводе им. Медведева (сварщик, литейщик, слесарь), спиртзаводе (разливщик), «Эльтрамводе» (бригадир, мастер, столяр, 3 слесаря), заводе им. Рыкова (чернорабочий), в Центральном рабочем кооперативе (ЦРК) (заве-

дующий колбасной фабрикой, помощник завбазой), Орловском изоляторе (младший помощник начальника тюрьмы) и другие [4, Л. 29].

Слушателям ВСПШ преподавали следующие предметы: историю ВКП(б), политэкономии, экономику, государственное и партийное строительство (гпстрой). Проводилась весьма дифференцированная оценка работы слушателей школы, главным показателем которой была степень усвоения программы обучения. Так, если Ефимов и Цвиль хорошо усвоили материал, то у Алексеева и Белозерова в этой графе стояло «удовлетворительно», а у Романова вообще – «слабо». Следующий показатель – активность на занятиях, здесь оптимальной была формулировка «достаточная», наиболее активные выступали с докладами, задавали вопросы. 10 из 11 слушателей вполне удовлетворяли преподавателей, лишь всё того же Романова была недостаточная активность [4, Л. 9].

Следующая характеристика касалась столь важного для государственных служащих навыка устных выступлений. Здесь лучшая характеристика была у слушателя Алексеева, который «умел формулировать свои мысли устно и письменно», Романов «затруднялся формулировать свои мысли ввиду слабой подготовки», а вот у слушателя Гуревича была другая проблема – он «формулировал свои мысли недостаточно ясно ввиду отсутствия дара красноречия» [4, Л. 9].

Сотрудники вечерней совпартшколы учитывали и желания своих выпускников относительно дальнейшей учебы. Наиболее подготовленные хотели поступать в заочный коммунистический вуз, другие планировали поступить в головную совпартшколу, третьи – окончить годичные общеобразовательные курсы, были желающие ходить в кружок ленинизма 1-й или 2-й ступени. А вот для Романова рекомендовалось «повторить вечернюю совпартшколу» [4, Л. 9].

Заключительная графа оценочной таблицы называлась – «На какой работе слушателя целесообразно использовать». Наиболее подготовленных выпускников рекомендовалось направить на агитационно-пропагандистскую работу (на агитпропарботу – двоих из 11 выпускников), других – на организационную работу, а Романова никуда не направлять [4, Л. 9].

Скорее всего, эта итоговая сводная таблица готовилась на основании отзывов преподавателей-предметников ВСПШ. В частности, преподаватель истории ВКП (б) Н. Гнездинский в характеристиках своих 10 слушателей 1927–1928 учебного года использовал следующие критерии: посещаемость (поскольку это было вечернее отделение совпартшколы, то слушатели приходили после работы, и у многих посещение носило нерегулярный характер, но многие посещали занятия аккуратно); интерес к предмету (он был достаточным или даже значительным). Затем следовало описание активности на занятиях – малая активность, активность, «активность по всем затрагиваемым вопросам». У некоторых слушателей отмечается умение «толково оформлять свои мысли». Отмечалась преподавателем и внеклассная работа по предмету, у некоторых слушателей она была нерегулярной. Усвоение программы курса описывалось от «вполне удовлетворительно» до «имеет ориентировку» и до «усвоил слабо». Наконец, итоговым параметром были рекомендации по дальнейшему использованию выпускников – от совета работать пропагандистом до предложения направить на предметный кружок, а у «слабо усвоившего курс» Петушкова этот пункт характеристики просто отсутствовал [4, Л. 3–3 об.].

Другой преподаватель истории ВКП (б) – Позняков – также составил таблицу о работе 8 своих слушателей из 7 граф: № по порядку, фамилия, имя, степень усвоения программы, учебная активность, умение формулировать

свои мысли, направления для дальнейшего образования. Причем «графу 7-ю добавил и заполнил лично без какого-либо опроса и мнения моих слушателей», записал в примечаниях к таблице Позняков. Дело в том, что преподаватель ранее отметил, что «графы 2–6 заполнялись согласно отзывам слушателей о товарище» [4, Л. 15].

Седьмая графа имела название «Примечания преподавателя» и содержала развернутые и порой эмоциональные оценки Познякова, которые позволят и нам ярче представить себе слушателей Орловской губсовпартшколы конца 1920-х гг. и сами занятия. Вот одна из таких характеристик: «Тов. Коптев был единственным моим слушателем, который посетил все мои занятия. Были случаи, когда мы работали только двое. Каждый раз тов. Коптев приходил с хорошей проработкой дома литературы. Это очень ценный товарищ, упорно работающий над своим самообразованием. Было бы преступлением не дать ему возможности поступить в Губсовпартшколу» [4, Л. 15]. Из этой характеристики видны не только добросовестность и целеустремленность слушателя, но и сам статус вечерней совпартшколы – она рассматривалась как ступень подготовки к очной учебе в Орловской губернской совпартшколе имени В. И. Ленина.

Хорошая посещаемость, не была специальным требованием для преподавателя-историка Познякова, что видно из другой характеристики: «Тов. Гречишников посетил только последнее занятие СПШ – по пятницам она занята. Это молодой, энергичный товарищ, которого учёба просто притягивает. Она имеет образование в объеме 1 ½ СПШ 2-й ступени. Очень хочет попасть в Губсовпартшколу. Лично я против посылки тов. Гречишниковой в Губсовпартшколу, ей место в группе по подготовке в вуз, и в вуз было бы очень целесообразно послать её заместителем к хорошему руководителю в какой-нибудь кружок или школу, ибо это за-

ставило бы её глубоко прорабатывать вопросы. Это мнение у меня сложилось на основе одной только встречи, но думаю, что я не делаю здесь ошибки...» [4, Л. 15]. Конечно, в такой характеристике ощущается и глубокое впечатление от личности девушки.

Иное впечатление произвела на Познякова «тов. Бушман, 60 лет от роду. На моих занятиях она была два раза. Оба раза она молчала. Сколько-либо удачных ответов на мои вопросы я не получал. Вряд ли можно предполагать наличие у тов. Бушман особой страсти к учебе – годы дают знать себя» [4, Л. 15].

Между этими полярными оценками находились остальные слушатели: «Тов. Миронов может быть взят за образец среднего слушателя СПШ. Не посетил он 2 или 3 занятия. В Ленинском кружке будет вполне хорошим слушателем, но нажим нужен». И далее: «Тов. Новицкий – точная копия тов. Миронова. В Ленинский кружок» [4, Л. 15].

Характеристики студентов, как следует из протокола от 8 мая 1928 года, утверждались на собрании слушателей вечерней совпартшколы. При этом вторым пунктом повестки собрания значилось: «Дача характеристики преподавателям Зубакину и Шевкуну». Слушатели решили, что «преподаватели Шевкун и Зубакин вполне подготовлены по своим предметам. Все вопросы излагали ясно и понятно. Со слушателями установили товарищеские отношения» [4, Л.7]. Нужно добавить, что Шевкун присутствовал на собрании и подписал его протокол.

Преподаватель истории компартии Н. Гнездинский оставил и общий отчет о преподавании на курсе 1927–1928 гг. В нём указано полное выполнение программы на 63-часовой объём курса. Основным методом работы была развернутая беседа, «элементов лабораторного плана провести почти не удалось», задания для самостоятельной работы давались слушателям регулярно, но «самостоятельно слушатели над материалом, за

редким исключением, не работали, что явилось главным затруднением в проведении работы». Преподаватель вполне отчётливо видел и причины «затруднений» – «загруженность и по основной работе, и по линии партнагрузки». Подготовку самостоятельных докладов Гнездинский не поручал, хотя несколько раз слушатели делали сообщения инициативно. Несколько слушателей, вероятно, имеющих навык учёбы в высшей школе, по собственной инициативе составляли конспекты занятий, к удивлению преподавателя, «довольно сносно». В общем, по словам Н. Гнездинского, «состав самих слушателей не вполне соответствовал тем требованиям, которые должны быть предъявлены к поступающим в ВСПШ с целью успешной проработки положенной программы». В этой связи и «учебник по Истории ВКП (б) слишком сложен для контингента». Отметил преподаватель и некоторые внешние обстоятельства: «зачастую холод в помещении вынуждал закончить занятия ранее установленного времени» [4, Л.3].

Другой преподаватель вечерней совпартшколы – Шевкун – вёл два предмета: Политэкономия (39 часов) и Историю ВКП (б) (45 часов, еще 15 часов по этому предмету проработал Лютиков). Шевкун успел, помимо программы, ещё 3 часа потратить на «Тезисы о пятилетке» и 3 часа дополнительных занятий ушло на «Итоги 10-летия Октябрьской революции». В целом, Шевкун отмечает те же трудности, что и Гнездинский, – недостаточную самостоятельную работу слушателей. Он предлагает и выход – по вторникам (это был первый день занятий) слушатели двух групп самостоятельно под контролем одного дежурного преподавателя прорабатывают материал курса, а на второй день занятий (по пятницам) на совместной же конференции двух групп обмениваются знаниями. Правда, при таком методе нужно было на треть увеличить объём учебной нагрузки, преподаватель практически

устранялся из процесса преподавания, да и кабинеты ВСПШ не могли вместить одновременно две группы. Но у Шевкуна и здесь было предложение – перенести занятия вечерней школы в помещения дневной совпартшколы, да, кстати, и самостоятельные занятия вечерников проводить «под руководством преподавателей той же школы» [4, 6]. Видимо, этот преподаватель не заметил, что внедрение «бригадного метода» приведет к ликвидации преподавательского корпуса как такового, а перенос нагрузки на другое подразделение будет означать ликвидацию вечерней школы как структурной единицы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в Орловской губернии в период 1921–1928 гг. профессиональная подготовка партийно-государственных кадров велась в Орловской губернской советско-партийной школе имени В. И. Ленина (ГСПШ) и вечерней советско-партийной школе (ВСПШ) при Орловской губернской совпартшколе. В ГСПШ курсанты обучались с отрывом от производства в течение двух лет, в завершение проводились квалификационные испытания, и выпускников могли назначать на различные должности в системе партийно-государственного управления или зачислять в кадровый резерв. На базе ВСПШ проводилось повышение квалификации сотрудников различных организаций. Изучение истории этих учебных заведений позволяет детально воспроизвести систему подготовки кадровых советских и партийных работников, увидеть процесс формирования региональной элиты, а также воссоздать коллективный образ регионального чиновника Орловской губернии 1920-х гг.

Библиография:

1. Государственный архив Орловской области. Ф. П-446. Оп. 2. Д. 2.
2. Государственный архив Орловской области. Ф. П-446. Оп. 2. Д. 5.

3. Государственный архив Орловской области. Ф. П-446. Оп. 2. Д. 6.
4. Государственный архив Орловской области. Ф. П-446. Оп. 2. Д. 9.
5. Государственный архив Орловской области. Ф. П-446. Оп. 2. Д. 46.
6. Государственный архив Орловской области. Ф. П-1379. Оп. 1. Д. 27.
7. Государственный архив Орловской области. Ф. П-1379. Оп. 1. Д. 29.
8. Государственный архив Орловской области. Путеводитель. – Орёл: Труд, 1998. – 693 с.
9. Егоров Б.А., Еремин В.П. Весь город Орёл. Справочник. – Орёл: Орелиздат, 1993. – 302 с.
10. Коржихина Т.П. История государственных учреждений СССР. – М.: Высшая школа, 1986. – 399 с.
11. Ливцов В.А., Саран А.Ю. Эволюция системы государственной службы и подготовки кадров для неё в Орловском крае в XVI – начале XXI века // Вестник государственного и муниципального управления. – 2021. – Т. 10. – № 2. – С. 12-22.
12. Ливцов В.А., Орлова Л.Н., Саран А.Ю., Фефелова О.С. Комсомол Орловской области: история становления и развития. 1918–1991 гг. – Орёл: Изд. Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2019. – 216 с.
13. Саран А.Ю. История почты Орловского края. Изд. 3-е, доп. – Орёл: Труд, 2004. – 560 с.
14. Саран А.Ю. Большая Орловщина. История административных границ. 1566–2012 гг. – Орёл: Издательство ОрёлГАУ, 2013. – 297 с.
15. Саран А.Ю. Региональные власти Орловского края XVI – XXI веков. Персональный состав. – Орёл: Картуш, 2020. – 96 с.
16. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – М.: РОС-

СПЭН, 2012. – 478 с.

References:

1. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti [State Archives of the Oryol Region]. F. P-446. Op.2. D. 2. (In Russ.).
2. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti [State Archives of the Oryol Region]. F. P-446. Op.2. D. 5. (In Russ.).
3. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti [State Archives of the Oryol Region]. F. P-446. Op.2. D. 6. (In Russ.).
4. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti [State Archives of the Oryol Region]. F. P-446. Op.2. D. 9. (In Russ.).
5. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti [State Archives of the Oryol Region]. F. P-446. Op.2. D. 46. (In Russ.).
6. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti [State Archives of the Oryol Region]. F. P-1379. Op.1. D. 27. (In Russ.).
7. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti [State Archives of the Oryol Region]. F. P-1379. Op.1. D. 29. (In Russ.).
8. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti. Putevoditel'. – Orol: Trud, 1998. – 693 s. (In Russ.).
9. Yegorov B.A., Yeremin V.P. (1993) Ves' gorod Orol. Spravochnik [The whole city of Oryol. Directory]. – Orol: Orolizdat. – 302 s. (In Russ.).
10. Korzhikhina T.P. (1986) Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy SSSR [History of state institutions of the USSR]. – M.: Vysshaya shkola. – 399 s. (In Russ.).
11. Livtsov V.A., Saran A.Yu. (2021) Evolyutsiya sistemy gosudarstvennoy sluzhby i podgotovki kadrov dlya ney v Orlovskom kraye v XVI – nachale XXI vekov [Evolution of the civil service system and personnel training for it in the Oryol Territory in the 16th - early 21st centuries] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya. – T.10. – № 2. – S. 12-22. (In Russ.).
12. Livtsov V.A., Orlova L.N., Saran A.Yu., Fefelova O.S. Komsomol Orlovskoy oblasti: istoriya stanovleniya i razvitiya. 1918-1991 gg. [Komsomol of the Oryol region: the history of formation and development. 1918-1991]. – Orol: izd. Srednerusskogo instituta upravleniya – filiala RANKhiGS, 2019. – 216 s. (In Russ.).
13. Saran A.Yu. Istoriya pochty Orlovskogo kraya [The history of the post office of the Oryol region]. Izd. 3-ye, dop. – Orol: Trud, 2004. – 560 s. (In Russ.).
14. Saran A.Yu. Bol'shaya Orlovshchina. Istoriya administrativnykh granits. 1566-2012 gg. [Bolshaya Orlovshchina. History of administrative boundaries. 1566-2012]. – Orol: Izdatel'stvo Orel GAU, 2013. – 297 s. (In Russ.).
15. Saran A.Y. Regional'nyye vlasti Orlovskogo kraya XVI–XXI vekov. Personal'nyy sostav [Regional authorities of the Oryol region of the 16th – 21st centuries. Personal composition]. – Orol: Kartush, 2020. – 96 c. (In Russ.).
16. Khlevnyuk O.V. Khozyain. Stalin i utverzhdeniye stalinskoy diktatury [Master. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. – M.: ROSSPEN, 2012. – 478 s. (In Russ.).

УДК 354.31:351/354(470)''18''

DOI:10.22394/2225-8272-2021-10-4-26-33

ВЫХОДОВ Александр Александрович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова (Россия, Орёл), e-mail: alex-exit@mail.ru

YUKHODOV A.A., Candidate of Legal Sciences, Chief lecturer of the chair of State and legal disciplines of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Russian Federation, Orel), e-mail: alex-exit@mail.ru

ФУНКЦИИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

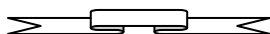
FUNCTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS IN THE SPHERE OF STATE ADMINISTRATION OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Аннотация. Цель статьи заключается в анализе организации централизованного управления внутренними делами Российской империи посредством учреждения в 1802 году министерства внутренних дел. Автор, охарактеризовав структуру данного института и эволюцию его компетенции в первой половине XIX века, делает акцент на необходимости отхода от его догматической характеристики как исключительно центрального органа управления полицейскими учреждениями в государстве. Рассматриваются основные изменения в компетенции Министерства внутренних дел Российской империи в рассматриваемый период. На основе анализа законодательства Российской империи XIX века в отечественной науке формулируется вывод о том, что Министерство не только изменило свое историческое предназначение, состав и структуру, управляло различными сферами жизнедеятельности государства, но и получило непродолжительный опыт управления органами политической (высшей) полиции.

Ключевые слова: Российская империя, МВД, управление промышленностью, Министерство полиции, высшая полиция, Департамент внутренних дел.

Abstract. The article analyzes the organization of centralized management of internal affairs of the Russian Empire through the establishment of the Ministry of Internal Affairs in 1802. Having characterized the structure of this institution and the evolution of its competence in the first half of the XIX century, the authors emphasize the need to move away from its dogmatic characterization as an exclusively central governing body of city and county police institutions in the state. The main changes in the competence of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire during the period under review are considered. Based on the analysis of the legislation of the Russian Empire of the XIX century and the domestic legal science, the conclusion formulated that it not only changed its historical purpose, composition and structure, managed various spheres of the state's life, but also received a short experience in managing the bodies of the political (higher) police. The conducted research demonstrates the relevance of further research on the effectiveness of the organization of internal affairs management in the Russian Empire.

Keywords: Russian Empire, Ministry of Internal Affairs, Ministry of Police, industrial management, Higher Police, Department of Internal Affairs.

ВВЕДЕНИЕ

Манифест Александра I от 8 (20) сентября 1802 года (далее – Манифест), являясь одним из важнейших отечественных историко-правовых нормативных правовых документов, несомненно, предопределил эволюцию политического управления Российской империи на протяжении всего XIX века. Содержащиеся в нём цели и задачи, предопределяющие непосредственное разделение государственного управления на 8 частей (министерств), заключающиеся в обеспечении «народного спокойствия», повышении благосостояния подданных, наличии справедливого правосудия, оптимизации промышленности и торговли, а также в развитии культуры государства, сами по себе являются важнейшими маркерами успешности и эффективности государственного управления и в XXI веке. В то же время, несмотря на общедоступность текста данного Манифеста, представляется достаточно некорректным подход, встречающийся в отдельных историко-правовых работах, посвящённых данному акту и его государственно-правовым последствиям, артикулирующий при их исследовании исключительно на одной из функций образованных министерств. В большей степени это касается понимания роли и значения в государственном механизме первой половины XIX века Министерства внутренних дел Российской империи (далее – МВД РИ), назначение которого не должно рассматриваться в историко-правовых работах только лишь через призму управления полицейскими частями в государстве.

Напротив, в IV разделе указанного Манифеста, который раскрывает предназначение МВД РИ, упоминание полиции находится лишь в перечислении должностных лиц, обязанных доставлять министру рапорты «обыкновенные» и о чрезвычайных происшествиях [5, С. 245]. В этой связи, вполне очевидно, что данное министерство Российской импе-

рии, образованное в 1802 году, являлось, прежде всего, одним из первых органов централизованного управления государством, подробная характеристика которого способствует его широкому историко-правовому осмыслению как министерства, определяющего и, по сути, реализующего внутренние функции Российской империи в первой половине XIX века.

В контексте данной проблематики следует согласиться с позицией А. С. Элизбаряна о том, что только лишь к 1811 году завершился процесс «институционализации» и централизации полицейских учреждений [16, С. 191], обретение ими конкретного правового статуса.

Схожей позиции придерживаются Е. А. Пушкарев и А. А. Швец, приводя объективные причины того, что в рассматриваемый период министерство хотя и способствовало формированию и унификации полицейских учреждений, но не могло выстроить из них полностью централизованную систему, так как организация непосредственной работы низовых полицейских органов на протяжении 1782–1862 годов основывалась на «Уставе благочиния» [14, С. 107].

В целом, раскрывая предмет ведения МВД РИ, следует согласиться с позицией Н. А. Маслова о том, что его разнообразие затрудняет даже попытку подробного описания в рамках одной работы, а значительный объем компетенции, выходящий за пределы правоохранительной деятельности, сохранялся за министерством вплоть до революции [3, С. 259].

Поэтому говорить о полиции как центральном объекте управления в МВД РИ в начале XIX века представляется неуместным.

Примечательно, что в тексте Манифеста Александр I отразил принцип двухуровневой организации управления внутренними делами в Российской империи.

С одной стороны, указываются создан-

ные ранее и переподчиненные образованному министерству правительственные учреждения, образующие «министерский (национальный) уровень» управления внутренними делами, а с другой стороны, раскрывается «региональный уровень» через призму указания органов и должностных лиц, территориально находящихся в губерниях и имеющих подчинение МВД РИ. Представляется, что поиск оптимального взаимодействия данных уровней, выстраивания связи и подотчётности между ними с целью оптимизации и эволюции организации управления внутренними делами на территории Российской империи наиболее ярко отражают структурные преобразования внутри министерства в первые годы его существования.

В то же время хотелось бы отметить, что мы не ставим своей задачей противопоставление понятий органов внутренних дел и полицейских учреждений в историческом аспекте, а, напротив, признаём их соотношение как общего и частного, но не до степени смешения. Представляется вполне логичным, что наравне с трансформацией назначения и компетенции самого Министерства, следует с таких же позиций оценивать содержание органов внутренних дел, как основной его единицы.

Выглядит вполне допустимым утверждение о том, что элементный состав рассматриваемого министерства в первой половине XIX века формирует понятие органов внутренних дел исследуемого периода, ввиду отсутствия схожего института в предыдущие периоды развития государства, а также обозначенного предназначения и состава данного министерства, закреплённых Манифестом от 8 (20) сентября 1802 года. Отдельные попытки отождествления данного понятия исключительно с полицией в историческом аспекте являются некорректными.

В этой связи необходимо обратить более пристальное внимание на те государствен-

ные учреждения, которые были переданы в ведение МВД РИ в момент его образования.

Одним из таких структурных элементов в министерстве была Мануфактур-коллегия, восстановленная 17 ноября 1796 года имённым указом Павла I [6, С. 9] с целью оптимизации управления промышленностью в Российской империи, в том числе путём «разгрузки» губернских казенных палат от непосредственного управления ею на своей территории ввиду их загруженности иными полномочиями и задачами.

Иными органами, восстановленными в 1797 году и включёнными в 1802 году в структуру образованного МВД РИ, были Главная соляная контора, созданная с целью «пользы казенной и выгоды народной» в части обеспечения населения солью и на которую распространялся её правовой статус, действовавший в отношении нее до 1783 года, а также Экспедиция государственного хозяйства, опекуинства, иностранных и сельского домоводства, фокусировавшаяся среди прочего на управлении иностранными колонистами (например, немцами Поволжья).

Непосредственно существование Мануфактур-коллегии в структуре МВД РИ заняло непродолжительное время, она была окончательно ликвидирована Александром I 27 февраля 1804 года [7, С. 159]. Ликвидация Мануфактур-коллегии закончила первый этап реформирования министерства, начатый 18 июля 1803 года и заключающийся в её объединении с иными «рудиментами» XVIII века в составе Экспедиции государственного хозяйства департамента внутренних дел [8, С. 753].

Вместе с тем с точки зрения осуществления государственной политики на рубеже XVIII и XIX веков весьма примечательно, что цели, обозначенные Павлом I при восстановлении Мануфактур-коллегии и Главной соляной конторы, схожи с целями их ликвидации через 5 лет. Отбросив политические аспекты

периода, причины и характер смерти Павла I и воцарения Александра I, несомненно, оказавших огромное влияние на государственное управление в начале XIX века, столь непродолжительный срок наглядно демонстрирует системную отсталость в управлении данными сферами и потребность коренных преобразований, которые могли быть только в эпоху министерств.

Особо следует обратить внимание на то, что рассмотренное преобразование не происходило на основе простого поглощения данных органов или понижения их статуса из самостоятельных органов в экспедицию департамента. Напротив, сохранив принадлежавшие им функции за МВД РИ, на основе доклада министра происходило их «встраивание» в новую министерскую структуру, сердцем которой становился Департамент внутренних дел, образованный в 1803 году. При этом отдельные организационные единицы «рудиментов» ликвидировались полностью, а их штат не в полном составе становился новыми служащими МВД РИ.

Данный принцип реорганизации управления внутренними делами, сформулированный как переход от «исправной» работы ранее существующих «частей» к их «должной» работе, в первые годы был реализован по отношению ко всему министерству. Например, дела медицинской коллегии и вопросы, связанные с организацией работы губернских приказов общественного призрения были переданы в третью экспедицию департамента внутренних дел. Кроме того, уже в этот момент в его компетенцию входили вопросы земледелия, снабжения населения продовольствием, губернского благоустройства, издательская деятельность и, наконец, «благочиние» (общественный порядок).

Эффективность управления по каждому из этих направлений была отлична и, несомненно, зависела от многих факторов. Вместе с тем развитие отечественной системы здравоохранения в XIX веке, ускоренное

формирование которой, по сути, начинается с создания МВД РИ, наглядно продемонстрировало демонстрации ее успехов и «достоинств» в условиях Отечественной войны 1812 года [4, С. 19], что в полной мере соответствует научной доктрине о милитаризации общественных отношений [15, С. 155].

Дальнейшее расширение и оптимизация централизованного управления внутренними делами Российской империи происходило в 1806 году путем передачи почтового департамента в структуру министерства, созданием двухуровневой структуры департамента внутренних дел, результатом чего стало деление на экспедиции и столы.

Важнейшей вехой в истории МВД РИ является 17 августа 1810 года, когда в результате изданного Александром I «Высочайшего утвержденного разделения государственных дел по министерствам» из МВД РИ был передан ряд функций в новообразованное Министерство полиции Российской империи (далее – МП РИ), прежде всего, в части, касающейся управления полицейскими учреждениями, но не ограничиваясь только им.

В результате данных преобразований к внутренним делам государства в широком смысле, которые оставались под управлением МВД РИ, стали относиться промышленность и мануфактуры, внутренняя торговля, строительство, вопросы мер и весов, развития медицинской науки (в рамках медицинского совета), организации и проведения сословных и дворянских выборов, почта [9, С. 323].

Именно по данным направлениям осуществлялось централизованное управление внутренними делами в Российской империи на протяжении 1810–1819 годов.

В то же время, в отличие от прежней двухуровневой структуры министерства внутренних дел, министерство полиции не монополизировало управление на местах. Представляется вполне логичным, что отсутствие единого исполнительного органа в

структуре МП РИ приводило фактически к двоевластию на местном уровне. Так, решение административно-хозяйственных вопросов местного уровня, осуществляемое через подчинение губернаторов по данному вопросу, оставалось в компетенции МВД РИ, а решение вопросов «обеспечения тишины и спокойствия» на местах – сфера министерства полиции [2, С. 257].

С манифестом Александра I от 25 июня 1811 года произошла унификация принципов построения и организации министерств в государстве, определённых в Манифесте от 25 июня 1810 года [9, С. 686]. Примечательно, что данным документом МВД РИ было отнесено к «делам государственной экономики», а МП РИ – к «устройству внутренней безопасности» [10, С. 687].

Основными задачами МВД РИ с 1810 по 1819 года обозначались «попечение и распространение земледелия и промышленности». Кроме них, министерство управляло почтой, колониями (переселением крестьян), внутренней торговлей и публичными зданиями.

Согласно манифесту от 25 июня 1811 года структурно любое министерство, в том числе МВД РИ, состояло из:

- департаментов, возглавляемых директорами и состоящих из отделений, подразделяемых на столы;
- совета министра, включающего в себя всех директоров департаментов;
- общего присутствия (собрания всех директоров департаментов и начальников отделений);
- особых установлений.

Коренные преобразования в управлении внутренними делами Российской империи ознаменовал именным Указом Императора от 4 ноября 1819 года, в результате которого министерство полиции было присоединено к МВД РИ, а управление промышленностью и внутренней торговлей было передано в Мини-

стерство финансов [11, С. 367].

Фактически изменился не просто состав министерства, но и его предназначение, а, следовательно, и государственный подход к определению внутренних дел. Вместе с утратой МВД РИ департамента промышленности и внутренней торговли кардинально меняется и целевое назначение всего Министерства. Вместо сформулированного в 1810 году «попечения и распространения земледелия и промышленности» главными направлениями деятельности начинает быть обеспечение внутренней безопасности. Особенно следует подчеркнуть, что МВД РИ, поглотив в 1819 году структуру Министерства полиции, помимо общей полиции, впервые в своей истории стало осуществлять руководство главным органом политической (высшей) полиции в государстве – Особенной канцелярией.

Централизованное управление общей и политической полицией в рамках одного министерства, с одной стороны, концентрировало значительную часть «силового блока» государства в одной структуре, придавая ему жизненно важное значение для всей империи, а с другой стороны, ставило серьезные требования к эффективной деятельности МВД РИ по обеспечению внутренней безопасности государства, в том числе ввиду отсутствия исторического опыта, преемственности в данном направлении.

События, произошедшие 14 декабря 1825 года, вошедшие в историю как Восстание декабристов, предопределили дальнейшие преобразования в управлении внутренними делами государства. Сам факт данного события демонстрировал неэффективность текущей модели высшей (политической) полиции, поэтому среди проектов ее дальнейшего преобразования был отдан приоритет созданию нового, независимого от МВД РИ органа, обладающего данной компетенцией.

Так, уже 3 июля 1826 года в соответствии

с указом Императора Особенная канцелярия в составе МВД РИ была ликвидирована, а функции политической (высшей) полиции были переданы в новый, независимый от министерства орган – Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии [12, С. 666]. В то же время важно понимать, что фактическое нахождение Особенной канцелярии в составе исследуемого министерства с 1819 по 1826 год в дальнейшем воспринималось как наличие у МВД РИ «исторического опыта» центрального органа обеспечения внутренней безопасности государства, который также будет одной из детерминант и учитываться при возвращении данной функции в министерство во второй половине XIX века.

К основным внутренними делам, составляющим компетенцию МВД РИ в 20-30 годы XVIII века, помимо дел общей полиции, относились вопросы пожарной охраны, почты, статистики (после 1834 года), строительной части (до 1832 года), в отдельные периоды – медицины, а также руководство подотчетными органами губернского правления.

В соответствии со штатами и табелями МВД РИ от 20 декабря 1834 года в его структуре наличествовали:

- Канцелярия, состоящая из трех отделений;
- Департамент полиции исполнительной;
- Департамент хозяйственный;
- Департамент духовных дел иностранных исповеданий;
- статистическое отделение при Совете министров [14, С. 277].

Также к МВД РИ относился Медицинский совет, Медицинский департамент с созданной в 1836 году в его структуре типографией.

Кроме этого, сохранялась компетенция министерства на местах и подотчетность губернских органов. Например, отдельные исследователи и современники данных событий в вопросе организации медицинской службы в губерниях, а также ее связи с МВД

РИ используют термин «медицинская полиция», отделяя ее от полиции исполнительной и хозяйственной. В этой связи заслуживает внимания работа О. В. Гариной, которая, исследовав деятельность Медицинского департамента МВД РИ, подробно охарактеризовала механизм его взаимодействия с местными властями при появлении заразных болезней или эпидемий в губернии [1, С. 149], связующим элементом, которого выступал губернатор. Схожие механизмы были и в других департаментах.

Дальнейшие преобразования в управлении внутренних дел Российской империи в рассматриваемый период заключались в оптимизации существующей модели построения министерства, взаимодействии с губерниями, восстановлении в 1842 году секретного делопроизводства в форме Особенной канцелярии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализируя рассматриваемые выше изменения в структуре, компетенции, правовой основе функционирования МВД РИ в первой половине XIX века, вполне отчетливо можно проследить ряд тенденций в государственном подходе к управлению внутренними делами:

- переход структуры министерства от совокупности группы существующих ранее (с XVII века) «частей» (коллегий, учреждений) к новой, единой организационной структуре, выполняющей ранее принадлежащие им функции;
- трансформация с 1802 по 1819 год основного предназначения централизованного органа управления внутренними делами государства, выразившаяся в передаче вопросов, касающихся промышленности и внутренней торговли, в иное министерство;
- постепенный уход от территориального (уездного и городского) управления подведомственными органами в губерниях, в том числе полицейскими учреждениями, к функциональному, ярким примером которого сле-

дует считать перераспределение компетенции в первом и втором отделении экспедиции спокойствия и благочиния Департамента внутренних дел, осуществленное в 1806 году;

- непродолжительный опыт (с 1819 по 1826 год) совмещения управления внутренними делами, общей и политической (высшей) полицией в рамках единого органа, наличие которого предопределило возвращение к данной модели управления в конце XIX века.

Таким образом, сопоставив структуру МВД РИ начала и середины XVIII века, следует сделать вывод о значительном пути, в результате прохождения которого оно не только изменило своё историческое предназначение, состав и структуру, управляло различными сферами жизнедеятельности государства, но и получило непродолжительный опыт управления органами политической (высшей) полиции, что, несомненно, учитывалось уже во второй половине XIX века.

Библиография:

1. Гарина О.В. К вопросу о деятельности медицинской полиции в XIX веке // Международный научно-исследовательский журнал. – 2018. – № 1. – С. 147-151.
2. Гурлев И.В. Полиция Российской империи при Александре I (1801–1825) // Власть. – 2021. – № 2. – № 29. – С. 252-258.
3. Маслов Н.А. К вопросу о предмете ведения Министерства внутренних дел Российской империи // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2016. – № 16-2. – С. 259-260.
4. Мухаметов П.А. Деятельность Министерства внутренних дел и Министерства полиции Российской империи по управлению здравоохранением в начале XIX века // Право: ретроспектива и перспектива. – 2021. – № 2. – С. 14-19.
5. Полное собрание законов Российской

империи. Первое собрание. Т. XXVII. №20 406.

6. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Т. XXIV. №17 576.

7. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Т. XXVIII. №21 185.

8. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Т. XXVII. №20 852.

9. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Т. XXXI. №24 326.

10. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Т. XXXI. №24 686

11. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Т. XXXVI. №27 964.

12. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. I. № 449.

13. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. IX. № 7685.

14. Пушкарев Е.А., Швец А.А. Деятельность полицейских учреждений в системе Министерства внутренних дел Российской империи в XIX – начале XX века // Общество и право. – 2021. – № 1. – С. 107-112.

15. Цыбаков Д.Л. Милитаризация международной политики: последствия для интересов и безопасности России: монография. – М.: МАКС Пресс, 2012. – 236 с.

16. Элизбарян А.С. Особенности эволюции правового статуса органов полиции в период существования Российской империи // Вестник казанского юридического института МВД России. – 2021. – № 2. – С. 189-195.

References:

1. Garina O.V. On the question of the activity of the medical police in the XIX century [On the issue of the activities of the medical police in the 19th century] // International Scientific Research

- Journal. – 2018. – №1. – S.147–151. (In Russ.).
2. Gurlev I.V. The police of the Russian Empire under Alexander I (1801-1825) [Police of the Russian Empire under Alexander I (1801-1825)] // Power. – 2021. – № 2. – №29. – S.252–258. (In Russ.).
3. Maslov N.A. On the issue of the subject of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire [On the subject of the jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire] // Actual problems of combating crimes and other offenses. – 2016. – № 16-2. – S.259–260. (In Russ.).
4. Mukhametov P.A. Activity of the Ministry of Internal Affairs and the Ministry of Police of the Russian Empire on health care management at the beginning of the XIX century [The activities of the Ministry of Internal Affairs and the Ministry of Police of the Russian Empire on healthcare management in the early 19th century] // Law: retrospective and perspective. – 2021. – №2. – S.14–19. (In Russ.).
5. The complete collection of laws of the Russian Empire [Complete collection of laws of the Russian Empire]. The first meeting. Vol. XXVII. № 20.406. (In Russ.).
6. The complete collection of laws of the Russian Empire [Complete collection of laws of the Russian Empire]. The first meeting. Vol. XXIV. № 17.576. (In Russ.).
7. The complete collection of laws of the Russian Empire [Complete collection of laws of the Russian Empire]. The first meeting. Vol. XXVIII. № 21.185. (In Russ.).
8. The complete collection of laws of the Russian Empire [Complete collection of laws of the Russian Empire]. The first meeting. Vol. XXVII. №20.852. (In Russ.).
9. The complete collection of laws of the Russian Empire [Complete collection of laws of the Russian Empire]. The first meeting. T. XXXI. № 24.326. (In Russ.).
10. The complete collection of laws of the Russian Empire [Complete collection of laws of the Russian Empire]. The first meeting. T. XXXI. № 24.686. (In Russ.).
11. The complete collection of laws of the Russian Empire [Complete collection of laws of the Russian Empire]. The first meeting. T. XXXVI. № 27.964. (In Russ.).
12. The complete collection of laws of the Russian Empire [Complete collection of laws of the Russian Empire]. The second collection. T. I. № 449. (In Russ.).
13. The complete collection of laws of the Russian Empire [Complete collection of laws of the Russian Empire]. The second collection. Vol. IX. № 7685. (In Russ.).
14. Pushkarev E. A., Shvets A.A. Police institutions in the system of the Ministry of internal Affairs of the Russian Empire in the XIX – early XX centuries [The activity of police institutions in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in the XIX - early XX centuries] // law and Society. – 2021. – №1. – S.107–112. (In Russ.).
15. Tsybakov D.L. Militarization of international politics: implications for the interests and security of Russia [Militarization of International Politics: Consequences for the Interests and Security of Russia]: monograph. – M.: MAKS Press, 2012. – 236с. (In Russ.).
16. Elizbaryan A.S. features of the evolution of the legal status of the police in the period of the Russian Empire [Features of the evolution of the legal status of the police during the existence of the Russian Empire] // Bulletin of the Kazan law Institute of the MIA of Russia. – 2021. – №2. – S.189–195. (In Russ.)

ГОНЧАРОВ Алексей Вячеславович, аспирант, кафедра истории России, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Россия, Симферополь), e-mail: lxyg38@gmail.com

GONCHAROV A.V., Postgraduate student of Department of Russian History, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky (Russian Federation, Simferopol), e-mail: lxyg38@gmail.com

РАССЛЕДОВАНИЕ УЩЕРБА, НАНЕСЁННОГО КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ КРЫМА

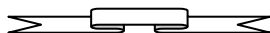
INVESTIGATION OF THE DAMAGE CAUSED TO THE CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE OF CRIMEA

Аннотация. Целью статьи является анализ малоизученной деятельности Крымской республиканской чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Крымской АССР, действовавшей с 20 апреля 1944 по май 1945 года. Статья основана сугубо на архивных документах этой организации, хранящихся в фондах Государственного архива Российской Федерации (Ф. Р-7021) и Государственном архиве Республики Крым в (Ф. Р-1289).

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Крым, немецко-фашистская оккупация, памятники истории и культуры, ущерб.

Abstract. The article is devoted to the remained insufficiently studied activities of the Crimean Republican Extraordinary Commission for the identification and investigation of atrocities committed Nazi invaders and the damage they caused to citizens, collective farms, public organizations, state enterprises and institutions of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, which worked from 20th of April to May 1945. The article is based mainly on archival sources from the funds of this organization – State Archive of Russian Federation (SARF F. R-7021) and (SARC. F. R-1289), stored in the State Archive of the Republic of Crimea.

Keywords: Great Patriotic War, Crimea, Nazi occupation, historical and cultural monuments, damage.

ВВЕДЕНИЕ

В период Великой Отечественной войны руководством СССР была создана организация, задачей которой был учет преступлений немецко-фашистских захватчиков и их пособников – Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и

учреждениям СССР (далее – ЧГК). Организация получила правовое оформление 2 ноября 1942 года с выходом Указа Президиума Верховного Совета СССР.

Задачи ЧГК были определены в следующем порядке. Первое – установление преступлений, причиненных населению (факты и способы убийств мирных граждан СССР, факты пыток над военнопленными). Данные виды преступлений фиксировались актами на основании заявлений граждан, опроса

потерпевших и свидетелей, материалов медицинской экспертизы, осмотра мест преступлений. Второй задачей было установление ущерба государственному сектору (общественным и кооперативным организациям). Для этого должны были быть учтены факты разграблений, повреждений, разрушений предприятий или организаций согласно бухгалтерским данным, а если таковые отсутствовали, то факты преступлений устанавливались на основе свидетельских показаний очевидцев. Ущерб сельскому хозяйству (колхозам и совхозам) устанавливался в соответствии с ценниками на сельскохозяйственную продукцию, изданными ЧГК. Подлежали учету пострадавшие памятники истории и культуры, а также предметы религиозного культа, для чего управляющим делами Московской патриархии и членом ЧГК митрополитом Киевским и Галицким Николаем 9 августа 1943 года был утвержден ценник на церковную утварь и оборудование [11, С. 1024].

По мере освобождения советских территорий от немецко-фашистских захватчиков планомерно образовывались республиканские, краевые комиссии содействия ЧГК по расследованию злодеяний. В Крыму такой орган был создан в лице Крымской республиканской чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Крымской АССР (далее – КРЧГК). КРЧГК была создана 20 апреля 1944 года, начала свою деятельность 5 июня 1944 года и работала вплоть до мая 1945 года [10, Л. 21]. КРЧГК имела аналогичную ЧГК структуру и задачи, в своих действиях была подотчетна ЧГК. Комиссии содействия КРЧГК создавались в каждом районе, городе, селе, на предприятиях или в

учреждениях полуострова, пострадавших от действий немецко-фашистских захватчиков. Председателем КРЧГК был назначен Павел Фёдорович Тюляев (1905–1946 гг.), являвшийся с 14 июня 1944 года по 30 июля 1946 года первым секретарем Крымского областного комитета ВКП(б).

УЧЁТ И ОЦЕНКА УЩЕРБА, НАНЕСЁННОГО КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ КРЫМА

Одним из направлений деятельности КРЧГК был учёт разрушений памятников истории и культуры полуострова (ответственными органами по учёту ущерба в этой отрасли были Управление по делам искусств и Наркомпрос Крымской АССР). Следует отметить, что еще в начале 1942 года Академия архитектуры СССР приступила к систематическому учёту и документированию разрушений, причиненных нацистскими захватчиками памятникам зодчества и монументального искусства. Для этой цели в освобожденные от оккупации города направлялись бригады в составе архитекторов, историков и археологов, которые совместно с представителями местных органов управления производили обследования поврежденных памятников архитектуры и художественных ценностей, составляли акты и детально фиксировали разрушения при помощи фотосъемок и зарисовок. Кроме того, 11 марта 1942 года был утвержден «Перечень вопросов для изучения состояния музеев в местах, освобожденных от немецких оккупантов». Перечень включал в себя обязательные пункты для составления актов об ущербе музеям, где указывались: название музея, его местонахождение, профиль и структура, экспозиция, фонды, научный архив музея, библиотека, местонахождение учетных документов, издания музея, сотрудники (персональный состав до оккупации, во время и после), акт о состоянии музея (составлен ли акт с привлечением специали-

стов о состоянии музея после окончания оккупации), учет убытков и потерь (ведется ли музеем работа по учету убытков), состояние и характеристика памятников истории и культуры, меры по восстановлению и реставрации [1, Л. 57–58]. Вскоре, 26 апреля 1942 года, по распоряжению СНК СССР была образована Всесоюзная комиссия по учету и охране памятников искусства при Комитете по делам искусств при СНК СССР. На комиссию был возложен учет разрушений, причиненных памятникам искусства, путем обследования на месте разрушенных и поврежденных памятников, а также составление актов, фиксация и паспортизация памятников [4, Л. 8]. В итоге работы экспертами составлялся список наиболее ценных коллекций, собраний и отдельных предметов, уничтоженных, похищенных или частично поврежденных нацистами [3, Л. 90]. Данная комиссия действовала в тесном сотрудничестве со штабом Красной армии и ЧГК. Методы работы, предложенные сотрудниками Академии архитектуры СССР и Всесоюзной комиссии по учету и охране памятников искусства при Комитете по делам искусств при СНК СССР, наложили отпечаток на деятельность ЧГК и КРЧГК. Уже 26 октября 1943 года в ЧГК Комиссией по учету и охране памятников искусства был направлен документ «Ценник и инструкция по определению и учёту ущерба, причинённого на территории СССР фашистскими захватчиками архитектурным памятникам различных эпох» [6, Л. 1]. В дальнейшем именно этой инструкцией руководствовались члены комиссий содействия КРЧГК для оценки ущерба, причиненного дворцам, театрам, музеям, библиотекам и зданиям религиозных культов. Так, для систематизации сведений пострадавших отраслей просвещения, здравоохранения, кинопредприятий, историко-культурных памятников, зданий религиозных культов в аппарате ЧГК был создан специальный от-

дел культуры. Отдел осуществлял директивное руководство, направлял в республиканские и областные комиссии содействия ЧГК «Инструкции по учету разрушений и ущерба разрушенным немецкими оккупантами культурным ценностям СССР». Например, для руководства работой по оценке разрушенных музейных ценностей научно-исследовательским институтом краеведческой и музейной работы было издано «Пособие по оценке музейных материалов историко-бытового и естественно-исторического характера». Пособие включало в себя критерии, необходимые для установления реальной стоимости музейных собраний. Это были следующие показатели: 1) стоимость материала (его количество и качество); 2) стоимость работы, изготовление, монтаж; 3) мастерство, техника художественного исполнения; 4) историческая ценность предмета, включающая отношение предмета к определенной эпохе, характерные особенности эпохи и производственно-технические условия его изготовления; 5) научная ценность предмета; 6) меморативная ценность – отношение предмета к определенному лицу, событию, учреждению, организации; 7) уникальность, редкость, реликтовость; 8) неповторимость и материальная невозможность воспроизведения предмета; 9) полнота коллекций; 10) общемузейная, национально-культурная и государственная ценность предмета. Специфическая значимость и ценность вещи для конкретного музея [5, Л. 8–9].

Вскоре, 12 мая 1943 года, в ЧГК поступило обращение от вице-президента Академии наук СССР академика Вячеслава Петровича Волгина (1879–1962 гг.) с предложением привлечь специалистов, находящихся в распоряжении Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии наук СССР (далее – ИИМК) для обследования и оценки, разрушенных и поврежденных исто-

рико-культурных памятников Советского Союза [4, Л. 79]. Одним из самых плодотворных периодов работы в деле учёта ущерба культурно-исторических ценностей Крыма следует считать июль – сентябрь 1944 года, когда для содействия работе КРЧГК в июле на восточное побережье и в юго-западные районы полуострова были направлены 3 археологические экспедиции в составе экспертов ИИМК. Этому событию предшествовало обращение заведующего ИИМК, секретаря отделения истории и философии Академии наук СССР доктора исторических наук Сергея Павловича Толстова (1907–1976 гг.) в ЧГК с ходатайством об организации экспедиций для обследования в «...самое ближайшее время Таманского полуострова с прилежащим районом и Керчи немедленно по освобождении от немецкой оккупации» [4, Л. 44]. Керченская экспедиция по маршруту станицы Тамань, Сенная Темрюкского района – г. Керчь – Камыш-Бурун – Севастополь и Херсонес (срок с 25 июня по 1 августа) была утверждена в составе эксперта ЧГК советского археолога и историка античности Владимира Дмитриевича Блаватского (1899–1980 гг.) – руководителя, а также основоположника советской школы изучения амфор Ираиды Борисовны Зеест (1902–1981 гг.) [4, Л. 43]. Руководство экспедицией на восточном побережье сроком с 25 июля по 1 сентября осуществлял Анатолий Леопольдович Якобсон (1906–1984 гг.), выдающийся советский историк-медиевист и археолог, при содействии медиевиста Елены Чеславовны Скржинской (1894–1981 гг.). Якобсону был выдан мандат по маршруту Севастополь – Херсонес – Балаклава – Бахчисарайский район (с. Салачик – ныне Староселье, гора Тепе-Кермен) – Куйбышевский район (Мангуп-Кале) – Феодосия – Старый Крым – Судак – Гурзуф. Наконец, третья экспедиция в составе Павла Николаевича Шульца (1900–1983 гг.), советского археоло-

га и историка искусства Московского отделения ИИМК; Кирилла Николаевича Афанасьева (1909–2002 гг.), кандидата архитектурных наук; Ольги Викторовны Милорадович (1907–1996 гг.), младшего сотрудника Московского отделения ИИМК, специалиста по скифо-сарматской археологии, предполагала юго-западное направление (срок с 1 августа по 15 сентября) по маршруту Севастополь – Херсонес – Евпатория – Симферополь – Ялта – Алушка – Феодосия и Керчь [4, Л. 33–34].

Итоги экспедиций были представлены в актах и докладных записках. Результаты экспедиции А. Л. Якобсона и Е. Ч. Скржинской были представлены в докладной записке Якобсона председателю КРЧГК Павлу Фёдоровичу Тюляеву. Якобсоном были составлены акты по итогам обследования с 5 по 29 августа 1944 года основных средневековых археологических коллекций музеев и древних архитектурных памятников Херсонеса, Бахчисарая, Балаклав, Старого Крыма и Судака. Согласно докладу, археологическим собраниям Херсонеса был нанесен небольшой ущерб, однако городище (археологический комплекс) изрыто траншеями, сильно пострадали стены крепости, а Свято-Владимирский собор взорван. Большой ущерб был нанесен Бахчисарайскому музею пещерных городов, откуда нацисты вывезли 9 ящиков ценных материалов позднеимперского могильника близ Инкермана. Наибольшему ущербу подверглись коллекции Феодосийского музея, древнегреческие экспонаты которого целиком вывезены немцами, уничтожена библиотека и экспонаты музея на территории Генуэзской крепости в г. Судаке, а краеведческий музей в Старом Крыму и вовсе был разрушен до основания. В заключение докладной записки Якобсон сообщал:

«1. Необходимо в ближайшие годы организовать археологические исследования

некоторых наиболее важных древних поселений в Крыму с целью, во-первых, продвигнуть вперед изучение истории Крыма, во-вторых, с целью накопления новых коллекций для разоренных немцами музеев.

Помимо Херсонеса и Керчи, в качестве первоочередных объектов можно назвать:

1) Инкерман – могильник римского времени;

2) Суук-Су (бл. Гурзуфа). Древнее поселение V–X вв., которому принадлежал знаменитый могильник Суук-Су. Оба памятника представляют собой важнейшие объекты для исследования истории Крыма в эпоху раннего Средневековья (IV–X вв.), когда формировалась та культура, которую фашистская «наука» объявила готской, на самом деле выросшая на местной основе без всякого участия готов-германцев;

3) Мангуп-Кале – древнее поселение, существовавшее с V в. н.э., а в XIII в. ставшее центром феодального княжества Феодоро (бл. Бахчисарая, Куйбышевского р-на). Необходимо продолжить начатые в 1938 году раскопки, давшие обильный материал по истории ранне- и позднесредневекового Крыма;

4) Старый Крым – город, расцвет которого относится к XIV в. Многочисленные случайные находки прежних лет показывают, насколько могут быть плодотворны научные раскопки этого древнего поселения, весьма важного для понимания истории Крыма.

2. Необходимо создать в Крыму (при НКПросе) учреждение, которое ведало бы охраной и реставрацией исторических и археологических памятников Крыма, осуществляемой несколькими инспекторами (иначе говоря, восстановить существовавший ранее КрымОХРИС (Крымский отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИС) был образован в 1921 году и упразднен в 1927 году – А.Г.).

Вряд ли подлежит сомнению, что изучение прошлого Крыма во многом может прояснить темные страницы древнейшей истории нашей Родины и прежде всего Руси, ибо Крым в древности был основным очагом культуры в Восточной Европе. Для понимания первоначальной истории Руси изучение прошлого Крыма имеет особенно большое значение, ибо античные основы древнерусской культуры ведут свое начало именно оттуда. Между тем историческое исследование Крыма за последнее время (не говоря уже о годах Отечественной войны) заглохло. В послевоенный период его нужно оживить. Привлечение широкой общественности в этом деле особенно важно. Вот почему, мне думается, что своевременно уже сейчас поставить вопрос о восстановлении общества по изучению Крыма (Российское общество по изучению Крыма (РОПИК) существовало в 1922–1932 гг. – А.Г.), круг деятельности которого включил бы не только историю Крыма, но и изучение его естественно-производительных сил. В наше время такое общество очень помогло бы всестороннему изучению Крыма и тем самым способствовало бы восстановлению народного хозяйства в Крыму, разоренного немецкими захватчиками.

Таковы мои предложения, которые я, как человек, много лет занимавшийся Крымом и любящий его, счел своим долгом выдвинуть на Ваше обсуждение. 5 сентября 1944 года. Симферополь А. Яковсон» [9]. Таковы были результаты экспедиции под руководством А. Л. Яковсона.

После начала функционирования экспедиций и работы местных комиссий содействия в музеях и научно-исследовательских учреждениях очень скоро выяснилось, что лишь одной оценки разрушенных памятников и музейных собраний недостаточно для выявления всего масштаба разрушений. Кроме того, в учет культурных потерь на начальном

этапе не были включены собрания университетов, крупных библиотек, приоритет отдавался крупным музейным собраниям и археологическим комплексам. Тогда было решено дополнить существующие «Инструкции по учёту разрушений и ущерба разрушенным немецкими оккупантами культурным ценностям СССР». Комиссии теперь были обязаны не только давать оценку, но и составлять перспективный план консервации и восстановительных работ для создания особых условий хранения экспонатов. При обследовании крупных библиотек в состав комиссий включались работники библиотек. Следовало представить исчерпывающую характеристику типа библиотек по составу фонда, структуру учреждения (отделы, сектора, филиалы) и перечень особо ценных коллекций. В связи с необходимостью произвести учет ущерба, причиненного дворцам-музеям Крыма, в ноябре 1944 года были командированы эксперты ЧГК – старший научный сотрудник Государственного исторического музея кандидат исторических наук Лидия Ивановна Якунина (1888–1967 гг.) и профессор доктор искусствоведческих наук Алексей Алексеевич Сидоров (1891–1978 гг.). Итоги их пребывания на полуострове были зафиксированы в докладной записке «О работе в Крыму с 10 по 15/XI – 1944 г.». За этот временной промежуток экспертами были оценены уцелевшие собрания крупнейших музеев Крыма: Бахчисарайского дворца-музея, Симферопольской картинной галереи, Симферопольской панорамы «Штурм Перекопа», Севастопольской картинной галереи, Алушкинского дворца-музея, Ялтинского краеведческого, Симферопольского, Феодосийского историко-археологического и Евпаторийского краеведческого музеев [2, Л. 94–95].

Итоги работы КРЧГК были представлены в заключении отдела культуры ЧГК. КРЧГК было направлено в отдел 135 актов по от-

раслям просвещения, искусства, кинопредприятий и зданий религиозных культов. По данным КРЧГК, в результате немецко-фашистской оккупации было уничтожено 10 зданий музеев и столько же частично повреждено, полностью уничтожено 5 библиотек и частично повреждено 14, были полностью разрушены 4 здания религиозных культов, 2 частично повреждены. При этом КРЧГК не была учтена сумма ущерба за разрушенные музейные экспонаты Ялтинского краеведческого музея, среди которых числились: экспонаты китайского и японского искусства (475 предметов), восточные инструменты и орудия труда (284 предмета), 250 наименований экспонатов отдела природы, а также многочисленные археологические коллекции. Описи указанных экспонатов были представлены без оценки [2, Л. 76–77]. Позднее экспонаты были оценены в Москве экспертами ЧГК. Причиной спешности работы по учету ущерба послужила правительственная телеграмма от 20 октября 1944 года, направленная председателю КРЧГК П. Ф. Тюляеву, от имени председателя ЧГК – Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР Николая Михайловича Шверника с требованием принять меры для срочного окончания учета злодеяний [2, Л. 104]. С целью контроля и ускорения работы КРЧГК по заданию ЧГК в октябре 1944 года в Крым был командирован Александр Михайлович Осколков – представитель ЧГК в Крымской АССР [8, Л. 53]. Осколков являлся вторым секретарем Свердловского райкома ВКП(б) г. Горького (20.9.1942 – март 1943 гг.), а с марта 1943 года был переведен в ЧГК и занимал должность старшего помощника начальника отдела по учету ущерба колхозам и совхозам [7, Л. 11–13]. Александр Михайлович Осколков в отчете Павлу Ивановичу Богоявленскому, ответственному секретарю ЧГК, сообщал о том, что председателям местных комиссий была

«...дана категорическая телеграмма об окончании работы к 16 ноября» [7, Л. 99]. Уже 13 декабря 1944 года А. М. Осколков, отчитываясь об итогах работы в Крыму (Осколков пробыл на полуострове с 9 октября по 8 декабря 1944 года – А. Г.), сообщил П. И. Богоявленскому об окончании учета ущерба по отрасли искусства [2, Л. 91].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как видим, в 1944–1945 гг. в результате деятельности КРЧГК были собраны документально зафиксированные свидетельства об ущербе, нанесенном немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками культурно-историческому наследию Крыма. Комиссиями была проведена квалифицированная экспертиза при определении характера, объема и стоимости ущерба памятникам истории и культуры, разработаны необходимые материалы для сохранения и реставрации объектов культурно-исторического наследия. Сведения, собранные экспертами, характеризовали значение и ценность каждого памятника. Деятельность ЧГК и КРЧГК являлась фактически первой попыткой руководства СССР в области правовой оценки нацистских преступлений. Итоги расследования ущерба, нанесенного немецко-фашистскими оккупантами культурно-историческому наследию Крыма, были подведены в «Докладе об итогах учета ущерба и расследования злодеяний, причиненных немецко-фашистскими оккупантами в Крымской АССР». Документ представляет серьезный общественный и научный интерес, так как в 1945 году, накануне Нюрнбергского процесса, в Москве главным образом именно по нему судили об ущербе, нанесенном Крыму оккупантами. В докладе КРЧГК было зафиксировано, в частности, следующее: «Они (немецко-фашистские захватчики – А. Г.) сожгли и разграбили 15 музеев, 590 зданий театров и клубов, 315 зданий детских учреждений, 393 больницы и амбу-

латории и 15 зданий религиозного культа» [12, С. 48]. Вышеприведенные материалы свидетельствуют о формах и методах учета ущерба, нанесенного оккупантами, об участии в этой работе не только крымских работников, но и видных ученых, тем самым дополняя наши представления об их творческих биографиях.

Библиография:

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 1. Д. 67.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 117. Д. 4.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 121. Д. 3.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 121. Д. 4.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 121. Д. 18.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 121. Д. 20.
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 124. Д. 96.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 124. Д. 149.
9. Государственный архив Республики Крым. Ф. П-1 Оп. 1. Д. 2285 Л. 82-84.
10. Государственный архив Республики Крым. Ф. Р-1289. Оп. 2. Д. 73.
11. Гончаров А.В. Крымская республиканская чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (1944–1945 гг.) // Власть истории – история власти. – 2020. – Том 6. – Часть 7. (№ 25). – С. 1023-1031.
12. Гончаров А.В. «Невиданные злодеяния творили оккупанты на временно захваченной территории Крымской АССР»: Доклад Крымской республиканской чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков «Об итогах

учета ущерба и расследования злодеяний, причиненных немецко-фашистскими оккупантами в Крымской АССР» // Альманах «Крым». – 2021. – № 24. – С. 32-50.

References:

1. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. F. R-7021. Op.1. D.67. (In Russ.).
2. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. F. R-7021. Op.117. D.4. (In Russ.).
3. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. F. R-7021. Op.121. D.3. (In Russ.).
4. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. F. R-7021. Op.121. D.4. (In Russ.).
5. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. F. R-7021. Op.121. D.18. (In Russ.).
6. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. F. R-7021. Op.121. D.20. (In Russ.).
7. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. F. R-7021. Op.124. D.96. (In Russ.).
8. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. F. R-7021. Op.124. D.149. (In Russ.).
9. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Krym [State Archives of the Republic of Crimea]. F. P-1 Op. 1. D. 2285 L.82-84. (In Russ.).
10. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Krym [State Archives of the Republic of Crimea]. F. R-1289. Op 2. D.73. (In Russ.).
11. Goncharov A.V. Krymskaya respublikanskaya chrezvychajnaya gosudarstvennaya komissiya po ustanovleniyu i rassledovaniyu zlodeyanij nemecko-fashistskih zahvatchikov i ih soobshchnikov (1944–1945 gg.) [Crimean republican extraordinary state commission for the establishment and investigation of the atrocities of the German fascist invaders and their accomplices (1944-1945)] // Vlast' istorii – istoriya vlasti. – 2020. – Tom 6. – Chast'7. (№ 25). – S.1023-1031. (In Russ.).
12. Goncharov A.V. «Nevidannye zlodeyaniya tvorili okkupanty na vremennno zahvachennoj territorii Krymskoj ASSR»: Doklad Krymskoj respublikanskoj chrezvychajnoj komissii po rassledovaniyu zlodeyanij nemecko-fashistskih zahvatchikov «Ob itogah ucheta ushcherba i rassledovaniya zlodeyanij, prichinennyh nemecko-fashistskimi okkupantami v Krymskoj ASSR» [«Unprecedented atrocities were perpetrated by the invaders in the temporarily occupied territory of the Crimean ASSR»: Report of the Crimean Republican Extraordinary Commission on investigation of the crimes committed by Nazi invaders named «About results of accounting the damage caused by Nazis and investigation of the crimes committed by the invaders in the Crimean ASSR»] // Al'manah «Krym». – 2021. – № 24. – S. 32-50. (In Russ.).

УДК 910.4(94)

DOI:10.22394/2225-8272-2021-10-4-42-53

ГАГКУЕВ Руслан Григорьевич, доктор исторических наук, профессор Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России», Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва), e-mail: gagkuev@yandex.ru

GAGKUEV R. G., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Educational and Research Center «New Russia. History of Post-Soviet Russia», Russian State University for the Humanities (Russian Federation, Moscow), e-mail: gagkuev@yandex.ru

РЕШЕТНИКОВ Степан Владимирович, аспирант, Центр военной истории России Института российской истории Российской академии наук (Россия, Москва), e-mail: reshehistorien@gmail.com

RESHETNIKOV S. V., Post-Graduate Student, Center for Military History of Russia, Institute of Russian History Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow), e-mail: reshehistorien@gmail.com

ОТ ЗЕМЛИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II ДО СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛИ: К ИСТОРИИ НАЗВАНИЯ ОДНОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОТКРЫТИЯ

FROM THE EMPEROR NICHOLAS II LAND TO THE SEVERNAYA ZEMLYA: TO THE HISTORY OF THE NAME OF ONE GEOGRAPHICAL DISCOVERY

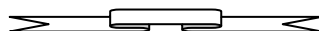
Аннотация. Целью статьи является раскрытие вопросов о топонимике архипелага Северная Земля (до 1926 года – Земля Императора Николая II) расположенном в Северном Ледовитом океане.

Особую актуальность эта тема приобретает сейчас, когда Россия подтверждает права на суверенное владение не только Северной Землей, но и всей акваторией Арктической зоны, в канун запуска регулярных рейсов по перевозке грузов между Владивостоком и Санкт-Петербургом по Северному морскому пути. История наименования архипелага и близлежащих к нему островов один из уникальных по степени своей топонимической политизированности примеров среди всех географических объектов в мире, открытых в XX веке. Главной причиной этому, стало открытие этих земель в Арктике на сломе исторических эпох, в канун начала Великой российской революции 1917 года. *Публикация осуществлена при финансовой поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество». Проект «Б.А. Вилькицкий. Гидрографическая экспедиция 1914–1915 гг. и открытие Северного морского пути».*

Ключевые слова. Архипелаг Северная Земля, Земля Императора Николая II, остров Цесаревича Александра, Б.А. Вилькицкий, Экспедиция Северного ледовитого океана, Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана (ГЭСЛО), Экспедиция Вилькицкого 1913 года.

Annotation. The issue of the toponymy of the Severnaya Zemlya archipelago (until 1926 – the Land of Emperor Nicholas II) located in the Arctic Ocean is relatively poorly covered in Russian Arctic historiography. This topic is gaining particular relevance now, when Russia confirms the rights to sovereign ownership not only of Severnaya Zemlya, but also of the entire water area of the Arctic zone, on the eve of the launch of regular flights to transport goods between Vladivostok and St. Petersburg along the Northern Sea Route. The history of the name of the archipelago and the islands adjacent to it is one of the unique examples in terms of its toponymic politicization among all geographical objects in the world discovered in the 20 th century. The main reason for this was the discovery of these lands in the Arctic at the end of historical eras, on the eve of the beginning of the Great Russian Revolution of 1917. *The publication was carried out with the financial support of the All-Russian public organization «Russian Geographical Society». The project «B.A. Vilkitsky. Hydrographic expedition 1914–1915 and the opening of the Northern Sea Route».*

Keywords: The Severnaya Zemlya archipelago, Land of Emperor Nicholas II, Tsarevich Alexander Island, Boris Vilkitsky, Arctic Ocean Expedition, Arctic Ocean Hydrographic Expedition (GESLO), Vilkitsky Expedition 1913.

ВВЕДЕНИЕ

Открытие Северной Земли произошло 4 сентября 1913 года во время Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана (ГЭСЛО) под командованием Бориса Андреевича Вилькицкого. Это событие стало одним из главных результатов ряда экспедиций ГЭСЛО, которые возглавлял с 1910 года генерал-лейтенант Андрей Ипполитович Вилькицкий. После смерти А.И. Вилькицкого его дело продолжил сын Борис, назначенный в 1913 году командиром транспорта «Таймыр».

Согласно разработанному в 1913 году в Главном гидрографическом управлении плану была подготовлена третья экспедиция ГЭСЛО, которая должна была пройти Северным морским путем из Владивостока в Архангельск. 26 июня этого года ледокольные транспорты «Таймыр» и «Вайгач» вышли из Владивостока и направились к Берингову проливу. Эту задачу предстояло решить командиру экспедиции генерал-майору И.С. Сергееву. Однако, в начале пути у Сергеева случился инсульт. В непростой ситуации Морское министерство приняло решение не отменять экспедицию, а назначить исполняющим обязанности начальника экспедиции 28-летнего капитана 2-го ранга Б.А. Вилькицкого, а его ровесника старшего лейтенанта Петра Алексеевича Новопащенко – командиром ледокола «Вайгач» (РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 1610. Л. 4504.).

Ледоколы продвигались на запад, описывая арктические берега и воды. Главной задачей экспедицией было плавание вдоль арктического побережья из Тихого океана в европейские воды. Однако, при прохождении мыса Челюскин, корабли не смогли пройти сквозь сплошные льды и войти в Карское море. Действуя согласно плану, корабли повернули на север и предприняли попытку обойти ледяное поле [3, С. 136].

Днем, 2 сентября 1913 года, на горизонте показался остров, который после экспедиции был назван именем наследника престола цесаревича Алексея. Описав часть его побережья, корабли двинулись дальше на север. 3 сентября, к 5 утра, на горизонте открылся контур высокого берега – ранее неведомая земля... Именно она впоследствии была названа в честь императора Николая II. Радость открытия омрачалась тем, что путь далее на запад все-таки был закрыт тяжелыми льдами и экспедиция не имела возможности выйти в Карское море [9, С.67]. Остаток навигационного времени Вилькицкий решил потратить на обследование открытой земли. Утром 4 сентября экспедиция высадилась на берег и установила координаты: 80°04' северной широты и 97°12' восточной долготы. В тот же день, в 18 часов, Б.А. Вилькицкий объявил личному составу о присоединении земли к Российской (Архив РГО. Ф.19. Оп.1. Д.3. Л.1–8). После этого, экспедиция повернула обратно на юг, чтобы вновь попытаться пробиться на запад. Но пройти через толщи льдов снова не удалось и ледоколы вернулись 12 ноября 1913 года во Владивосток.

Новость об этом крупнейшем географическом открытии XX века стала мировой сенсацией. Николай II высоко оценил заслуги Вилькицкого, пожаловав ему аксельбант флигель-адъютанта и включил в состав своей свиты.

После этого успеха, в 1914–1915 годах, «Таймыр» и «Вайгач» совершили еще одну экспедицию под руководством Вилькицкого. Экспедиции после опасной зимовки все-таки удалось пройти по Северному морскому пути и совершить первое в истории плавание из Владивостока в Архангельск. Полярными исследователями был обнаружен новый остров, названный в честь Новопащенко. 3 сентября 1915 года, когда экспедиция пришла в Архангельск, уже полным ходом шла Первая мировая война. О продолжении исследований Северного морского пути речи не

было и ГЭСЛО расформировали. Великий норвежский полярник Руаль Амундсен высоко ценил подвиг русских полярников, указав, что «...в мирное время эта экспедиция возбудила бы восхищение всего цивилизованного мира» [5, С.15].

20 сентября 1916 года правительство России обратилось к иностранным государствам с нотой о присоединении к Российской империи новооткрытых земель. В послании говорилось, что новые земли хоть и были открыты иностранцами, но они «...без сомнения», входят в состав Российской империи. Было объявлено о принадлежности к империи следующих географических объектов: «Земли Императора Николая II и островов Цесаревича Алексея, Старокадомского, генерала Вилькицкого и Новопашенного, открытых экспедицией флигель-адъютанта Вилькицкого и островов Уединения, Беннета, Жаннета, Генриетта и Геральда» (7, Л.12–12 об).

До начала 1930-х годов комплексное и подробное изучение новой земли проходило только в ходе Североземельской экспедиции 1930–1932 годов под руководством Г.А. Ушакова и Н.Н. Урванцева. Именно тогда бывшая Земля Императора Николая II была обследована полностью [3, С.141]. Благодаря участникам советской экспедиции архипелаг приобрел большинство своих современных топонимов [4, С.464].

Но первые свои наименования вновь открытые российские земли получили ещё до начала Первой мировой войны. После отчёта Б.А. Вилькицкого о плавании ГЭСЛО к новооткрытой земле приказом морского министра от 23 января 1914 года №14, новая территория была названа Землей Императора Николая II. Поздней, острову, лежавшему южнее новооткрытой земли, дали наименование острова Цесаревича Алексей. Название новой земли во многом были увязаны с празднованием в 1913 году 300-летия Дома Романовых. Стоит отметить, что в ту эпоху наиме-

нование новооткрытых земель и остров в честь монархических фамилий было общей мировой тенденцией. Яркий пример – арктические архипелаги: Земля Франца-Иосифа, Земля Виктории, Земля Альберта I и т.д. До сих пор неизвестно, кто предложил назвать новооткрытые земли в честь императора Николая II. Существует версия, что это была инициатива самого Б.А. Вилькицкого, придерживавшегося на протяжении всей своей жизни монархических взглядов.

Несмотря на резкую смену топонимики в СССР после 1917 года, архипелаг продолжал сохранять свою первоначальное название до 1926 года. Его продолжали использовать и в официальной дипломатической переписке.

Впервые вопрос о переименовании Земли Императора Николая II был поднят в 1923 году в связи с его полным несоответствием советским реалиям. Революционный военный совет СССР поручил разработку проекта Главному гидрографическому управлению СССР и Русскому географическому обществу (РГО) [3, С.461]. Известный советский военачальник М.В. Фрунзе, заместитель председателя Реввоенсовета СССР, в письме от 15 апреля 1924 года писал, что царские наименования «не должны иметь места» и что «наиболее целесообразным было бы наименовать эти земли в честь первых исследователей Новой Земли». По словам Фрунзе: «Реввоенсовет Союза СССР полагает необходимым переименовать Землю Императора Николая II – в землю Пахтусова, а остров Цесаревича Алексея – в остров Розмыслова. Документ был направлен в секретариат Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов (ВЦИК), но административная комиссия не одобрила данный вариант, отметив, что имена П.К. Пахтусова и Ф. Розмыслова менее всего связаны с исследованиями этих островов. 11 мая комиссия возвратила переписку в Штаб Военно-морских сил РККФ. Вопрос был

ещё раз рассмотрен Главным гидрографическим управлением и РГО [4, С.460]. Однако, уже к 1924 году, еще до официального переименования, старое название пропало с карт и было заменено на топоним Северная Земля [3, С.140].

После попытки канадских и американских экспедиций аннексировать остров Врангеля в 1921–1924 годах, советское правительство, спустя 13 лет, 4 ноября 1924 года, было вынуждено подтвердить ноту правительства России 1916 года о присоединении открытых экспедицией Вилькицкого земель к Российской империи, заявив о своих владениях этих территорий.

Вопрос о переименовании земель вновь был поднят 22 апреля 1925 года, когда заместитель председателя Реввоенсовета И.С. Уншлихт направил в Совет народных комиссаров СССР очередной проект. Последовала переписка с Народным комиссариатом иностранных дел в мае того же года и предложение назвать земли и острова в честь известных русских ученых. 21 октября 1925 года в Гидрографическом управлении было созвано специальное совещание с представителями РГО по вопросу о переименовании ряда географических объектов в Арктике. По итогам работы совещания было предложено: «...все Земли [Императора] Николая II и островов Цесаревича Алексея и Старокадомского назвать – Таймырским архипелагом, так как это название будет указывать на принадлежность ее к Таймырскому полуострову», чтобы «впредь никаких сомнений о принадлежности всех земель и островов этого архипелага к территории СССР ни у кого не может возникнуть». Также впервые было предложено присвоить Земли Императора Николая II название – Северная Земля Союза Советских Социалистических Республик, а острову Цесаревич Алексей присвоить название – остров Пролетарской Диктатуры. В итоге 12 ноября 1925 года на заседании

Административной комиссии при Президиуме ВЦИК было принято решение о переименовании упомянутых земель в Северную Землю и в остров Малый Таймыр. Все вместе они должны были получить топоним Таймырский архипелаг¹. 11 января 1926 года это решение было закреплено окончательно декретом Президиума ВЦИК: «Присвоить наименования: Земле [Императора] Николая II – Северная Земля, острову Цесаревича Алексея – Малый Таймыр» [2].

Так закончилась история переименования архипелага. Однако, с этим не закончилась история переименований географических объектов на самом архипелаге. В связи с тем, что Вилькицкий и многие члены его экспедиции участвовали в Белом движении, а некоторые по окончании Гражданской войны оказались в эмиграции, в Картографической комиссии РГО начался процесс стихийного переименования и вымывания из советских карт имен тех участников экспедиций ГЭСЛО, которые были признаны врагами советской власти. Таким образом, с середины 20-х годов на архипелаге постепенно шло переименование географических объектов. С карт архипелага исчезли имена Л.Ф. Рудовица, Н.Д. Юргенса, Л.Л. Брейтфуса, Н.А. Новопашенного, П.В. Мессера и др.

Экспедиция Г.А. Ушакова и Н.Н. Урванцева 1930–1932 годов проводя впервые полную разведку архипелага, выяснила, что Северная Земля состоит из нескольких крупных и множества мелких островов. Эти территории получили типичные для того времени наименования: остров Октябрьской Революции, остров Большевик, остров Комсомолец и т.д. При этом оказалось, что новые революционные наименования стали соседствовать с остатками названий данных в

¹ Фактически это положение не выполнялось и архипелаг с течением времени приобрел на картах современное наименование.

Российской империи. Например, пролив Бориса Вилькицкого разделяющий полуостров Таймыр с современной Северной Землей получил усеченное название – пролив Вилькицкого. Такой шаг хоть и вычеркнул имя Бориса Андреевича из топонимики архипелага, но, с другой стороны, сохранил в себе фамилию его великого отца. Подобная смена наименований в довоенное время было частой практикой на архипелаге. Вместе с этим, часто такие переименования происходили сразу на картах, обходя законодательное поле.

Такая нелогичная, и во многом неконтролируемая череда наименований и переименований объектов на архипелаге продолжалась до 50-х годов. Последствия Большого террора 30-х годов, а затем решения XX съезда КПСС привели к тому, что с карты Северной Земли исчезли мысы Блюхера, Гамарника, Уншлихта, превратившиеся соответственно в мысы Западный, Медный и Песчаный. Также был переименован залив Сталина – в залив Панфиловцев, мыс Молотова – стал Арктическим, мыс Ворошилова – получивший название Гвардейцев [8, С.10].

Подводя итог, можно сказать, что топонимика архипелага Северная Земля вобрала в себя многое из драматической истории России XX века. Ярко отражена она и в современных названиях архипелага. Из-за топонимической противоречивости, тема переименования географических объектов на Северной Земле до сих пор остается в глазах общества своеобразным символом разных идеологических подходов в отношении итогов Гражданской войны в России 1917–1922 годов. На наш взгляд, с учетом положений Закона Российской Федерации №152 «О наименованиях географических объектов», имеет смысл обсудить вопрос о частичном восстановлении – с учётом сохранения советских топонимов данных экспедицией Ушакова и Урванцева – части географических назва-

ний на архипелаге Северная Земля, которые были получены на основании результатов экспедиции ГЭСЛО 1913 года под командованием Б.А. Вилькицкого. Подобный подход позволит сделать шаг в сторону примирения нашего общества в канун 100-летия завершения Гражданской войны в России и образования Советского Союза.

Предлагаемые вниманию читателей документы хранятся в Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГАВМФ) и относятся к истории наименования современной Северной Земли. Часть из них публикуются впервые. Документы приведены в сокращенном виде, в соответствии с современными правилами публикации исторических документов. Пропущенные в документе слова восстановлены авторами. Части сокращенных слов заключены в квадратные скобки.

№ 1. Рапорт капитана 2-го ранга Б. А Вилькицкого с ходатайством о наименовании открытых в экспедиции 1914–1915 гг. географических объектов

2 мая 1916 г.

№ 345

Начальнику Главного гидрографического управления

Рапорт

Прошу ходатайства вашего высокопревосходительства о высочайшем соизволении на именование пролива между Землей Императора Николая II и Таймырским полуостровом, открытого Гидрографической экспедицией Северного Ледовитого океана под моим начальствованием в 1914 года, Проливом Цесаревича Алексея¹, то есть тем же именем, каким назван остров, расположенный в середине пролива в восточной его части.

¹ Такое название пролива никогда не фигурировало на географических картах.

Кроме того, прошу вашего высокопревосходительства о присвоении острову, открытому 14 августа 1914 года гидрографическим судном «Вайгач» близ острова генерала Вилькицкого, в честь доблестного командира этого судна, наименования острова Новопашенного.

Доношу, что в юго-восточной части острова капитаном 2[-го] ранга Новопашенным получен астрономический пункт со следующими координатами: [...] = 76°6,5'N и I = 152°56,0'О

[...]

Флигель-адъютант капитан 2[-го] ранга Вилькицкий

[...]

РГАВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 2000. Л. 102. Подлинник. Машинопись. На бланке командира эскадренного миноносца «Летун».

№ 2. Доклад морского министра адмирала И. К. Григоровича на имя императора Николая II о наименовании открытых в экспедицию 1914–1915 гг. географических объектов с резолюцией императора

8 мая 1916 г.

В 1914 году во время плавания Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана на транспортах «Таймыр» и «Вайгач», под общим начальством флигель-адъютанта вашего императорского величества капитана 2-го ранга Вилькицкого, был открыт пролив между Землей имени вашего императорского величества и Таймырским полуостровом и, кроме того, с транспорта «Вайгач» под начальством капитана 2-го ранга Новопашенного, открыт новый остров, не получивший пока названия.

В виду того, что в новооткрытом проливе лежит остров, названный с высочайшего вашего императорского величества соизволения островом Цесаревича Алексея, испрашивается соизволение вашего императорского величества на наименование самого пролива, в котором лежит этот ост-

ров, — Проливом Цесаревича Алексея, а также на присвоение острову, открытому 14 августа 1914 года капитаном 2-го ранга Новопашенным, наименования острова Новопашенного.

Морской министр, генерал-адъютант Григорович и начальник Главного гидрографического управления генерал Жданко

8 мая 1916 г.

[...]

РГАВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 2000. Л. 105. Копия. Машинопись.

№ 3. Письма морского министра адмирала И. К. Григоровича великому князю Николаю Михайловичу, министру земледелия А. Н. Наумову и исполняющему обязанности вице-президента Академии наук А. П. Карпинскому о наименовании открытых в экспедицию 1914–1915 гг. географических объектов

21 мая 1916 г.

№ 3460

Его императорскому высочеству великому князю

Николаю Михайловичу

Ваше императорское высочество

Государь император, по всеподданнейшему моему докладу 12-го сего мая, высочайше повелеть соизволил наименовать: пролив между Землей Императора Николая II и Таймырским полуостровом, – проливом Цесаревича Алексея, а остров, открытый в Северном Ледовитом океане 14 августа 1914 года с транспорта Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана «Вайгач» капитаном 2-го ранга Новопашенным, – островом Новопашенного.

Об изложенном почитаю долгом довести до сведения вашего императорского высочества.

С чувством высокого почитания имею честь быть вашего императорского высочества всеподданнейший слуга.

И. Григорович

[...]

РГАВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 2000. Л. 109–109 об. Отпуск. Машинопись. На бланке морского министра по Главному гидрографическому управлению.

№ 4. Записка начальника Гидрографического управления СССР С. П. Блинова помощнику начальника управления А. В. Соколову об отсутствии возражений к переименованию земель в Северном Ледовитом океане

[Апрель 1924 г.]

№ 710955

Помощнику начальника Гидрографического управления СССР А. В. Соколову

Управление, согласовав возбужденный вопрос о переименовании открытых на севере земель с председателем Русского географического общества Ю. М. Шокальским сообщает, что возражений к намеченному переименованию — нет.

Начальник управления, гидрограф Блинов

Комиссар Зверев

РГАВМФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 840. Л. 2. Копия. Машинопись.

№ 5. Письмо Главного гидрографического управления капитану 1-го ранга Б. А. Вилькицкому с сообщением депеши Министерства иностранных дел российским послам и дипломатам с извещением о присоединении к Российской империи открытых земель и островов

11 октября 1916 г.

№ 6953

Флигель-адъютанту капитану 1-го ранга Вилькицкому

По приказанию морского министра Главное гидрографическое управление при сем препровождает вашему высокоблагородию экземпляр циркулярной депеши господина министра иностранных дел на имя г[оспод] императорских российских послов, посланников и поверенных в делах, с изволением о присоединении к Российской Державе земель и островов, упомянутых в переписке по сему вопросу.

И[сполняющий] д[олжность] помощника начальника генерал-майор Жаворонков

Начальник Геодезической части полковник Максимов

РГАВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 2000. Л. 121. Отпуск. Машинопись. На бланке Главного гидрографического управления.

№ 6. Письмо заместителя председателя Реввоенсовета СССР М. В. Фрунзе во ВЦИК о необходимости переименования Земли императора Николая II и острова Цесаревича Алексея

15 апреля 1924 г.

Во Всероссийский Центральный исполнительный комитет

В 1913 году на полярном севере, к северу от м[ыса] Челюскина экспедицией Б. Вилькицкого были открыты: земля, которой было присвоено наименование Земли [Императора] Николая II и остров, получивший название острова Цесаревича Алексея.

Находя, что таковые наименования не должны иметь места в настоящее время и что наиболее целесообразным было бы наименовать эти земли в честь первых исследова-

телей Новой Земли. Реввоенсовет Союза СССР полагает необходимым переименовать Землю [Императора] Николая II в землю Пахтусова, а остров Цесаревича Алексея в остров Розмысла. Оба эти лица, в непомерных условиях и лишениях прокладывали первые пути к исследованию Новой Земли и могут считаться не только первыми ее гидрографии, но и первыми исследователями ее в геологическом и естественном отношении.

Соответствующий проект постановления ЦИК СССР и краткие сведения о Розмысле и Пахтусове при сем прилагаются.

Заместитель председателя Реввоенсовета СССР Фрунзе

*Резолюция:
Ком[иссии] по изуч[ению] С[еверного]
Л[едовитого] о[кеана] доложить.
21.IV [...]*

*РГАВМФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 840. Л. 3. Копия.
Машинопись.*

№ 7. Доклад Гидрографического управления по вопросу о переименовании Земли Николая II и островов Цесаревича Алексея, Старокадомского и Врангеля и журнал совещания проведенному при управлении

*21 октября 1925 г.
№ 712733*

Доклад «О переименовании Земли [Императора] Николая II и островов Цесаревича Алексея, Старокадомского и Врангеля»

Во исполнение указаний высшего морского командования, переданных мне моим помощником, гидрографом А.В. Соколовым, 20-го сего февраля в управлении было созвано совещание под моим председательством с представителями Русского географического общества по вопросу о переименовании Земли [Императора] Николая II и островов Цесаревича Алексея, Старокадомского и Врангеля.

В результате своей работы совещание пришло к следующим заключениям:

1) Всю группу Земли [Императора] Николая II и островов Цесаревича Алексея и Старокадомского назвать Таймырским архипелагом, так как это название будет указывать на принадлежность ее к Таймырскому полуострову, и все, в дальнейшем там открытые, может быть и иностранцами земли и острова будут находиться в Таймырском архипелаге, уже открытом русскими морями, и потому впредь никаких сомнений о принадлежности всех земель и островов этого архипелага к территории СССР ни у кого не может возникнуть.

2) Земле [Императора] Николая II присвоить название – Северная Земля Союза Советских Социалистических Республик.

3) Острову Цесаревича Алексея присвоить название – остров в Российской академии наук, связав это с настоящим 200-летним юбилеем академии, или же название – о[стро]в Пролетарской Диктатуры.

4) Острову Старокадомского оставить прежнее наименование, так как он назван этим именем потому, что доктор Л.М. Старокадомский, участник Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, первый открыл и обследовал его в 1913 году.

5) Остров Врангеля переименовать в о[стро]в Красный Октябрь в честь первого советского корабля, побывавшего на острове Врангеля и поднявшего там флаг СССР, что закрепило этот остров за территорией Союза.

На этом же совещании был поднят вопрос, возбужденный Комитетом Северного морского пути при Сибревкоме, о присвоении острову, открытому в 1922 году экспедицией Комсеверопути на шхуне «Агнесса» в заливе Гыдаямо (Гыдоям), имени Ю.М. Шокальского, в знак его научных заслуг в области изучения Севера.

Приветствуя это предложение Комсеверопути, совещание постановило, одновременно с

представлением о переименованиях вышеупомянутых земли и островов, просить ходатайства высшего морского командования о присвоении вновь открытому острову имени Шокальского. Изложенное представляется на Ваше усмотрение.

Приложение: Копия журнала совещания от 20 февраля 1925 года по вопросу о переименовании Земли [Императора] Николая II и островов Цесаревича Алексея, Старокадомского и Врангеля.

*Начальник управления Викторов
Комиссар Зверев*

РГАВМФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 840. Л. 8–9. Копия. Машинопись. На бланке Гидрографического управления СССР.

№ 8. Журнал совещания, созванного при Гидрографическом управлении по вопросу о переименовании Земли императора Николая II и островов Цесаревича Алексея, Старокадомского и Врангеля

20 февраля 1925 г.

Председательствует – начальник Гидрографического управления М.В. Викторов.

Присутствуют:

Председатель Русского географического общества – Ю.М. Шокальский.

Комиссар Гидрографического управления – Ф.М. Зверев.

Помощник начальника Гидрографического управления – В.В. Ахматов.

Начальник Картографического отдела – П.В. Мессер.

Помощник председателя Комиссии по изучению Северного Ледовитого океана – А.М. Лавров.

Секретарём – А.М. Лавров.

Председатель М.В. Викторов, открывая заседание, сообщает, что вновь получено распоряжение от высшего морского командования рассмотреть вопрос о переименовании Земли [Императора] Николая II и островов Цесаревича

Алексея, Старокадомского и Врангеля и предлагает П.В. Мессер познакомить присутствующих на совещании со всем имеемым материалом по этому вопросу.

П.В. Мессер зачитывает всю имеющую переписку о переименовании вышеназванных земли и островов.

М.В. Викторов полагает, что, так как на совещании по этому же вопросу, состоявшемся 21 июля 1924 года, был поднят вопрос о присвоении всей группе Земли [Императора] Николая II и островов Цесаревича Алексея и Старокадомского названия Таймырского архипелага, то следует вновь обсудить этот вопрос.

В результате обмена мнениями совещание находит очень желательным всю эту группу назвать Таймырским архипелагом, так как это название будет указывать на принадлежность ее к Таймырскому полуострову, и все в дальнейшем там открытые может быть и иностранцами земли и острова, будут находиться в Таймырском архипелаге, уже открытом русскими морями, и потому впредь никаких сомнений о принадлежности всех земель и островов архипелага и территории СССР ни у кого не может возникнуть.

Далее, М.В. Викторов предлагает обсудить вопрос о переименовании в отдельности Земли [Императора] Николая II и островов Цесаревича Алексея и Старокадомского. Со своей стороны он предлагает, что к моменту 200-летнего юбилея Российской академии наук следовало бы отметить это событие наименованием одного из этих островов именем Российской академии наук.

П.В. Мессер предлагает Землю [Императора] Николая II назвать – Северная Земля Союза Советских Социалистических Республик.

На внесенное Ф.М. Зверевым пожелание острова Цесаревича Алексея назвать политическим именем – М.В. Викторов предлагает назвать его – остров Пролетарской Диктатуры.

Обсудив предложенные названия, совещание решило:

Земле [Императора] Николая II присвоить название – Северная Земля Союза Советских Социалистических Республик, а в отношении переименования о[стро]ва Цесаревича Алексея, представить на усмотрение высшего морского командования оба названия – о[стро]в Российской академии наук или о[стро]в Пролетарской Диктатуры.

Остров Старокадомского совещание не находит нужным переименовывать, так как он назван этим именем потому, что доктор Л.М. Старокадомский, участник Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, первый открыл и обследовал его.

Переходя к вопросу о переименовании о[стро]ва Врангеля, совещание считает желательным его переименовать именем – Красный Октябрь в честь первого советского корабля, побывавшего на Врангеле и поднявшего там флаг СССР, что закрепило это остров за территорией Союза.

Далее, после ухода Ю.М. Шокальского, Совещание переходит к обсуждению вопроса, возбужденного Комитетом Северного морского пути, о присвоении острову, открытому в 1922 году экспедицией Комсеверопути на шхуне «Агнесса» в заливе Гидаямо имени Ю.М. Шокальского в знак его научных заслуг в области изучения Севера.

Имея в виду принципиальное согласие Ю.М. Шокальского на такое наименование, совещание приветствует это предложение Комсеверопути и находит нужным теперь же возбудить об этом вопрос перед высшим морским командованием [...].

РГАВМФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 840. Л. 8–9. Подлинник. Машинопись.

№ 9. Записка помощника начальника Гидрографического управления СССР А. В. Соколова начальнику управления М. В. Викторову о планируемой экспедиции в Северный Ледовитый океан и переименовании ряда земель

27 апреля 1925 г.

Начальнику Гидрографического управления

В связи с прилагаемой при сем вырезкой из №90 (от 22 сего апреля) газеты «Известия ЦИК СССР», об экспедиции на Землю [Императора] Николая II, и разработанным в Гидрографии проектом, на[чальник] мор[ских] си[л] РККФ 23 сего апреля приказал выяснять в Ленинграде, в виду нахождения там Научно-исследовательского института по изучению Севера, подробности организуемой экспедиций, о которых затем доложить наморси РККФ.

По вопросу о переименовании Земли [Императора] Николая II и прочих докладываю:

Представление Гидрографического управления от 21 февраля с.г. №71.2733 по этому вопросу получило согласие наморси РККФ, причем в отношении о[строва] Цесаревича Алексея, наморси РККФ утвердил второй вариант, т. е. о присвоении ему названия остров Пролетарской Диктатуры.

Таким образом, все постановления совещания были включены в доклад, направленный в РВС СССР от имени наморси РККФ по вопросу о переименовании некоторых земель и островов в Северном Ледовитом океане.

Сего числа Главное управление РККА уведомило наморси РККА о том, что соответствующее представление 22 сего апреля уже направлено в Совет народных комиссаров.

Помощник нач[альника] Гидр[ографического] упр[авления], гидрограф А. Соколов

РГАВМФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 840. Л. 13–13 об. Подлинник. Машинопись.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История наименования и переименования северных российских земель не только как в зеркале показывает всю нашу непростую ис-

торию XX века. Внимание, которая страна уделяла этому вопросу свидетельствует о том большом значении, которое несмотря на все драматические события страна уделяла сохранению за собой этих территорий. Первые переименования земель произошли еще в 1920-х годах, когда стали очевидными попытки аннексии некоторых северных островов иностранными государствами. Последовавшая экспедиция 1930-х годов не только полностью изучила северный архипелаг, но и открыла широкое поле для наименований новых островов. Конечно, в их названиях в полной мере отразилась политическая конъюнктура того времени. Ее изменение хорошо видно в названиях 30–50-х годов географических объектов архипелага, многократно менявших свои названия в угоду менявшимся политическим реалиям. Именно это и стало причиной современной топонимической противоречивости на Северной Земле, которая до сих пор остается в глазах общества своеобразным символом разных идеологических подходов в отношении итогов Гражданской войны в России 1917–1922 годов. На наш взгляд, с учетом положений Закона Российской Федерации №152 «О наименованиях географических объектов», имеет смысл обсудить вопрос о частичном восстановлении – с учётом сохранения советских топонимов данных экспедицией Ушакова и Урванцева – части географических названий на архипелаге Северная Земля, которые были получены на основании результатов экспедиции ГЭСЛО 1913 года под командованием Б.А. Вилькицкого. Подобный подход позволит сделать шаг в сторону примирения нашего общества в канун 100-летия завершения Гражданской войны в России и образования Советского Союза. Совершенные в конце XIX – начале XX веков открытия сегодня открывают перед Россией новые перспективы и преимущества, по многим причинам не реа-

лизованные ранее. Насколько удастся их реализовать покажут ближайшие десятилетия.

Библиография:

1. Архив Русского географического общества Ф. 19. Оп. 1. Д. 3.
2. ВЦИК. Декрет от 11 января 1926 года. – СУ РСФСР. – 1926. – № 5.
3. Котляков В.М., Жохов А.Д., Жохова Н.В., Ушакова М.Г. Архипелаг Северная Земля – география с историей на сломе времён // Лёд и снег. – 2014. – № 1. – С. 136-141.
4. Кузнецов Н.А. Забытые герои Арктики. Люди и ледоколы. – М.: Паулсен, 2018. – 544 с.
5. Кузнецов Н.А. Русский Колумб XX века. Борис Вилькицкий. – М.: Паулсен, 2014. – 35 с.
6. Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф.417. Оп. 4. Д. 1610.
7. Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. Р-1004. Оп. 2. Д. 2.
8. Саватюгин Л.М., Дорожкина М.В. Архипелаг Северная Земля: история, имена, названия. – СПб.: Наука, 2010. – 200 с.
9. Смирнов В.Г. Арктический подвиг российских гидрографов // Записки по гидрографии. – 2015. – № 293.

References:

1. Arkhiv Russkogo geograficheskogo obshchestva F.19. Op.1. D.3. (In Russ.).
2. VTSIK. Dekret ot 11 yanvarya 1926 goda. SU RSFSR 1926. – №5. (In Russ.).
3. Kotlyakov V.M., Zhokhov A.D., Zhokhova N.V., Ushakova M.G. (2014) Arkhipelag Severnaya Zemlya – geografiya s istoriyey na slome vremen // Lod i sneg. – № 1. – S.136–141. (In Russ.).
4. Kuznetsov N.A. (2018) Zabytyye geroi Arktiki. Lyudi i ledokoly. – M.: Paulsen. – 544s. (In Russ.).

5. Kuznetsov N.A. (2014) Russkiy Kolumb XX veka. Boris Vil'kitskiy. – M.: Paulsen. – 35s. (In Russ.).

6. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv voyenno-morskogo flota. F. 417. Op. 4. D. 1610. (In Russ.).

7. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv voyenno-morskogo flota. F. R-1004. Op. 2. D. 2. (In Russ.).

8. Savatyugin L.M., Dorozhkina M.V. (2010) Arkhipelag Severnaya Zemlya: istoriya, imena, nazvaniya. – SPb.: Nauka. – 200s. (In Russ.).

9. Smirnov V. G. Arkticheskiy podvig Rossiyskikh gidrografov // Zapiski po gidrografii. – 2015. – № 293. – S.9–19. (In Russ.).

ИСАЕВ Алексей Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин и социального обеспечения, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: IsaevLesha@yandex.ru

МАТВИЕНКО Валентина Анатольевна, старший научный сотрудник, кандидат политических наук, доцент, Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина (Россия, Елец), e-mail: vamatv@mail.ru

ISAEV A.V., Candidate of Political Science, Docent, Associate Professor of the Department of Civil disciplines and social security, Central Russian Institute of Management – branch of RANHIGS (Russian Federation, Orel), e-mail: IsaevLesha@yandex.ru

MATVIENKO V.A., Senior Researcher, Candidate of political sciences, Associate Professor, Yelets State University (Russian Federation, Yelets), e-mail: vamatv@mail.ru

СУДЬБЫ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

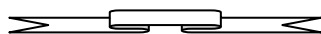
THE FATE OF THE PEOPLE'S REPRESENTATIVES OF THE FIRST STATE DUMA

Аннотация. Цель статьи – рассмотреть отношение официальных властей и народных масс к депутатскому корпусу после роспуска первой Государственной Думы. Авторы анализируют факты политических репрессий, а также дифференцированное отношение населения к своим избранным. В работе делается вывод о том, что активная депутатская деятельность вызывала определенную правительственную реакцию с применением различных административно-политических сил и средств. В свою очередь, неоправданные высокие ожидания от народной институции объективировались в жестокости и агрессии по отношению к бывшим народным представителям. С другой стороны, оправдавшие доверие избирателей депутаты находили защиту в своей электоральной среде. Указанная политическая турбулентность приносила драматизм в формирование как групповой социокультурной и политической идентичности, так и персональных судеб.

Ключевые слова: парламент, Государственная Дума, народное представительство, депутат, народ.

Abstract. The purpose of the article is to consider the attitude of the official authorities and the masses to the deputy corps after the dissolution of the first State Duma. The authors analyze the facts of political repression, as well as the differentiated attitude of the population towards their chosen ones. It is emphasized that the active deputy activity caused a certain government reaction with the use of various administrative and political forces and means. In turn, unjustified high expectations from the people's institution were objectified in cruelty and aggression towards former people's representatives. On the other hand, the deputies who justified the confidence of the voters found protection in their electoral environment. The authors draw conclusions that the indicated political turbulence brought drama to the formation of both group socio-cultural and political identity and personal destinies.

Keywords: parliament, State Duma, people's representation, deputy, people.

ВВЕДЕНИЕ

Через Государственную Думу Россия в начале XX века перешагнула из сферы азиатского бесправия в сферу парламентаризма [2, С. 62]. Анализ деятельности первой парламентской институции России, а также драматических событий, связанных с гонением бывших депутатов, представляется важным не только для понимания исторического опыта становления института представительной власти в России, но и для осмысления контекста политической турбулентности, существенным образом влияющей на судьбы народных представителей в частности и всей страны в целом.

В контексте данной статьи мы оставим за рамками исследования процесс формирования, деятельности и собственно причин роспуска первой Государственной Думы, работа которой длилась 72 дня – с 27 апреля по 9 июля 1906 года. При этом акцентируем внимание на отношении официальных властей и народных масс к депутатскому корпусу после роспуска первой Государственной Думы.

МЕТОДЫ

В рамках данной статьи авторами была проанализирована мемуарная литература. Исследовательский интерес представляют собой брошюры В. В. Брусянина и Л. В. Щегло [2, С. 12], публикации Л. Куприяновой [8, С. 24–36] и, вспоминая о членах Партии народной свободы [9], в которых даются ретрооценки происходящих событий начала XX века.

Научный анализ процесса становления народного представительства в дореволюционной России, а также деятельности «новых политиков в новом политическом пространстве» предпринят в работах А. С. Борисова, В. Н. Колесникова, И. К. Кирьянова, Л. В. Савенковой, Н. Б. Селунской, В. А. Холодова [1,

С. 161–168; 5; 6; 7; 10, С. 168–175; 11].

Отдельные вопросы судеб депутатов Орловской губернии затронуты в исследованиях И. В. Гаврилюка и В. В. Зотова [3, С. 261–267; 4, С. 13–19].

В качестве основной методологической базы использованы проблемно-исторический метод и методология «memory studies», позволяющие фокусировать внимание на персональных историях людей и их судьбах в контексте конкретно-исторической обстановки.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Следует отметить, что в период деятельности первой парламентской институции народные представители имели депутатскую неприкосновенность (хотя и испытывали негативное отношение со стороны властей [9]), а в глазах народа каждое их слово представляло особый вес и значение. Всякий акт произвола и насилия народ доводил до своих избранных, к ним апеллировал, на их защиту надеялся [8, С. 24–36].

Как отмечают современники тех лет, «...велика была вера в Государственную Думу, но сильно было и разочарование в её бессилии. Дума не завоевала власти, депутаты не в силах были добыть народу «землю и волю», но работа Думы раздвинула горизонт для широких масс населения, научила их связывать свои непосредственные нужды с общегосударственными. Речи депутатов, отчеты о заседаниях Думы читались и обсуждались во всех самых глухих уголках страны.

Таким образом, влияние Думы на массы росло и правительство понимало, что народ мог организовать вокруг законодательного органа, чего исполнительная власть не могла допустить.

С роспуском анализируемого представительного органа депутатская неприкосновенность закончилась, и правительство активно начало применять различные администра-

тивно-политические средства в противостоянии народным избранникам.

Содержание и смысл телеграфических и иных распоряжений П. А. Столыпина 7 июля 1906 года явились для губернаторов и градоначальников достаточно ясными директивами, дающими им право «на расправу» с бывшими парламентариями [2, С. 5], а также для недопущения или разгона митингов.

Складывающаяся обстановка побудила большую часть думцев (его подписали 167 депутатов) составить «Выборгское воззвание», которое призывало «не давать правительству ни солдат, ни денег». Однако среди населения оно не вызвало ожидаемого отклика, но явилось катализатором «антидумовской» политики.

Так, 20 октября 1906 года Министр внутренних дел разослал губернаторам, начальникам областей и градоначальникам циркуляр с информацией о привлечении к следствию бывших членов Государственной Думы, присутствовавших в Выборге и там же подписавших воззвание, как участников его составления.

Как отмечал В. В. Брусянин, решение вопроса о предании суду авторов «Выборгского воззвания» затягивалось, ибо правительство не знало, как поступить: судить ли парламентских крамольников или игнорировать их неконституционную выходку [2, С. 8]. В итоге они были приговорены к трехмесячному заключению и лишены избирательных прав.

С роспуском Думы «органическая» работа бывших депутатов прекратилась, и им предстояло возвращение на места. При этом за бывшими народными избранниками началось повсеместное слежение [2, С. 8].

Едва появлялся депутат в своей губернии, особенно депутат от крестьян, как за ним устанавливался самый тщательный надзор, местная полицейская власть устраняла всякую возможность свободного общения с населением [8, С. 24–36].

Однако «народ страстно желал слышать, что скажет вернувшийся из Петербурга депутат, жаждал знать, за что распущена Дума, в которую было вложено столько надежд, требовал отчета от депутатов в их деятельности и ответа на то, что делать, как быть дальше?» [8, С. 24–36].

До какой степени велика потребность населения знать, что делали парламентарии в Думе, видно из газетных заметок о бывшем депутате крестьянине Стефанюке, к которому местное население неоднократно обращалось с вопросами о роспуске Думы, но он упорно молчал, отговариваясь незнанием. Ни угрозы, ни ругательства крестьян не помогли. Наконец, на днях, когда толпа крестьян настойчиво приступила к Стефанюку с расспросами о Думе, а последний отнекивался и не хотел отвечать, на него набросился с бранью отставной фельдфебель и закричал: «Что ж ты, собачий сын, мы тебя выбрали, на наши гроши ты поехал, привез себе оттуда казны, а теперь молчишь! Мы тебе отобьем бока и покажем, как отвиливать с ответами перед громадой!..» С этими словами «он бросился на Стефанюку и избил его палкой. Сотские еле отстояли депутата от раздраженной толпы» [2; 8, С. 24–36; 7].

Описанный случай показывает, в каком двойственном положении были депутаты, возвратившись к своим избирателям. Замалчивать о думской работе они не могли, а слушники рисковали подвергнуться такому же избиению, что пришлось испытать Стефанюку [2, С. 9].

Поэтому, как свидетельствуют современники, по возвращении народным представителям приходилось уезжать или по собственному желанию (депутат Лаврентьев Тетюшского уезда говорил, что хочет в город уехать, так как здесь опасно), или под угрозой жизни (в селе Борковка Ставропольского уезда депутат Шарков вынужден был выехать из населенного пункта, а его дом был сожжен

односельчанами). Недружелюбно был встречен населением Гжатского уезда и бывший конституционный демократ Лебедев – крестьяне разгромили принадлежащий депутату фруктовый сад [2, С. 10].

Во многом к подобного рода проявлениям негативного отношения к своим выборным депутатам крестьян провоцировала «черная сотня», которая с особым старанием помогала полиции в деле преследования народных представителей [2, С. 11; 11]. Из опасения за свою жизнь пришлось выехать из Умани бывшему депутату Шолке. Смертными приговорами грозили черносотенные организации депутатам Родичеву, Петрункевичу, Винаверу, Седельникову [8, С. 24–36].

Так, показателен следующий случай, когда «черная сотня» не оставила в покое депутата Сычевского уезда Т. О. Волкова. Из Петербурга Волков возвратился в с. Воскресенское больным и остановился у знакомого диакона. Тотчас же по прибытии Волкова местная «черная сотня» начала распускать слух, что бывший депутат думы ходит по соседним деревням, устраивает митинги, возбуждает крестьян против помещиков, призывает к вооруженному восстанию и разбрасывает прокламации («Выборгское воззвание»), которых он привез из Петербурга целых 2 пуда. Волков не обращал никакого внимания на подобную клевету, при этом и местная полиция хорошо знала его еще в бытность учителем. Однако, анонимные доносы, письма и телеграммы способствовали тому, что полиция в ночь на 4 августа 1906 года произвела обыск в доме диакона, но в вещах депутата ничего недозволенного не обнаружила [1, С. 11; 11].

Современники тех лет отмечают, что полиция активно «встречала» бывших народных представителей на местах. Так, узнав из частной телеграммы о приезде в г. Малмыж бывшего депутата И. Н. Овчинникова, местный исправник моментально мобилизовал

отряд воинской силы, состоявший из 5 стражников, и во главе с приставом двинул авангардную колонну к пристани, а 10 стражникам было приказано залечь в засаде, в лесу, по дороге от пристани к городу. Другой бывший депутат П. А. Садырин был арестован за устройство собеседования с крестьянами и заключен в тюрьму на 3 месяца. Желая сделать заключение для Садырина как можно тягостнее, губернатор при личном посещении Малмыжа приказал перевести его, «как крестьянина», из тюрьмы в арестное помещение при полиции и держать его там, пока не получит распоряжения высшей власти перевести его обратно в тюрьму [8, С. 24–36].

Ожидавшая приезда бывшего депутата М. И. Герасимова в г. Чистополе полиция встретила его на пристани, произвела тщательную ревизию имущества и, отобрав книги, газеты, письма и записную книжку, отпустила. Через несколько дней депутат Герасимов был вызван в полицию снова, и ему была дана точная инструкция, что он должен делать и чего не должен [2, С. 12].

Другой случай указывает на то, что рано утром, никому, не давая знать о своём приезде, тихо сошёл с парохода в городе Вольске И. В. Жилкин, лидер трудовой группы... Его не встретил никто, даже близкие родные... Однако, его приезд не остался незамеченным. Не успел Жилкин войти в свой дом, поздороваться с матерью и братом, как нагрянула полиция и занялась распаковыванием еще не разобранных вещей бывшего депутата. Пристав переворачивал белье, рылся в газетных вырезках, торопливо распечатывал и пересматривал письма и корреспонденцию... Один из хороших знакомых Жилкина отправился было к полицмейстеру с просьбой разрешить устроить собрание, на что был получен категорический отказ. В итоге, вечное следование по его пятам тайной и явной полиции уже в конце второго дня сделалось для

него невыносимым. И он предпочёл уехать из родного города, никому, не сообщив о своём отъезде [2, С. 13].

Следует отметить, что подобные просьбы проведения собрания с бывшими членами Думы встречали повсеместный отказ, поэтому оставался один путь – устраивать их, не считаясь с запрещением, но подобные попытки кончались жестокой расправой, и не всякий решался на это [8, С. 24–36].

Например, импровизированный митинг 20 августа в г. Уральске не понравился наказному атаману, и он решил действовать строго и энергично. Так, 27 августа... покончив с разгромом толпы на площади, полиция бросилась к чайной, и начался «вывод оттуда и правых, и виноватых». Бывший депутат Недоносков был сильно помят в зале чайной, легко ранен, затем сильно избит на лестнице и получил несколько ударов уже на улице на глазах администрации. Он был арестован и под конвоем отправлен в тюрьму, где фельдшер тюрьмы оказал ему первую медицинскую помощь [2, С. 33–35; 8, С. 24–36].

Значительная группа выборщиков г. Уральска обратилась к военному губернатору Уральской области с протестом по поводу расправы полиции и казаков и с прошением об освобождении Недоноскова, незаслуженно лишённого свободы. «Его участие в митинге, писали они, было вызвано прямым настоянием населения, пренебрегать требованиями которого он, как избранник народа, не имел никаких нравственных оправданий». Но власти не обратили никакого внимания на этот протест и решили выслать В. В. Недоноскова за пределы Уральской области [2, С. 33–35; 8, С. 24–36].

В слободе Ракитной Курской губернии во время базара большая толпа крестьян требовала от бывшего члена Государственной Думы Кутоманова ознакомить их с делами Думы. Во время беседы явились 50 казаков и разогнали толпу. Квартира Кутоманова была

оцеплена стражниками, наблюдающими, чтобы он не общался с населением.

На станции Дружково митинг (до 4000 чел.) был разогнан надзирателем и казаками с помощью ружейных залпов, от которых оказались двое смертельно раненных, двое тяжело раненных (один из них скончался на другой день) и много легко раненных (как подтверждал один из городских, всего пуль было выпущено – 44) [8, С. 24–36].

В Харьковской губернии бывший член Государственной Думы Иваницкий за частную беседу с крестьянами был окружен стражниками и обыскан. Крестьяне разогнаны.

Обыск был произведен у многих депутатов и почти всегда без всяких результатов: в г. Вольске – у С. И. Бондарева, в Опочецком уезде – у И. В. Островского, в Тифлисской губернии – у И. И. Рамишвили, в д. Ляпино Новгородской губернии – у Д. В. Васильева, в Москве – у Комиссарова, в м. Вязовка – у крестьянина Л. С. Литвина, в Петербурге – у Л. М. Брамсона, в Вятской губернии – у И. Н. Овчинникова, в Бессарабии – у Ф. А. Сеффера, во Владимире – у Черношвицова, в Казани – у М. Н. Герасимова и П. А. Ершова, в Орловской губернии – у Д. И. Зайцева, в Харьковской губернии – у М. М. Ковалевского и А. Ф. Грабовецкого, в Лубнах – у В. М. Шмита, в Киеве – у Локтя [8, С. 24–36].

Серьезно мог пострадать представитель Слободского уезда Вятской губернии И. О. Кузнецов. По случаю проезда депутата в с. Коса собрался многочисленный митинг. Однако отряд стражников атаковал собравшихся и разогнал митинг. Стражники хотели разделаться с депутатом Кузнецовым, но вместо него по роковой случайности был убит его сосед [8, С. 24–36].

В июле в Судже был арестован И. Е. Соломко, только что прибывший на родину. В своей деревне земским начальником Масловым при помощи драгун и стражников

был арестован С. П. Кондрачук и заключен в Брест-Литовскую тюрьму. В Кременце по распоряжению волынского губернатора был арестован А. Г. Фурман. Ненадолго был арестован Ф. И. Иваницкий и освобожден под залог в 500 руб. В Воронеже арестованы Д. Я. Медведев, Я. А. Осадчий и Торшин, в Умани Киевской губернии – С. Р. Френкель, в Мариуполе – И. И. Лысенко, в Тамбове – В. Т. Окунев, в Петербурге – И. И. Субботин, в селе Орловка близ Бердянска – С. П. Притула, в Курске арестован судебным следователем по важнейшим делам Г. Н. Шапошников, в Опоченском уезде близ Варшавской губернии побит, отправлен в больницу и арестован И. В. Островский, в Малоархангельске Орловской губернии арестован и заключен в тюрьму М. Е. Куканов, а в Брянском уезде – И. С. Бибилов [2; 3, С. 261–267; 8, С. 24–36].

И. В. Тарасенко, депутат Глуховского уезда, жил на нелегальном положении, чтобы избежать ареста. Не найдя И. В. Тарасенко, полиция арестовала его младшего брата и заявила престарелым родителям, что будет держать его «заложником», пока не будет отыскан преследуемый депутат. 27 сентября 1906 года И. В. Тарасенко был арестован и препровожден в тюрьму в Кролевец [8, С. 24–36].

Данные факты, публикуемые в местных газетах, способствовали развитию негативного отношения населения к властям.

Трагические судьбы бывших народных представителей раскрываются и в издании Н. И. Астрова, В. Ф. Зеелера, П. Н. Милюкова, опубликованном в 1929 году в Париже [9].

Как указывают современники тех лет, лишь тайком, скрываясь от полиции и под защитой населения, могли депутаты дать отчет народу о своей работе.

В. В. Бруснянин отмечает, что на имя Государя Императора и министра приходили многочисленные постановления крестьянских

сходов и резолюции митингов, в которых крестьяне настаивают на освобождении арестованных членов Государственной Думы, напоминая, что депутатам была обещана личная неприкосновенность [2, С. 17].

Местами народ действительно отстоял своих депутатов и не допустил их ареста. Так было, например, в Корсуне, где бывшему депутату Матвееву прокурор объявил, что он за подписание «Выборгского воззвания» к народу, арестовывается. Матвеева повели в тюрьму, тогда рабочие фабрики Белоусова толпой в несколько сот человек вырвали из рук полиции своего избранника, и Матвеев несколько дней находился на фабрике под охраной рабочих [2, С. 19; 8, С. 24–36].

Отстояли своего депутата и жители Камышина, когда местная полиция хотела арестовать Я. Е. Дитца, обвинявшегося в распространении в своем имении изданий преступного содержания, возбуждающих к ниспровержению существующего общественного строя. Узнав об обыске у Я. Е. Дитца, горожане ударили в набат, и быстро у его дома собралось не менее 2–3 тысяч человек, посылавших угрозы в адрес блюстителя порядка. Простояв около дома часа два, горожане открыли митинг, крыльцо дома превратилось в трибуну, начались речи на политические темы. «Будем стеречь своего избранника днем и ночью. Не дадим полицейским коснуться нашего депутата», – заявили обыватели г. Камышина. Сам Я. Е. Дитц сказал: «Вы, граждане, защищаете не меня лично, а защищаете свою идею народного представительства, идею, которую безответственное правительство старается разбить и уничтожить. Я вижу, что два месяца занятий Думы не прошли бесследно: народ увидел все язвы старого строя и теперь уже не верит правительству, которому Дума пред лицом всей страны выразила недоверие». Местная полиция не решилась арестовать Я. Е. Дитца, высшее начальство ограни-

чилося предписанием о его домашнем аресте, взяв с него подписку о невыезде [8, С. 24–36].

Не удалась и попытка полиции арестовать депутата Пензенской губернии В. Ф. Врагова. 30 июля в с. Каменка Нижнеломовского уезда после богослужения в местной церкви крестьяне во главе с бывшим депутатом Враговым просили священника отслужить панихиду по бывшему члену Государственной Думы М. Я. Герценштейну. Просьба была исполнена. Это дошло до сведения властей, в Каменку явились исправник, становой, стражники и солдаты. Врагов был арестован и отправлен в имение Воейковой, где помещён был в конторе под надзором. В его квартире был произведен обыск. Каменцы страшно взволновались: моментально собралась огромная толпа, полетели гонцы во все соседние деревни, ударили в набат, который гудел всё время, не переставая. Со всех сторон сбегался народ, и скоро толпа в несколько тысяч направилась к имению Воейковой, освободила Врагова, которого торжественно понесла на руках с красными флагами и песней «Марсельеза». Набат продолжал гудеть, созывая народ. На площади образовался грандиозный митинг, принявший решение освободить политических арестантов, которых должны были провозить в поезде по железной дороге. Но поезд уже прошел. Толпа направилась к имению Воейковой; испугавшийся исправник заявил, что он и не думал арестовывать Врагова, а хотел с ним лишь поговорить. Была постановлена резолюция, в которой народ предупредил власти, что он не отвечает за последствия, если арест повторится. 1 августа в Каменку прибыли пензенский вице-губернатор и жандармский офицер в сопровождении большой стражи. Был отдан новый приказ об аресте Врагова. Вновь загудел набат, стала сбегаться толпа. На замечание исправника: «Вмешиваться в дела начальства не следует», – в полицию полетел град

камней. При возгласах «Не выдадим своего выбранного!» исправник был смертельно ранен и затем добит его же саблей, выхваченной из ножен. На следующий день в Каменку был отправлен карательный поезд, выехал пензенский губернатор, началось усмирение при помощи казаков, закончившееся многочисленными арестами [8, С. 24–36].

Особенно сильно разразилось народное негодование в связи с арестом бывшего депутата от Екатеринославской губернии Ф. М. Онипко, после того как стало известно, что он предается военно-окружному суду. В местной газете об этом говорилось, что «своему бывшему депутату Онипко все крестьяне очень верят и страшно его любят. На всех сходах говорят о нем и делают постановления с требованием о его освобождении и прощении». Жители с. Петровского на сходе обсуждали арест своего депутата и постановили потребовать от священника отслужить молебен о спасении депутата [2, С. 22].

Полиция активно проводила свою политику как внутри страны, так и за ее пределами. Вскоре после роспуска Государственной Думы департамент полиции «предложил всем агентам, находящимся в России, тщательно следить за бывшими депутатами, выезжающими за границу, куда именно они направляются и едут ли они одни или с кем-нибудь в обществе. Точно так же заграничным агентам предложено следить за бывшими депутатами, находящимися за границей. Меры эти найдутся в связи с желанием департамента точно установить характер сношений бывших депутатов с заграничными обществами» [2, С. 62].

Так ряд депутатов должны были жить на нелегальном положении или за границей, не решаясь возвратиться домой. Это по преимуществу трудовики и социал-демократы: С. В. Аникин; И. И. Рамишвили, дом которого в селе Суреба был оцеплен казаками, но депутата не было дома (по распоряжению вла-

стей он должен был быть сослан на 3 года в Тобольскую губернию); З. И. Выровой, скрываясь от преследований, уехал за границу и только после двух месяцев скитанья вернулся в Россию; пермский депутат И. И. Антонов заболел тяжелой нервной болезнью на почве полицейского преследования; депутаты С. С. Крым и А. Г. Сипягин не решались вернуться в Симферополь, а П. Ф. Белоусов – в Глазовский уезд Вятской губернии, опасаясь ареста; полиция разыскивала в Каменец-Подольске И. К. Заболотного, который впоследствии был выслан за пределы Подольской губернии; также были высланы С. Я. Тумбусов (из Вятской губернии), В. И. Ишерский (из Семипалатинской области), Ф. И. Иваницкий (из Харьковской губернии) [8, С. 24–36].

Гонениям подверглись и члены Государственной Думы – священники, подписавшие «Выборгское воззвание». Так, Новочеркасская духовная консистория постановила лишить сана священника К. Афанасьева и заключить его в монастырь. За отказ отправиться в Кременский монастырь он был арестован. Святейший синод запретил священнику Н. Огневу священнослужение. Прихожане неоднократно писали просьбы и телеграммы в Святейший синод или на имя председателя Совета министров П. А. Столыпина о восстановлении священников в правах и о возвращении их на место прежнего служения. Однако ходатайства остались без ответов.

Депутаты, не подвергшиеся ни высылке, ни аресту, претерпевали гонения в ином смысле – администрация увольняла «провинившихся крамольных» народных представителей от занимаемых ими должностей, а дворяне выносили соответственные постановления и исключали «недостойных» из своей среды.

Подписание «Выборгского воззвания» было поводом для целого ряда преследований против народных представителей. Так, еще

до окончательного постановления судебных установлений о возбуждении дела по обвинению подписавших его по ст. 129 Уголовного уложения дворянские собрания нескольких губерний (Курской, Ярославской, Кишиневской и др.) возбудили вопрос об исключении из состава дворян бывших членов Государственной Думы. Позднее, когда вопрос о привлечении, подписавших воззвание к «ответственности», был решен, последовали и другие преследования.

Так, первым кампанию таких гонений начало курское дворянство, постановившее на чрезвычайном губернском дворянском собрании большинством голосов (98 против 3) исключить из состава дворян губернии бывших членов Государственной Думы, подписавших «Выборгское воззвание»: кн. П. Долгорукова, фон Рутцена, Якушкина и Ширкова [8, С. 24–36].

Вслед за курянами ярославский дворянин П. А. Соколов, отставной генерал-майор, на экстренном дворянском собрании подал заявление, в котором поднял такой вопрос: «Имеются ли в числе ярославских дворян такие, которые подписали «Выборгское воззвание?» Если таковые имеются, постановил ярославский дворянин, то ярославское дворянство должно последовать «доблестному примеру» курских дворян и немедленно исключить из семьи дворян крамольников и изменников. За ярославским дворянством последовало и кишиневское, постановившее исключить из состава бывших членов Государственной Думы Л. Е. Сицинского и В. В. Яновского [2, С. 46].

Многие из бывших народных представителей, возвратившись на места, были лишены возможности занять прежние должности, как неблагонадежные или как лица, привлеченные к ответственности за подписание «Выборгского воззвания». Например, бывший парламентарий от Пензенской губернии М. С. Киселев лишился места начальника почтово-телеграфной конторы, которое он

занимал ранее более 20 лет; бывшие депутаты В. А. Маслов, М. К. Гудилин и В. А. Харламов были лишены возможности продолжать свою педагогическую деятельность; елабужский депутат инспектор народных училищ В. С. Нечаев был переведен в другую губернию; бывший член Думы от Киевской губернии Г. Л. Зубченко по распоряжению киевского губернатора был уволен с должности волостного старшины; бывший народный представитель от рабочих г. Казани П. А. Ершов по телеграмме военного министра уволен из числа служащих порохового завода; Я. А. Гужовский (член Думы от Черниговской губернии) был уволен с должности земского страхового агента [8, С. 24–36].

Как подписавшие «Выборгское воззвание», отстранены от должностей П. П. Толстой (член Уфимской губернской земской управы), В. Н. Родаков (председатель Лугской уездной земской управы), М. А. Квасков (от должности врача в Смоленске), С. Р. Френкель (от должности заведующего больницей в Умани), Морев (от должности агронома на Кавказе), И. Х. Зиатханов (от должности товарища прокурора Елисаветградского окружного суда), С. Д. Урусов, А. С. Ломшаков, А. Н. фон Рутцен, Ф. Р. Штейнгель, Д. А. Скульский и Н. И. Метальников временно отстранены от должности почетных мировых судей до окончания возбужденных против них дела, Ростовцев – от должности Воронежского городского головы [8, С. 24–36].

Некоторые из дворянских собраний, помимо того, делали постановления об исключении их из состава дворянских обществ (С. Муромцев, М. Деларю, Н. Ковалевский, В. Родаков, Н. Метальников, В. Микешин, В. Обнинский, С. Урусов, П. Долгоруков, А. фон Рутцен, В. Якушкин, Н. Ширков, Л. Сицинский, В. Яновский).

Местами эти распоряжения встречали отказ со стороны земств и городских дум (Тверская управа, Санкт-Петербургская городская

дума, Могилевская городская дума, Костромское губернское земское собрание, Курское губернское земское собрание, Казанский совет присяжных поверенных), но в большинстве случаев эти распоряжения не вызывали протеста [8, С. 24–36].

Только одно Костромское Дворянское собрание протестовало против этого, включив в свою среду некоторых дворян из бывших членов Государственной Думы, исключенных другими собраниями.

Также последовал ряд распоряжений губернаторов и градоначальников об отстранении привлеченных к суду бывших депутатов от редакторства газет (Я. Теннисон – ред. Postimees в Юрьеве, В. Оболенский – ред. «Жизни Крыма» и Ш. Левин – ред. Das jüdische Volk в Вильне) и даже об исключении из состава присяжных поверенных (А. Ахтямов и С. Розенбаум) [8, С. 24–36].

Одновременно с исключением дворян из сословия началось и отрешение подсудных депутатов от должностей, преимущественно с земской службы. Эта мера преследований проводилась согласно с распоряжением министерства внутренних дел [8, С. 46].

По сведениям газет, были исключены из состава земских и думских гласных И. Петрункевич и М. Петрункевич, А. Медведев, В. Обнинский, С. Урусов, М. Комиссаров, М. Квасков, В. Лебедев, А. Попов, В. Оболенский, Т. Локоть, Н. Ростовцев, А. Хрущев, А. Токарский, Н. Семенов, Е. Кедрин, Д. Шаховский, К. Некрасов, Д. Скульский, З. Френкель, Г. Твердый, И. Чакете, С. Муромцев, М. Деларю, Ф. Иваницкий, Н. Ковалевский, М. Линтварев, П. Чижевский, А. Муханов, И. Шраг, Т. Локоть, Л. Смирнов, П. Долгоруков, А. фон Рутцен, В. Якушкин, Н. Ширков, П. Куриленко. Из состава общественных учреждений исключены Л. Брамсон, Л. Лопас и И. Кубилис [8, С. 24–36].

Из списков избирателей в Государственную Думу исключены: П. Сафонов, З. Френкель, А. Алкин, П. Ершов, А. Ледницкий, П. Нов-

городцев, С. Котляровский, П. Долгоруков, Н. Метальников, В. Обнинский, Д. Шаховской, К. Некрасов, Д. Скульский, Н. Бородин, Л. Брамсон, Л. Ломшаков, С. Муромцев, Л. Шефтель, И. Антонов, В. Окунев, А. Попов, Н. Семенов, Л. Смирнов, В. Яновский.

Укажем еще на то, что некоторые из бывших членов Государственной Думы были привлечены к судебной ответственности: Г. Шапошников, В. Недоносков, М. Кутоманов, Я. Дитц, С. Притула, П. Ершов, Д. Медведев, М. Квасков, М. Герасимов, С. Френкель по обвинению в распространении литературы; В. Рогов, Н. Езерский и Т. Иванов за произнесение речей о Государственной Думе среди крестьян; И. Корсаков за подстрекательство к неплатежу податей (дело прекращено); А. Тесля обвинялся по 9 делам (ст. 129) как редактор «Крестьянского депутата» [8, С. 24–36].

Резюмируя вышесказанное, согласимся с тезисом Л. В. Щегло о том, что, когда депутаты оказались перед закрытыми дверями Думы, они должны были получить наглядный урок, с одной стороны, того, что правительство не боится слов и не уступает словам, с другой – что большинство Думы, стараясь отгородиться от народа и успокаивая его, оказалось бессильным без народной поддержки, которая могла бы сделать слова, произносимые в Думе, значительными, страшными и опасными для старого режима [12, С. 28].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Активная депутатская деятельность вызвала определенную правительственную реакцию с применением различных административно-политических сил и средств. В свою очередь, неоправданно высокие ожидания от народной институции объективировались в жестокости и агрессии по отношению к бывшим народным представителям. С другой стороны, оправдавшие доверие избирателей депутаты находили защиту в своей электро-

ральной среде. Указанная политическая турбулентность приносила драматизм в формирование как групповой социокультурной и политической идентичности, так и персональных судеб.

Результаты исследования дают возможность переосмысления данного опыта в современный период.

Библиография:

1. Борисов А.С., Холодов В.А. Государственные думы России: законотворческий и представительный опыт в контексте историко-правовой компаративистики // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – Т. 10. – № 6. – С. 161-168.
2. Брусянин В.В. Судьба первых депутатов. – СПб.: Современник, 1906. – 82 с.
3. Гаврилюк И.В. Отражение деятельности Государственной Думы первых созывов на крестьянском движении в Орловской губернии 1905–1907 гг. // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2010. – № 5 (13). – С. 261-267.
4. Зотов В.В. Орловские земские деятели-дворяне в представительных органах власти России (1906–1917 гг.) // Учёные записки Орловского государственного университета. – 2018. – № 2 (79). – С.13-19.
5. История деятельности первых Государственных дум дореволюционной России: сравнительный анализ традиций правотворчества. – М.: Издательство Госдумы, 2013. – 240 с.
6. Колесников В.Н. Народное представительство и парламентаризм в истории политической мысли России. – СПб.: Издательство СЗАГС, 2006. – 272 с.
7. Кирьянов И.К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. – Пермь: Пермское книжное издательство, 2006. – 366 с.

8. Куприянова Л. Депутаты первого призыва после роспуска Государственной Думы // Былое: Журнал, посвященный истории освободительного движения. – 1907. – № 2. – С. 24–36.
9. Памяти погибших / под ред.: Н.И. Астрова, В.Ф. Зеелера, П.Н. Милюкова [и др.]. – Париж, 1929. – 231 с.
10. Савенкова Л.В. История развития народного представительства в дореволюционной России // Вестник Военного университета. – 2010. – № 4 (24). – С. 168–175.
11. Селунская Н.Б. «Народное представительство» Российской империи начала XX в. в памяти и судьбах «думцев» // Исторический журнал: научные исследования. – 2021. – № 4. – DOI: 10.7256/2454-0609.2021.4.36186. – URL: <https://clck.ru/ZQA4Z>.
12. Щегло Л.В. Работа партий в первой Думе. 1906 г. 27 апреля – 9 июля. – СПб.: Электронная Я. Левенштейн, 1907. – 29 с.

References:

1. Borisov A.S., Kholodov V.A. (2015) Gosudarstvennyye dumy Rossii: zakonotvorcheskiy i predstavitel'nyy opyt v kontekste istoriko-pravovoy komparativistiki [State Dumas of Russia: Legislative and Representative Experience in the Context of Historical and Legal Comparative Studies] // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – T.10. – №6. – S.161-168. (In Russ.).
2. Brusyanin V.V. (1906) Sud'ba pervykh deputatov [The fate of the first deputies]. – SPb.: Sovremennik. – 82s. (In Russ.).
3. Gavrilyuk I.V. (2010) Otrazheniye deyatel'nosti Gosudarstvennoy Dumy pervykh sozyvov na krest'yanskom dvizhenii v Orlovskoy gubernii 1905–1907gg. [Reflection of the activities of the State Duma of the first convocations on the peasant movement in the Oryol province in 1905-1907.] // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novyye gumanitarnyye issledovaniya. – №5(13). – S.261–267. (In Russ.).
4. Zotov V.V. (2018) Orlovskiy zemskiy deyateli-dvoryane v predstavitel'nykh organakh vlasti Rossii (1906–1917gg.) [Oryol zemstvo noblemen in the representative bodies of power in Russia (1906–1917)] // Uchonyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. – №2(79). – S.13–19. (In Russ.).
5. Istoriya deyatel'nosti pervykh Gosudarstvennykh dum dorevolyutsionnoy Rossii: sravnitel'nyy analiz traditsiy pravotvorchestva [The history of the first State Dumas in pre-revolutionary Russia: a comparative analysis of the traditions of lawmaking]. – M.: Izdatel'stvo Gosdumy, 2013. – 240s. (In Russ.).
6. Kolesnikov V.N. (2006) Narodnoye predstavitel'stvo i parlamentarizm v istorii politicheskoy mysli Rossii [Representation of the people and parliamentarism in the history of political thought in Russia]. – SPB.: Izdatel'stvo SZAGS. – 272s. (In Russ.).
7. Kir'yanov I.K. (2006) Rossiyskiye parlamentarii nachala KHKH veka: novyye politiki v novom politicheskom prostranstve [Russian parliaments of the early twentieth century: new politicians in a new political space]. – Perm': Permskoye knizhnoye izdatel'stvo. – 366s. (In Russ.).
8. Kupriyanova L. Deputy pervogo prizyva posle rospuska Gosudarstvennoy Dumy [Deputies of the first call after the dissolution of the State Duma] // Byloye: Zhurnal, posvyashchenny istorii osvoboditel'nogo dvizheniya. – 1907. – №2. – S.24-36. (In Russ.).
9. Pamyati pogibshikh [In memory of the victims] / pod red.: N.I. Astrova, V.F. Zeyelera, P.N. Milyukova [i dr.]. – Parizh, 1929. – 231s. (In Russ.).
10. Savenkova L.V. (2010) Istoriya razvitiya narodnogo predstavitel'stva v dorevolyutsionnoy Rossii [The history of the development of national representation in pre-revolutionary Russia] // Vestnik Voyennogo universiteta. – №4 (24). –

S.168–175. (In Russ.).

11. Selunskaya N.B. (2021) «Narodnoye predstavi-tel'stvo» Rossiyskoy imperii nachala KHKH v. v pamyati i sud'bakh «dumtsev» [«People's Representation» of the Russian Empire at the beginning of the twentieth century. in the memory and destinies of the «Duma members»] // Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya. – №4. – DOI: 10.7256/2454-0609.2021.4.36186. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36186. (In Russ.).

12. Shcheglo L.V. (1907) Rabota partiy v pervoy Dume. 1906 g. 27 aprelya – 9 iyulya [Work of parties in the first Duma. 1906 April 27 – July 9]. – SPb.: Elektropechatnya YA. Levenshteyn. – 29s. (In Russ.).

УДК 261.8:316.65:355.01(597)

ПИСЬМЕНЮК Илья Николаевич, священник, магистр богословия, преподаватель кафедры церковной истории, Московская духовная академия (Россия, Сергиев Посад), e-mail: ilya0406@mail.ru

КЕЧКИН Иван Эдуардович, священник, кандидат богословия, доцент кафедры церковной истории Московская духовная академия (Россия, Сергиев Посад), e-mail: akoluf@yandex.ru

DOI:10.22394/2225-8272-2021-10-4-66-74

PISMENIUK I.N., priest, master of theology, lecturer in the Department of Church History of the Moscow Theological Academy (Russian Federation, Sergiyev Posad), e-mail: ilya0406@mail.ru

KECHKIN I. E., priest, Candidate of Theology, Associate professor of the Department of Church History of the Moscow Theological Academy (Russian Federation, Sergiyev Posad), e-mail: akoluf@yandex.ru

ВСЕМИРНЫЙ СОВЕТ ЦЕРКВЕЙ (ВСЦ) И РЕАКЦИЯ ЕГО ПРАВОСЛАВНЫХ ЧЛЕНОВ НА ПРОБЛЕМУ ВЬЕТНАМСКОЙ ВОЙНЫ (ПО ДОКУМЕНТАМ ВСЦ)

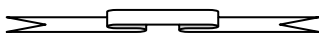
THE WORLD COUNCIL OF CHURCHES (WCC) AND ITS ORTHODOX MEMBERS' REACTION TO THE PROBLEM OF THE VIETNAM WAR (ACCORDING TO THE DOCUMENTS OF THE WCC)

Аннотация. В марте 1965 года началось полномасштабное вмешательство Соединенных Штатов Америки (США) в военный конфликт во Вьетнаме. Весь мир был потрясен происходившей во Вьетнаме трагедией, что послужило причиной многочисленных дискуссий не только в рамках межгосударственного диалога, но и внутри религиозных и межрелигиозных сообществ. Одной из наиболее заметных межхристианских организаций в 1960-е гг. был Всемирный совет церквей (ВСЦ), фактически руководивший экуменическим движением. На заседаниях ВСЦ в 1965–1975 гг. вьетнамская война стала одной из наиболее острых тем. Последнее усложнялось также тем фактом, что входившие в ВСЦ церкви территориально находились по разные стороны идеологического противостояния. Не прошла данная проблематика и мимо православных членов ВСЦ. Среди них наибольший интерес к вьетнамской проблематике проявила Русская православная церковь, последовательно критиковавшая роль и военное вмешательство в конфликт США и во многом формировавшая позицию по вьетнамскому вопросу Всемирного совета церквей. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44111; Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 21-011-44111.

Ключевые слова: экуменизм, экуменическое движение, Православная церковь, Всемирный совет церквей, межхристианские связи, христианство, вьетнамская война.

Abstract: This study investigates the problem of the Vietnam War. In March 1965, a full-scale interference of the United States (The US) in the military conflict in Vietnam began. It is stressed that the whole world was aghast at the tragedy that took place in Vietnam. It caused numerous discussions not only through the intergovernmental dialogue, but also within religious and interreligious communities. The authors draw attention to the fact that one of the most prominent inter-Christian organizations in the 1960s was the World Council of Churches (WCC), which actually directed the ecumenical movement. At the WCC meetings in 1965-1975, the Vietnam War became one of the most sensitive matters. The latter was also complicated by the fact that the WCC member churches geographically belonged to opposite sides of the ideological confrontation. The Orthodox WCC members also took notice of the mentioned issue. It is especially noted that the Russian Orthodox Church showed the greatest interest in Vietnamese matters, consistently criticizing the role and military intervention of the United States in the conflict and largely shaping the World Council of Churches opinion on the Vietnamese question. A mention should be made that the research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project №21-011-44111; Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 21-011-44111.

Keywords: ecumenism, ecumenical movement, catholic, Orthodox Church, World Council of Churches, inter-church relations, Christianity, Vietnam War.

ВВЕДЕНИЕ

К началу XX века Вьетнам был одной из французских колоний, но, так же, как и многие другие колониальные государства, Вьетнам встал на путь борьбы за освобождение. Главной революционной силой в стране стала основанная в 1930 году коммунистическая партия. Во время Второй мировой войны Вьетнам находился на пересечении интересов сразу ряда противоборствующих сил, но окончание боевых действий привело к восстановлению в стране французской колониальной администрации. Последнее вызвало сопротивление со стороны самопровозглашенной в 1945 году Демократической Республики Вьетнам, вошедшей в историю также под названием «Северный Вьетнам» со столицей в Ханое.

В сентябре 1945 года Северный Вьетнам фактически вступил в войну с Францией, целью которой была деокупация страны. Успехи, достигнутые повстанческими войсками, а также антивоенные настроения в самой Франции вынудили французскую администрацию пойти на мирные переговоры [14, Р. 443]. 26 апреля – 21 июля 1954 года при участии представителей США, СССР, КНР, Великобритании и Франции состоялась Женевская конференция, одной из основных тем которой была вьетнамская проблема. В Женеве было принято решение о прекращении огня, а также о временном разделении Вьетнама на две части с расположением армии Демократической Республики Вьетнам на севере и сил Французского союза на юге. К 1956 году планировалось объединение Вьетнама, однако преобразование южной части страны в Республику Вьетнам в 1955-м с учётом отказа США подписывать Женевские соглашения фактически сорвало этот процесс и начало новый виток вооруженного противостояния. Последнее было тем тяжелее, что Вьетнам стал центром не столько внутреннего конфликта, сколько пересечения

интересов глобальных мировых сил. Так как Северный Вьетнам был социалистическим государством, поддержку ему оказывал СССР. В свою очередь, Южный Вьетнам находился в сфере влияния США. Начавшееся в 1965 году прямое военное вмешательство в конфликт США вызвало резонанс и дискуссии по всему миру.

Одной из площадок, на которых тема вьетнамской войны спровоцировала заметную реакцию, стала крупнейшая экуменическая организация – Всемирный совет церквей (ВСЦ). ВСЦ декларировал целью своей деятельности сближение различных христианских конфессий и объединял в своем составе к 1965 году более 200 церквей и церковных организаций мира [2, Р. 146–150]. На протяжении всей своей истории начиная с создания в 1948 году ВСЦ традиционно много внимания посвящал политической тематике, выпуская при необходимости заявления, касающиеся политических конфликтов, жертвами или участниками которых были христиане [15, Р. 322–324; 9, Р. 55–56; 8, Р. 56].

Впервые ВСЦ обратил внимание на Вьетнам в 1955 г. на заседании Центрального Комитета (ЦК ВСЦ – руководящий орган ВСЦ между Ассамблеями) в Давосе (Швейцария). Там председатель Отдела межцерковной помощи и служения беженцам доктор Роберт Макки сообщил участникам заседания, что и так небольшая вьетнамская протестантская община пострадала от того, что многие христиане вынуждены были стать беженцами. Макки призвал ВСЦ уделить больше внимания Азиатскому региону, поскольку местные церковные общины очень нуждаются в поддержке [7, Р. 82]. Следствием этого выступления, по-видимому, стала финансовая помощь, которую экуменическая организация стала оказывать азиатским христианским общинам. Во всяком случае, в бюджетном отчете Отдела по межцерковной помощи и служения беженцам за 1959 год

отдельная графа отведена Вьетнаму, получившему в отчетный период 5 тыс. долларов [11, Р. 115]. Подобные дотации с тех пор ежегодно фигурируют в отчетных финансовых документах ВСЦ. Примечательно, что сумма поддержки для Вьетнама была на втором месте по величине во всём Азиатском регионе. Больше Вьетнама (5 тыс. долларов) получал только Гонконг (8 тысяч долларов) [10, Р. 209; 15, Р. 367].

Какова же была в целом ситуация с христианством во Вьетнаме в период с середины 50-х гг. и до окончания вьетнамской войны? Как уже говорилось выше, Северный Вьетнам после Второй мировой войны оказался под властью коммунистов. Последние, следуя своей антирелигиозной идеологии, притесняли христианские общины, многие члены которых вынуждены были покинуть свои дома. Особенно этот процесс был замечен в 1954 году, когда коммунистическое правительство провело конфискацию церковного имущества и ограничило права христианского духовенства [13, Р. 501]. Ситуация в Южном Вьетнаме вплоть до победы коммунистов в 1975 году в отношении христианских конфессий была гораздо благоприятнее [13, Р. 502]. Если в соседних странах (например, в Индонезии) христиане более активно вовлекались в борьбу за независимость или во внутривнутриполитические противостояния, то во Вьетнаме христиане, наоборот, были слабо представлены в националистической среде, что даже ставило под сомнение их патриотизм перед лицом соотечественников. В частности, многие вьетнамцы-католики поддерживали Францию в борьбе с соотечественниками, стремившимися к независимости. Как результат, после разделения страны в 1954 году из Северного Вьетнама на юг мигрировало около половины всех католиков (почти 1,5 млн.) [14, Р. 445]. Оставшимся на севере христианам, вне зависимости от их конфессиональной принадлежности, при-

шлось столкнуться с недоверием своих соотечественников.

В марте 1965 года США операцией «Раскаты грома» начали систематические бомбардировки территорий Северного Вьетнама, а также приступили к полномасштабной высадке в стране своего сухопутного контингента, который вместе с союзниками и войсками Южного Вьетнама был призван развернуть наступательные операции на севере. В свою очередь, СССР и КНР стали оказывать всестороннюю экономическую, военную (без официального вступления в войну) и техническую поддержку Северному Вьетнаму.

В числе международных и религиозных организаций, отреагировавших на начавшееся кровопролитие, был и Всемирный совет церквей. Первое серьезное обсуждение событий во Вьетнаме произошло на заседании Исполнительного комитета ВСЦ (ИК ВСЦ – подчиненный ЦК ВСЦ орган, осуществляющий оперативную работу в течение года) 11–15 июля 1965 года. В качестве докладчика выступил директор одного из важнейших структурных подразделений ВСЦ – Комиссии церквей по международным делам (КЦМД) – доктор Фредерик Нольде. Последний представил принятое КЦМД заявление, в котором обе стороны конфликта призывались к прекращению огня, поиску мирных путей урегулирования разногласий. Также Нольде отметил, что Отдел межцерковной помощи, беженцев и международных дел оказал материальную поддержку нуждающимся по обе стороны конфликта [12, Р. 12–13].

С 8 по 17 февраля 1966 года в Женеве состоялось заседание Центрального комитета ВСЦ, на котором Вьетнам стал одной из центральных и наиболее дискуссионных тем. Первый раз ее коснулись во время доклада председателя Отдела межцерковной помощи, беженцев и международных дел доктора Юджина Карсона Блэйка. В своем сообщении Блэйк рассказал о помощи, которую отдел

оказывает жителям Вьетнама [2, Р. 17]. Гораздо более важное значение имел доклад КЦМД, представленный её председателем сэром Кеннетом Граббом и директором Фредериком Нольде.

В своем докладе упомянутые руководители КЦМД отметили, что еще 10 марта 1965 года они выступили с совместным заявлением, в котором выразили от лица ВСЦ озабоченность событиями, разворачивающимися во Вьетнаме. 12 июля 1965-го КЦМД приняла заявление по событиям во Вьетнаме, в котором было отмечено, что в условиях активных боевых действий, политическое разрешение конфликта становится фактически невозможным, а потому необходимо искать пути к прекращению огня.

Важнейшее значение имели консультации по Вьетнаму между КЦМД, Христианской конференцией Восточной Азии и Национальным советом церквей Христа в США, проходившие в Бангкоке 1–4 декабря 1965 года. Сами по себе консультации были вызваны озабоченностью, которую выразили азиатские христиане политикой США во Вьетнаме [2, Р. 132]. Несмотря на разногласия в некоторых важных деталях (в первую очередь касательно трактовки права о самоопределении Вьетнама в целом и отдельно северной и южной частей страны), все участники переговоров задекларировали, что свободный выбор будущего для народа Вьетнама «невозможен до тех пор, пока не будут выведены внешние вооруженные силы и не будут предоставлены гарантии неприменения силы» [2, Р. 137]. Также стороны пришли к согласию по перечню мер, применение которых необходимо в сложившихся обстоятельствах. Примечательно, что делегаты от Национального совета церквей Христа в США согласились с пунктом, согласно которому вооруженные силы США и Южного Вьетнама призывались прекратить бомбардировки Северного Вьетнама [2, Р. 137]. Если же подвести

общие итоги консультаций в Бангкоке, то их участники заняли единую позицию по необходимости прекращения огня и мирного урегулирования конфликта путём политического диалога.

Одновременно с этим КЦМД отметила, что на национальном уровне, а также среди церковью – членов ВСЦ существуют расхождения по вьетнамскому вопросу. В качестве примера к докладу КЦМД было приложено «Политическое заявление по Вьетнаму Национального совета церквей Христа в США» и «Послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия I по настоящей ситуации во Вьетнаме». В заявлении от межцерковной организации США была отмечена опасность распространения коммунизма в Юго-Восточной Азии и позиция ряда членов, считавших военные действия единственной возможностью предотвратить такое развитие событий. Причем особым образом было акцентировано, что христиане могут без зазрения совести поддерживать военное решение проблемы [2, Р. 138]. Призывая в целом к мирному урегулированию, Национальный совет церквей Христа рассматривал США не как одну из сторон, чьи действия привели к эскалации насилия в регионе, а, скорее, в качестве миротворческой и посреднической, на которую возложена миссия по урегулированию конфликта в Юго-Восточной Азии. В свою очередь, в послании патриарха Алексия I США подвергались критике за бомбежки «независимого государства Вьетнамской Демократической Республики» [2, Р. 140], а также в целом за вмешательство во внутренние дела другого государства, приведшее к огромным человеческим жертвам.

Касательно разобранного выше доклада руководства КЦМД во время дискуссии по его содержанию среди православных членов заседания выступил только представитель Московского патриархата архиепископ Таллинский Алексей (Ридигер). В своем коммен-

тарии иерарх отметил, что, если Центральный Комитет будет разрабатывать заявление по войне во Вьетнаме, ему обязательно необходимо будет внести туда ряд положений: выполнение Женевских соглашений 1954 года, прекращение бомбардировки Северного Вьетнама, вывод из Вьетнама иностранных войск и предоставление народу Вьетнама права самостоятельно определить свое будущее [2, Р. 24].

В итоге в рамках работы ЦК ВСЦ в Женеве было подготовлено заявление по вьетнамской войне. Касательно текста заявления с одним из возражений выступил представитель Московского патриархата протоиерей Виталий Боровой, раскритиковавший пункт, согласно которому США призывались вывести свои войска только после и в случае создания миротворческого механизма. В ответ Фредерик Нольде предложил более мягкую и абстрактную формулировку, которая путем голосования была поддержана большинством членов ЦК ВСЦ. В итоговом тексте достаточно ясно была заявлена позиция ВСЦ, призывавшая к прекращению огня и мирному разрешению вьетнамского конфликта. В качестве отправной точки переговорного процесса ВСЦ предложил обратиться к Женевским соглашениям 1954 года. Кроме того, США призывались остановить бомбардировку Северного Вьетнама и пересмотреть свою политику «сдерживания» по отношению к коммунизму. В свою очередь, коммунистические страны были призваны пересмотреть и свою политическую линию по поддержке «освободительных войн» [2, Р. 64–66]. Таким образом, в целом ВСЦ поддержал те предложения, которые на заседании в Женеве прозвучали со стороны представителей Русской православной церкви.

Следующий раз вопрос вьетнамской войны был поднят на сессии ЦК ВСЦ в Ираклионе (Греция, о. Крит) 15–16 августа 1967 года. Так как местом встречи был один

из православных центров, то традиционно для ВСЦ на его заседаниях особую роль играли именно представители Поместных православных церквей.

Вьетнамская проблематика в Ираклионе была впервые поднята директором КЦМД доктором Ф. Нольде, который отметил, что за прошедший период ситуация во Вьетнаме только ухудшилась. Далее Нольде представил заявление, принятое КЦМД в преддверии заседания ЦК ВСЦ и призванное способствовать выходу из тупика. В данном документе США очередной раз призывались остановить бомбардировку Северного Вьетнама, а последний, в свою очередь, должен был продемонстрировать готовность к диалогу. В процессе обсуждения сделанного доклада состоялась дискуссия между представителем Московского патриархата профессором Николаем Заболотским и архиепископом Сан-Францисским и Западно-Американским Иоанном (Шаховским), представлявшим Северо-Американскую митрополию. В своем комментарии к докладу КЦМД Заболотский обратил внимание, что помощь, которую СССР оказывает Северному Вьетнаму, нельзя приравнивать к военным действиям США во Вьетнаме в целом. Кроме того, по мнению Заболотского в решениях КЦМД не было отражено, что «реальная опасность заключалась в присутствии вооруженных сил США во Вьетнаме» [3, Р. 23]. Архиепископ Иоанн же отметил, что позиция Заболотского односторонняя, а также намекнул на его избирательность, так как страдания христиан в коммунистическом Китае не вызвали протеста со стороны делегатов от Русской православной церкви [3, Р. 23].

На одном из следующих заседаний ЦК ВСЦ в Ираклионе было представлено новое заявление ВСЦ по Вьетнаму. В нем отмечалось, что все стороны конфликта должны двигаться навстречу мирному процессу. США призывались взять на себя обязательство по

выводу войск из Вьетнама и прекратить бомбардировки. При этом в заявлении присутствовала формулировка, в которой говорилось, что окончательное урегулирование конфликта может быть достигнуто только когда прекратится «любая иностранная интервенция», что возможно было принять в качестве намека на роль СССР во вьетнамском конфликте. Во всяком случае, члены ЦК ВСЦ от Русской православной церкви отдали свой голос против предложенной резолюции. К этим членам относились митрополит Ленинградский и Ладожский Никодим (Ротов), архиепископ Киевский и Галицкий Филарет (Денисенко), епископ Кировский и Слободской Владимир (Котляров), протоиерей Ливерий Воронов, профессор Н. А. Заболотский. К перечисленным лицам присоединились также епископ Венгерской реформатской церкви Тибор Барта и епископ Венгерской лютеранской церкви Золтан Калди [3, Р. 46].

Причины, из-за которых все вышеперечисленные лица отказались поддержать заявление ЦК ВСЦ, были изложены в отдельном «Заявлении по Вьетнаму в связи с документам Центрального комитета Всемирного совета церквей» за авторством епископа Тибора Барта и при поддержке остальных противников решения ЦК ВСЦ [3, Р. 269–270]. В нём были перечислены все действия ВСЦ, направленные на дезэскалацию вьетнамского конфликта. Но при этом, по мнению епископа Барта и поддержавших его лиц, ВСЦ избегал в своих заявлениях прямо признать «истинные причины войны», связанные с «неоправданным военным вмешательством США» [3, Р. 269]. Также, по мнению Барта, ВСЦ избегал прямого требования вывода американских войск с территории Вьетнама без каких-либо предварительных условий. Всё это и стало главной причиной отказа со стороны ряда членов ЦК ВСЦ поддержать его заявление.

Вопрос вьетнамской войны был призван стать одной из тем состоявшейся 4–20 июня 1968 года Четвертой Ассамблеи Всемирного совета церквей в Уппсале (Швеция). Ассамблея ВСЦ представляла собой главный руководящий орган экуменической организации, собиравшийся раз в семь лет, а потому заседания в Уппсале должны были дать вектор развитию экуменического движения на последующие годы. В итоге вьетнамской проблеме было действительно посвящено заявление ассамблеи, в котором присутствовала доля оптимизма, связанная с началом переговоров противостоящих сторон в Париже. В целом же ВСЦ призвал к восстановлению мира и обратил внимание, что экуменическое сообщество считает: решение вьетнамской проблемы не может находиться в плоскости военной победы одной из сторон. Несколько пунктов касалось послевоенной помощи Вьетнаму.

Однако в связи с тем, что парижские переговоры растянулись до 1973 года, призывы ВСЦ, сделанные в Уппсале, во многом оказались неактуальными. Примечательно, что в дискуссии по документу многие участники, вне зависимости от их конфессиональной и национальной принадлежности, указали на необходимость более четко акцентировать внимание на отрицательной роли США во вьетнамском конфликте. Например, представители Объединенной пресвитерианской церкви в США доктор Р. Макафи Браун и Методистской церкви США Х. А. Босли выразили мнение, что США необходимо призвать к немедленному прекращению бомбардировки Вьетнама, использования напалмовых бомб, а также осудить одностороннее вмешательство США как сверхдержавы в дела пусть и небольшого, но независимого государства [16, Р. 169]. Данное мнение было поддержано представителем Русской православной церкви протоиереем Павлом Соколовским, выразившим мнение, что в заявле-

нии ВСЦ следует прописать, что «вмешательство Соединенных Штатов было против воли Господа» [16, Р. 169]. Антивоенная позиция представителей американского христианства в конце 1960-х гг. не была удивительной, так как вьетнамская война была чрезвычайно непопулярна в США, а также подвергалась критике как за огромные жертвы, которые понесли все стороны конфликта, так и за методы ведения войны, использовавшиеся американской армией. В частности, ко времени Уппсальской ассамблеи принципиально антивоенную позицию занял Национальный совет церквей Христа в США, работавший во взаимодействии с ВСЦ с самого начала вьетнамской войны [6, Р. 182–183].

В последующие годы вьетнамская проблема всё реже поднимается на заседаниях структурных подразделений ВСЦ. Одним из наиболее заметных событий стало принятие «Меморандума и рекомендаций по Индокитаю» в 1972 году на заседании ЦК ВСЦ в Утрехте [4, Р. 152–154]. В данном документе резюмировались усилия ВСЦ, направленные на решение вьетнамской проблемы. США подверглись критике за свои методы ведения войны, а также за политику администрации президента Никсона, вошедшую в историю как «вьетнамизация» и подразумевавшая развитие и поддержку вооруженных сил Южного Вьетнама с тем, чтобы он мог вести войну с коммунистами самостоятельно, без поддержки военного контингента США. По мнению ВСЦ, политика «вьетнамизации» фактически делала обманчивыми заявления руководства США о стремлении к миру [4, Р. 152–153]. В целом риторика ВСЦ по отношению к США стала наиболее резкой с самого начала конфликта, в том числе отвечающей тому мнению, которое неоднократно высказывалось на заседаниях экуменической организации представителями Русской православной церкви. В частности, в упомянутом меморандуме ВСЦ прямо обратился к прези-

денту США с призывом «отдать приказ о немедленном и полном прекращении всех бомбардировок в Индокитае и, как можно скорее, установить дату полного вывода всех вооруженных сил США из региона, которая должна быть не позднее 31 декабря 1972 года» [4, Р. 154].

Среди последних событий, связанных с отношением ВСЦ к вьетнамскому конфликту, обращает на себя внимание критика ВСЦ со стороны представителя Константинопольского патриархата архиепископа Фиатирского и Великобританского Афинагора (Коккинакиса) на заседании ЦК ВСЦ в Женеве 22–29 августа 1973 года. Эта критика касалась того, что ВСЦ якобы оказывал материальную поддержку только Северному Вьетнаму. Однако руководство экуменической организации отвергло подобные обвинения и доказало, что помощь оказывалась обоим частям страны и вне зависимости от политических предпочтений [5, Р. 16–17].

На Пятой Ассамблее ВСЦ в Найроби (Кения) в 1975 году экуменические делегаты практически не касались вопроса вьетнамской войны. Обращает на себя внимание только лишь упоминание, сделанное в пленарном докладе генеральным секретарем ВСЦ доктором Филиппом Поттером. Генсек ВСЦ отметил, что Вьетнам и его жители стали жертвами не столько локального конфликта, сколько противостояния сверхдержав, которые поставили человечество под угрозу уничтожения, а также принесли своими действиями огромные страдания многим народам [1, Р. 247].

Подводя итог вышеизложенному материалу, в первую очередь необходимо обратить внимание на принципиально антивоенную и миротворческую позицию, которую по вопросу вьетнамской войны занял Всемирный совет церквей. Более того, данная экуменическая организация не побоялась последовательно и со всё большим нарастающим под-

вергать критике одну из мировых сверхдержав, а именно Соединенные Штаты Америки, как за методы ведения войны, так и за сам факт вмешательства во внутренние дела другого государства. В этой критике поддержку ВЦЦ оказали как международные христианские организации, так и Русская православная церковь, которая во многом формировала и влияла на формулировки, которые в своих заявлениях по Вьетнаму использовала экуменическая организация. Несмотря на нахождение Русской церкви на территории СССР, опосредованно участвовавшего во вьетнамском конфликте, на официальном уровне Московский патриархат не подвергался критике за ангажированность или продвижение советской политической повестки. Причиной тому, скорее всего, возможно считать антивоенную риторику представителей Русской православной церкви, которая в целом соответствовала настроениям многих членов как ВЦЦ, так и иных мировых религиозных организаций.

Библиография:

1. Phan P.C. The Catholic Church in Present-Day Vietnam // *New Catholic Encyclopedia*. 2nd ed. – Detroit: Gale Cengage Learning in association with The Catholic University of America, 2003. – Volume 14. Thi-Zwi. – P. 501-507.

2. Roxborough J. Christianity in south-east Asia, 1914-2000 // *The Cambridge History of Christianity*. – New York: Cambridge University Press. 2008. – Vol. 9. World Christianities c.1914-c.2000. – P. 436-449.

3. Findlay J.F. Church People in the Struggle. The National Council of Churches and Black Freedom Movement, 1950–1970. – New York. Oxford University Press. 1993. – 256p.

4. Central Committee of the World Council of Churches. Minutes and Reports of the Nineteenth Meeting. Geneva (Switzerland). 8-17 February, 1966. – Geneva: World Council of Churches. – 151p.

5. The New Delhi Report. The Third Assembly of the World Council of Churches 1961. – London: S.C.M. Press. 1961. – 448p.

6. Minutes and Reports of the Sixteenth Meeting of the Central Committee. Paris (France). August 7-16, 1962. – Geneva: World Council of Churches, 1962. – 153p.

7. Minutes and Reports of the Eleventh Meeting of the Central Committee. Nyborg Strand (Denmark). August 21-29, 1958. – Geneva: World Council of Churches, 1958. – 133p.

8. Minutes and Reports of the Eight Meeting of the Central Committee. Davos (Switzerland). August 2-8, 1955. – Geneva: World Council of Churches, 1955. – 146p.

9. Minutes and Reports of the Twelfth Meeting of the Central Committee. Rhodes (Greece). August 19-27, 1959. Geneva: World Council of Churches, 1959. – 208p.

10. Minutes and Reports of the Thirteenth Meeting of the Central Committee. St. Andrews (Scotland). August 16-24, 1960. – Geneva: World Council of Churches. 1960. – 218p.

11. Minutes of the Meeting of the Executive Committee of the World Council of Churches. Geneva (Switzerland). July 11-15, 1965. – Geneva: World Council of Churches, 1965. – 36p.

12. Central Committee of the World Council of Churches. Minutes and Reports of the Twentieth Meeting. Heraklion (Crete, Greece). August 15-26, 1967. – Geneva: World Council of Churches. – 270p.

13. The Uppsala Report 1968. Official Report of the Fourth Assembly of the WCC. Uppsala July 4-20, 1968 // ed. N. Goodall. – Geneva: World Council of Churches, 1968. – 513p.

14. Central Committee of the World Council of Churches. Minutes and Reports of the Twenty-Fifth Meeting. Utrecht (The Netherlands). August 13-23, 1972. – Geneva: World Council of Churches. – 274p.

15. Central Committee of the World Council of Churches. Minutes and Reports of the Nineteenth Meeting. Geneva (Switzerland). 22-29

August, 1973. – Geneva: World Council of Churches. – 260p.

16. Breaking Barriers Nairobi 1975. The Official Report of the Fifth Assembly of the World Council of Churches, Nairobi, 23 November-10 December, 1975 // ed. D. M. Paton. – London: SPCK, 1976. – 438 p.

References:

1. Phan P.C. The Catholic Church in Present-Day Vietnam // New Catholic Encyclopedia. 2nd ed. – Detroit: Gale Cengage Learning in association with The Catholic University of America, 2003. – Volume 14. Thi-Zwi. – P.501-507. (In Engl.).

2. Roxborough J. Christianity in south-east Asia, 1914-2000 // The Cambridge History of Christianity. – New York: Cambridge University Press. 2008. – Vol. 9. World Christianities c.1914 -c.2000. – P. 436-449. (In Engl.).

3. Findlay J.F. Church People in the Struggle. The National Council of Churches and Black Freedom Movement, 1950-1970. – New York. Oxford University Press. 1993. – 256p. (In Engl.).

4. Central Committee of the World Council of Churches. Minutes and Reports of the Nineteenth Meeting. Geneva (Switzerland). 8-17 February, 1966. – Geneva: World Council of Churches. – 151p. (In Engl.).

5. The New Delhi Report. The Third Assembly of the World Council of Churches 1961. – London: S.C.M. Press. 1961. – 448p. (In Engl.).

6. Minutes and Reports of the Sixteenth Meeting of the Central Committee. Paris (France). August 7-16, 1962. – Geneva: World Council of Churches, 1962. – 153p. (In Engl.).

7. Minutes and Reports of the Eleventh Meeting of the Central Committee. Nyborg Strand (Denmark). August 21-29, 1958. – Geneva: World Council of Churches, 1958. – 133p. (In Engl.).

8. Minutes and Reports of the Eight Meeting of the Central Committee. Davos (Switzerland).

August 2-8, 1955. – Geneva: World Council of Churches, 1955. – 146p. (In Engl.).

9. Minutes and Reports of the Twelfth Meeting of the Central Committee. Rhodes (Greece). August 19-27, 1959. Geneva: World Council of Churches, 1959. – 208p. (In Engl.).

10. Minutes and Reports of the Thirteenth Meeting of the Central Committee. St. Andrews (Scotland). August 16-24, 1960. – Geneva: World Council of Churches. 1960. – 218p. (In Engl.).

11. Minutes of the Meeting of the Executive Committee of the World Council of Churches. Geneva (Switzerland). July 11-15, 1965. – Geneva: World Council of Churches, 1965. – 36p. (In Engl.).

12. Central Committee of the World Council of Churches. Minutes and Reports of the Twentieth Meeting. Heraklion (Crete, Greece). August 15-26, 1967. – Geneva: World Council of Churches. – 270p. (In Engl.).

13. The Uppsala Report 1968. Official Report of the Fourth Assembly of the WCC. Uppsala July 4-20, 1968 // ed. N. Goodall. – Geneva: World Council of Churches, 1968. – 513p. (In Engl.).

14. Central Committee of the World Council of Churches. Minutes and Reports of the Twenty-Fifth Meeting. Utrecht (The Netherlands). August 13-23, 1972. – Geneva: World Council of Churches. – 274p. (In Engl.).

15. Central Committee of the World Council of Churches. Minutes and Reports of the Nineteenth Meeting. Geneva (Switzerland). 22-29 August, 1973. – Geneva: World Council of Churches. – 260p. (In Engl.).

16. Breaking Barriers Nairobi 1975. The Official Report of the Fifth Assembly of the World Council of Churches, Nairobi, 23 November-10 December, 1975 // ed. D.M. Paton. – London: SPCK, 1976. – 438p. (In Engl.).

ОРЛОВА Людмила Николаевна, кандидат политических наук, доцент, заведующая кафедрой социально-культурной деятельности, Орловский государственный институт культуры (Россия, Орёл), e-mail: orlova.iz.ora@gmail.com

ЦЫГАНКОВА Елена Александровна, доцент кафедры экономики и управления, Орловский государственный институт культуры, директор муниципального бюджетного учреждения дополнительного образования «Детская школа искусств имени М. А. Балакирева» (Россия, Орёл), e-mail: strelshii@yandex.ru

ORLOVA L.N., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social and Cultural Activities, Oryol State Institute of Culture (Russian Federation, Orel), e-mail: orlova.iz.ora@gmail.com

TSYGANKOVA E.A., associate professor of the Department of Economics and Management, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Orel State Institute of Culture, Director of the municipal budgetary institution of additional education «Children's Art School named after M.A. Balakirev» (Russian Federation, Orel), e-mail: strelshii@yandex.ru

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ЛЕТНЕГО ОТДЫХА ДЕТЕЙ В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE SUMMER RECREATION SYSTEM FOR CHILDREN IN THE 30 OF THE XX CENTURY IN THE SOVIET UNION

Аннотация. Цель статьи заключается в рассмотрении истории развития системы летнего отдыха детей в 30-е годы XX века в Советском Союзе как одного из направлений деятельности комсомола и пионерской организации. Дается анализ решений и резолюций съездов и конференций комсомола, рассматривается региональный опыт работы в данной сфере. Автор приходит к выводу, что именно в тридцатые годы были сформулированы подходы к проведению летней оздоровительной кампании, актуальные и сегодня: основы подготовки выезда, оборудования лагеря, режима дня, организации общественной жизни, финансирования лагерных смен, методического обеспечения, подбора и обучения кадров.

Ключевые слова: оздоровление детей, пионерский лагерь, оздоровительная площадка, экскурсии, содержание работы пионерских отрядов, «колхозные лагеря», культурно-массовая и кружковая работа.

Abstract. This article examines the history of the development of the system of summer recreation for children in the 30s of the XX century in the Soviet Union as one of the activities of the Komsomol and the pioneer organization. The analysis of decisions and resolutions of congresses and conferences of the Komsomol is given, the regional experience of work in this area is considered. The author comes to the conclusion that it was in the thirties that the approaches to the summer health campaign were formulated, which are still relevant today: the basics of the preparation of the trip, the equipment of the camp, the daily routine, the organization of public life, the financing of camp shifts, methodological support, the selection and training of personnel.

Keywords: health improvement of children, pioneer camp, recreation area, excursions, content of work of pioneer detachments, «collective farm camps», cultural and circle work.

ВВЕДЕНИЕ

В предыдущей статье мы рассматривали основы организации летнего отдыха и оздоровления, заложенные в 20-е годы прошлого века.

Стоит отметить определённые нововведения, которые затем использовались в работе оздоровительных кампаний:

- открытие санаторного лагеря «Артек» в Крыму для ослабленных, больных детей;
- массовый переход лагерей в помещения (открытие стационарных пионерских лагерей);
- работа оздоровительных площадок, под которые использовались рабочие клубы, сады, скверы и т.д.;
- организация походов и экскурсий по родному краю;
- овладение навыками режима и соблюдение определенных санитарно-гигиенических норм.

Кроме того, в лагерях велась большая общественно-политическая работа: обучение грамотности, сельскохозяйственным навыкам, проводились занятия различной направленности, организовывалась активная трудовая деятельность.

Обратимся теперь к периоду 30-х годов прошлого века, чтобы представить, как совершенствовалась система работы в данной сфере.

В отчёте ЦК ВЛКСМ X съезду ВЛКСМ, в разделе «Пионерская организация», было отмечено следующее: «...если в 1931 году в пионерские лагеря выехало пятьсот сорок девять тысяч пионеров, то начиная с 1933 года в пионерские лагеря ежегодно вывозилось до полутора миллионов детей, а в 1935 году количество подростков, побывавших в лагерях, на курортах, в домах отдыха и т.п., составило более двух миллионов.

Особо следует отметить Всесоюзный лагерь пионеров «Артек», отпраздновавший в 1935 году своё десятилетие. Пропускная способность лагеря возросла до двух с половиной тысяч человек в год.

Большое распространение получили школьные оздоровительные площадки с питанием. Площадками по одной только РСФСР за

1935 год было охвачено порядка одного миллиона трехсот тысяч детей.

Сто пятьдесят тысяч детей в 1934–1935 годах приняли участие в детских туристических экскурсиях» [1, С.441].

Стоит отметить и Всесоюзные пионерские экспедиции, проводимые в летнее время. Так, третья Всесоюзная пионерская экспедиция в июле 1933 года совершила на лодках путешествие по Волге от Ярославля до Костромы. В пути пионеры исследовали прибрежные пастбища в поисках дикорастущих кормовых трав. С лучших кустов они собрали много семян и передали Всесоюзному институту кормов [2, С.61].

Четвертая Всесоюзная пионерская экспедиция (август 1934 года) путешествовала по Алтаю по заданию И. В. Мичурина. Пройдя свыше 500 километров в труднейших условиях глухого таежного и горного бездорожья по реке Катунь от Ойрот-Туры до Кош-Агача... за два месяца собрали массу ценных в хозяйственном отношении плодов ягодных, пищевых и дикорастущих растений [2, С.65].

II Пленум ЦК ВЛКСМ «О выполнении решений X съезда ВЛКСМ по улучшению работы среди пионеров», состоявшийся 29 сентября 1936 года, отмечал, что в рамках решений съезда успешно проведены летние пионерские лагеря, количество лагерей и охват ими пионеров систематически растут. Особенно отрадным явлением прошлого года является создание многочисленных пионерских лагерей для колхозников. Комсомол накопил немало опыта в проведении пионерских лагерей. Во многих организациях созданы постоянные кадры начальников лагерей, вожатых, которые неплохо руководят пионерскими лагерями, закрепляют для них постоянные места, из года в год, пополняя фонд лагерного имущества [3, С. 22].

В постановлении данного пленума было сказано, что пионерские лагеря «могут и должны стать мощным рычагом для оживления работы пионерских отрядов и звеньев в летний период» [3, С. 26].

На так называемых колхозных лагерях стоит остановиться особо. Начали они проводиться еще с начала тридцатых годов. Так, в Кабардино-Балкарской области в 1933 году колхозными лагерями было охвачено 1020 пионеров в 12 лагерях. В 1934 году в вышеуказанной области было открыто пятьдесят четыре лагеря с охватом 5180 детей, а в 1935 году уже 10 593 человека смогли отдохнуть в 98 колхозных лагерях.

Большинство помещений, отведенных под лагерь, состояли из двух спален (для мальчиков и девочек отдельно), столовой, кухни, клубной комнаты, помещений для обслуживающего персонала, изолятора, хозяйственных построек (сарай, навесы, кладовые).

Спальни колхозных лагерей были оборудованы топчанами и кроватями на сетках. Постельные принадлежности приобретались за счет колхозов, а в некоторых – постельные принадлежности приносили дети из дому.

Во многих лагерях были оборудованы физкультурные площадки, установлены гимнастические городки. Практически во всех лагерях имелись гармони, в отдельных – духовые оркестры или струнные кружки. Из игрового оборудования присутствовали городки, конструкторы, шашки, шахматы, однако не хватало литературы.

Штат лагеря (из расчета на 100 детей) состоял из начальника лагеря, двух вожатых, педагога-воспитателя и повара. В больших лагерях имелись завхозы и помощники повара. Оплачивали штат колхозы главным образом трудоднями (от 1,5 до 0,75 трудодня) и деньгами (педагогам) – 150 рублей в месяц [8, С. 29].

В колхозных лагерях работали самые разнообразные кружки: хоровые, физкультурные, музыкальные, конструкторские, затейников, военных знаний, пчеловодов, любителей рыбной ловли, краеведческие, юннатские, драматические и др., практиковались также экскурсии.

В связи с тем, что каждый колхозный лагерь создавался при непосредственном участии их

председателей для «своих» детей, то на содержание каждого ребенка, кроме мяса, овощей, масла, круп, отдельные председатели отпускали еще по 20 рублей; за счет колхозов приводились в порядок помещения, где должны были размещаться спальни и обеденные залы [9, С. 32].

Шло развитие и иных лагерей. Например, Ю. Жукова, начальник лагеря 13-й школы Кировского района Москвы (база, на которой проводился лагерь, – здание Жаворонковской школы Звенигородского района) так описывает подготовку к летнему сезону: «В период подготовки, главным образом, приходится заниматься хозяйственными делами: сбором средств, подбором штата, ремонтом, приобретением оборудования. По смете нам полагается на лагерь из двухсот детей восемьдесят девять тысяч рублей. Фабрика «Москвошвей» № 8 внесла сорок две тысячи рублей, центральный комитет союза швейников, соцстрах и родители тоже внесли, а завод Реммаштреста до сих пор не перевел двадцать две тысячи рублей, что грозит срывом второй очереди лагеря» [8, С.31].

Начальник пионерского лагеря 19-й школы Краснопресненского района Москвы В. Жигунов, имевший стаж пребывания в пионерских лагерях с 1923 года (вначале как пионер, вожатый и, наконец, как начальник лагеря) описывал свой опыт организации лагеря на ст. Дорохово Московско-Белорусско-Балтийской дороги: «...сумели провести в лагере вместо одного месяца полтора, сэкономив на оборудовании, транспорте (был обеспечен трамвайным парком бесплатно). Дети поправились на восемь-девять килограммов. В штате лагеря на 180 детей было 12 человек: начальник, педагог, врач, сестра, завхоз, физкультурник, четыре работника по кухне и два вожатых. Из наиболее интересных праздников следует отметить «Лесной карнавал», когда из примитивных материалов: кумачовой материи, проволоки, папиросной бумаги, листьев, цветов – с большим художественным вкусом втайне от других детей мастерились интереснейшие костюмы бабочек, стрекоз, живых

цветов, птиц и зверей, различных сказочных персонажей. Кроме того, – отмечалось В. Жигуновым, – с громадным успехом прошла военная игра, суть которой заключалась в том, что нападающая сторона должна проникнуть в расположение противника и взорвать в его тылу «пороховой погреб» (его изображала дымовая учебная шашка)» [8, С. 33].

Большое внимание уделялось подбору кадров. Вожатые, как правило, выбирались из комсомольцев, проявивших себя в пионерской работе в школе. Для педагогов существовали тоже определенные требования: начитанность, владение различными видами спорта, знание песен, игр, умение провести военную игру, экскурсию и т.д. Для вожатых проводились десятидневные семинары без отрыва от производства. Кроме того, организовывалась систематическая учеба путем ознакомления с вопросами международной политики и внутренней жизни страны, с жизнью и деятельностью лидеров страны и героев труда, проводились экскурсии, просмотры кинокартин для вожатых [5].

Акцент ставился также и на методическом обеспечении. Ежегодно с 1934 года выходил справочник «Пионерский лагерь. Практическое пособие для вожатых и работников лагеря», который содержал информацию, помогающую вести оздоровительную и воспитательную работу с детьми; здесь же давались практические указания по оборудованию лагеря, медицинскому обслуживанию, по организации физкультуры, спорта, оборонной работы. Отдельные разделы посвящены работе натуралистов и техников, интересным играм, развлечениям и песням. В специальном разделе «Беседы у костра» помещены рассказы о лидерах страны, о политических событиях в мире, отрывки из художественных произведений и т.д. [11, С. 57].

Особое внимание стоит обратить на то, что именно в тридцатые годы были заложены основы подготовки выезда, оборудования лагеря, режима дня, организации общественной жизни, финансирования лагерных смен.

Так, все едущие в лагерь обязательно проходили медицинский осмотр и получали указания врача, как пользоваться солнцем, водой и заниматься физкультурой. Эти указания заносились в журнал и хранились у начальника лагеря. О результатах медицинского осмотра должны были обязательно знать вожатые, педагоги и физкультурник лагеря.

Перед самым отъездом устраивалось собрание родителей, на котором их знакомили с условиями лагеря и предполагаемой работой в нем, давали адрес лагеря и указывали дни и правила посещения. Вожатый должен был побеседовать с каждым из родителей и узнать наклонности и особенности ребят [10, С. 16].

Неотъемлемыми составляющими оформления пионерского лагеря с тридцатых годов прошлого века стали арка перед входом в лагерь, на которой можно было прочесть его название, номер школы и шефствующее предприятие. От арки к главному входу вела аллея. Обязательным атрибутом лагерной жизни являлась линейка, для устройства которой снимался дерн на глубину не более трех сантиметров, поверхность посыпалась песком. Ширина самой линейки – не более 30 см; форма – квадрат, прямоугольник либо ромб. На линейке находилась мачта длиной пятнадцать – двадцать метров. К верхнему концу мачты прикреплялось обыкновенное кольцо, через которое пропусклась веревка для подъема флага. У основания мачты, как правило, разбивали клумбу или из разноцветных камней выкладывали пятиконечную звезду, герб СССР или пионерский значок. Без клубной комнаты тоже невозможно представить себе лагерную жизнь. В клубе обычно находились лагерная библиотека, уголки отрядов, стенные газеты, настольные игры и оборудование для работы любительских кружков.

Для хранения личных вещей пионеров выделялась особая комната – раздевалка. Вокруг стены укреплялись вешалки. Сверху были наклеены порядковые номера. На высоте двадцати – тридцати сантиметров от пола находи-

лись полки, где хранились чемоданы детей, за сохранность которых отвечало руководство лагеря.

Лагерная столовая устраивалась на открытой террасе или под навесом. Каждому звену было отведено в столовой свое место. Здесь же, в столовой, имелись шкафы или полочки для хранения посуды, которая обязательно накрывалась чистой марлей. Отпуск изготовленных блюд производился после пробы их врачом.

В оборудование спальни входили кровати, табуретки для одежды и графин с водой. (Свои личные вещи дети хранили в специально отведенном помещении.) Распределение комнат мальчиков и комнат девочек проводилось по возрасту. Промежуток между кроватями в спальне был не меньше полуметра.

Физкультурный городок представлял собой ровную травянистую площадку, удаленную от дороги, из расчета примерно два метра на каждого занимающегося. В физкультурном городке были площадка для зарядки, место для прыжков в длину и место для прыжков в высоту, волейбольные и баскетбольные площадки, городки, место для упражнений в равновесии и т.д.

Площадка аттракционов находилась в тени. Оборудование ее было самым разнообразным: качели, спиральбол, качающиеся бревна, «американская горка» и другие аттракционы.

Что касается финансирования летней кампании, постановлением пленума ЦК ВЛКСМ (1937 год) было предложено привлекать следующие источники:

а) средства соцстраха (80 миллионов рублей, распределяемых по фабзавкомам и месткомам);

б) средства наркомпросов (14 миллионов рублей по внешкольному бюджету);

в) средства Наркомздрава СССР (20 миллионов по статье массовых оздоровительных мероприятий ОЗДиП);

г) 30–35 процентов средств, вносимых родителями для содержания своих детей в пионерлагере;

д) средства, отпускаемые директорами заводов из директорских фондов подшефной школе;

е) средства промкооперации, деткомиссий и др.;

ж) источником финансирования для колхозных лагерей юных пионеров являются средства, отпускаемые по решению общего собрания колхозников, и личные средства колхозников для содержания своих детей в лагерях [11, С. 63].

Кроме того, этим же Постановлением комсомольские организации обязывались вывезти в 1937 году в пионерские лагеря детей не меньше, чем было вывезено в 1936 году, организовав для детей, оставшихся в городах, отдых в форпостах, парках, садах, на стадионах, водных станциях и площадках.

Акцентировалось, что в лагеря должны вывозиться дети подшефной предприятию школы независимо от того, на каких предприятиях работают их родители. При этом устанавливалось, что предприятие, финансирующее лагерь, вывозит детей своих рабочих (не обучающихся в подшефной школе) в количестве до 30–40 % к общему количеству детей, отправляемых в пионерлагерь [11, С. 63].

Большое внимание уделялось безопасности детей. Обкомы, крайкомы и ЦК ЛКСМ республик обязаны были установить наблюдение за безопасностью пребывания детей в лагерях (ограждение мест купания, наличие спасательных средств, установка в лагерях огнетушителей, бочек с водой, обязательное сопровождение детей при купании, катании на лодках и т.д.).

Говоря об общественной работе, следует привести слова И. Ф. Сवादковского, доктора педагогических наук, о том, что «вся совокупность мероприятий должна быть рассмотрена с точки зрения привития детям любви к родине... Это означает, что ребята должны понять, что их отдых не только их личное дело, что Родина требует от них быть сильными, здоровыми, способными к совершению великих подвигов и что нет в мире большего счастья, как развивать до конца все свои способности на благо социали-

стического отечества, на благо трудящихся всего мира...» [12, С. 49].

Общественная работа, подчиненная оздоровлению и воспитанию детей и организованная во время, отведенное для нее в лагерном дне, «только поможет сплотить детский коллектив, привьет детям полезные трудовые навыки, закрепит и расширит знания, полученные детьми в школе, поможет их закалке. Речь идёт о дежурствах по лагерю, об уборке и оборудовании лагерных площадок, об уходе за цветочными клумбами и т.д. К видам трудовой деятельности детей в лагере следует отнести, например, работу на огороде, в саду» [13, С. 5].

Начиная с 1937 года обкомы, крайкомы и ЦК ВЛКСМ республик отчитывались о количестве детей, вывозимых в лагерь; подборе мест для лагерей; подборе начальников, старших вожатых и завхозов лагерей; обеспечении лагерей средствами; организации культурного обслуживания детей, остающихся в городах.

Так, в докладной записке инструктора оргбюро ЦК ВЛКСМ по Орловской области Т. В. Овсянникова по организации летнего отдыха в Погарском районе (до 1944 г. входил в состав Орловской области) было отмечено следующее: «Пионерский лагерь работал один месяц. Там находилось сто четыре пионера. Находящиеся пионеры все имеют привес, некоторые даже достигли 5 кг. Воспитательная работа выражалась в проведении лекций, бесед; кроме того, имелись игры, но всего этого было недостаточно, а физкультурная и общественная работа совершенно отсутствовала, вследствие чего пионеров постановка работы не удовлетворила...» [6].

В докладной записке заведующего сектором пионеров Измалковского района (до 1954 года входил в состав Орловской области) Шабанова, отмечалось, что «...продолжительность работы пионерского лагеря составила двадцать дней. С 17 июня 1938 года по 17 июля 1938 года было собрано шесть тысяч рублей, что не обеспечило нормального питания. Работали кружки ПВХО,

где подготовили одиннадцать человек. Не было организовано экскурсий, прогулок. Подбор книг в библиотеке не соответствовал требованиям. Как результат – оздоровительная работа поставлена плохо, причина в том, что РК ВЛКСМ не обратил серьезного внимания на эту работу» [7].

В 1938 году на заседаниях бюро Орловского обкома ВЛКСМ активно рассматривались как вопросы организации летнего отдыха, так и итоги летней оздоровительной кампании.

Протокол заседания бюро обкома ВЛКСМ от 2 февраля 1938 года содержит вопрос «О пионерских лагерях», в котором все РК ВЛКСМ совместно с РОНО обязаны организовать подготовку и оборудование пионерских лагерей: к 25.03.1938 г. – подобрать место, где будет расположен пионерский лагерь, утвердив его выделенной комиссией в составе председателя Российского Красного Креста, секретаря РК ВКП(б), секретаря РК ВЛКСМ, заведующего роно и санврача; обосновать смету, необходимую для оборудования пионерского лагеря, приобретения хозяйственного, культурного инвентаря, содержание лагеря, утвердив его на бюро РК ВКП(б), в президиуме райисполкома.

Для организации всей работы по вывозу детей в лагерь бюро обкома ВЛКСМ рекомендовало создать при горсоветах и райисполкомах, на предприятиях при завкомах профсоюзов, при правлениях колхозов лагерные комиссии, которые занимались бы финансированием средств, хозяйственным руководством лагеря и подбором руководящих и хозяйственных кадров. При этом было запрещено комитетам комсомола непосредственно заниматься сбором средств от родителей, открывать в госбанке свои текущие счета на организацию вывоза детей в лагерь.

Этим же Постановлением устанавливалось, что к 20 мая лагерь в каждом районе должен быть оборудован и принят комиссией в полной готовности к приему детей, а к 1 июня утверждены начальники пионерских лагерей и пионервожатые с дальнейшим представлением их на утверждение бюро обкома ВЛКСМ. Отделу

пионеров Обкома ВЛКСМ предписывалось провести не позднее 1 мая областное совещание начальников лагерей, а также городские и районные семинары пионервожатых, выделенных для работы в лагере, по вопросам политико-воспитательной работы [4].

Вновь бюро обкома ВЛКСМ возвращается к этому вопросу в мае 1938 года.

Заслушиваются доклады секретаря Ульяновского (до 1944 года входил в состав Орловской области) РК ВЛКСМ тов. Лукьянова и заведующей отделом Измалковского (до 1954 года входил в состав Орловской области) РК ВЛКСМ Агаповой, и отмечается, что вопросами летней оздоровительной работы Измалковский и Ульяновский райкомы занимаются неудовлетворительно, в результате чего помещения под лагеря не оборудованы необходимым инвентарем; средства для проведения лагерей в Ульяновском районе в размере сорока тысяч рублей отсутствуют; в Измалковском районе вместо сорока тысяч рублей собрана всего тысяча рублей [5]. Крупный недостаток – снижение контрольных цифр пропуска пионеров через лагеря в этих районах – в том и в другом районе вместо 150 человек 60. Наряду с этими недостатками райкомы не приступили к оборудованию форпостов, детских площадок, парков, спортплощадок и не организовали массово-воспитательной работы с пионерами и школьниками в летний период [4].

На последующих заседаниях бюро Орловского обкома ВЛКСМ также рассматривались вопросы, связанные с организацией летней оздоровительной кампании. В частности, 27 июня 1938 года был поставлен вопрос «О руководстве пионеротдела в организации летних оздоровительных мероприятий».

Было отмечено, что ряд райкомов ВЛКСМ (Орджоникидзеград, Брянск, Клинцы (до 1944 года входили в состав Орловской области) и др.) сумели организовать работу по своевременному открытию пионерских лагерей, обеспечив их необходимым оборудованием, средства-

ми и подбором необходимого штата. Однако в таких районах, как Орёл город, Орёл сельский, Урицкий, Сосковский, Рогнединский (до 1944 г. входил в состав Орловской области), Корсаковский, пионерские лагеря еще не оборудованы и не открыты, необходимых средств не имеется, и штаты для работы в лагерях полностью не подобраны. Бюро Сосковского, Измалковского РК ВЛКСМ не организовали работу с детьми, остающимися в городе, колхозах, рабочих поселках, на период летних каникул. Так, по Сосковскому району организовано только три форпоста, по Измалковскому району не организовано ни одного форпоста, поэтому для наибольшей части детей не организован досуг и отдых, отсутствует политико-воспитательная работа с детьми, не привлечены для этой цели комсомольский актив и родители. Неудовлетворительно поставлена в пионерских лагерях массово-воспитательная и культурная работа. Райкомы комсомола увлеклись хозяйственными вопросами лагерей, забывают свою основную и главную задачу в воспитании детей в коммунистическом духе [4].

Но в то же время спустя два месяца, подводя итоги летней оздоровительной работы с детьми и говоря о задачах воспитательной работы на 1938–1939 учебный год, бюро обкома ВЛКСМ отмечало, что комсомольская организация области, выполняя постановление ЦК ВКП(б) о подготовке молодого поколения – крепкой, здоровой смены, провела определенную работу по организации хорошего отдыха для детей в летний период: для детей создано 620 форпостов, оборудовано 488 спортивных площадок, проведены районные и областные соревнования по легкой атлетике, авиамодельные соревнования, в которых участвовало десять районов; оборудовано 87 лагерей, где отдохнуло 21 375 пионеров, организованы экскурсии в Москву, Ленинград, Елец, Брянск, Дятьково, Клинцы и т.д., причем экскурсии в районы области и внутри районов были организованы с целью ознакомления с работой предприятий и колхозов.

В Брянском районе (до 1944 года входил в состав Орловской области), например, в летний период работали 48 пионерских отрядов, десять форпостов, пропущено через пионерские лагеря 450 человек, проводились экскурсии, соревнования, культмассовые мероприятия.

В Задонске (до 1954 года входил в состав Орловской области) в летний период работали 77 пионерских отрядов, десять форпостов, пропущено через пионерские лагеря 400 человек. В большинстве районов области проведены районные детские олимпиады [5].

Между тем, отмечало бюро обкома ВЛКСМ, в ряде районов отсутствовала повседневная работа с детьми, вожатые, утвержденные для работы в отрядах и форпостах, не работали в них, не провели перестройки на летние формы работ, площадки и форпосты не были оснащены культинвентарем и хорошими кадрами работников. В результате недостаточного руководства РК ВЛКСМ в Измалковском районе не работало ни одного пионерского отряда, совершенно отсутствовала воспитательная и культмассовая работа с детьми. Исключительно плохо была организована работа с пионерами в Ливенском районе. В Орле из 100 форпостов работало только 16. В Почепском (до 1944 года входил в состав Орловской области) районе не организовано ни одного форпоста, ни один пионерский отряд не работал в летний период.

Отдельные районы не выполнили контрольные цифры пропуска пионеров через пионерские лагеря: в Колпнянском – 57, в Урицком – 62, в Покровском – 60, в Залегощенском – 64 вместо 200 человек, определенных по каждому району [5].

К 1939 году система летнего отдыха и оздоровления в Советском Союзе окончательно оформляется. Как писал журнал «Вожатый», «...в этом году в пионерских лагерях будут отдыхать не менее двух миллионов пионеров и школьников. Комсомольские комитеты вместе с профсоюзными организациями и органами народного образования должны своевременно и

хорошо подготовить каждый пионерский лагерь к приему детей.

Лагерные комиссии обязаны своевременно подготовить материальную базу пионерских лагерей. Необходимо помнить, что отдых детей в лагере во многом будет зависеть от подбора помещения, ремонта его, оборудования, обеспечения лагеря необходимым хозяйственным и культурным инвентарем. Место расположения лагеря должно полностью соответствовать оздоровительным задачам и санитарно-гигиеническим требованиям... ЦК ВЛКСМ в своем решении об организации пионерских лагерей обращает особое внимание комсомольских организаций и пионерских вожатых на охрану здоровья и жизни детей в пионерском лагере.

Необходимо обеспечить каждый лагерь литературой, газетами, журналами, настольными играми, музыкальными инструментами, инвентарем и оборудованием для культурно-массовой и кружковой работы...» [12, С. 6-7].

Конечно, забота об отдыхе детей во время летних каникул не ограничивалась только организацией пионерских лагерей. Серьезное внимание обращалось на оздоровительную работу с детьми, остающимися в городе и деревне, – готовились детские парки, площадки, стадионы. Организовывалась живая работа в форпостах, в домах колхозных ребят, на детских технических станциях и т.д. Здесь же сдавали нормы на значок БГТО, устраивали игры, спортивные соревнования [12, С.8-9].

Пионервожатые привлекали к работе на форпостах и площадках физкультурников, активистов Осовиахима, мастеров спорта. Те, в свою очередь, создавали оборонные кружки, детские спортивные команды, устраивали физкультурные праздники для детей, походы, военные игры, соревнования по стрельбе, сдачу норм на оборонные и физкультурные значки [13, С. 5].

Таким образом, к концу 30-х годов XX века в Советском Союзе фактически была сформирована та модель летней оздоровительной кампании (подбор и подготовка кадров, организация

финансирования, обустройство лагеря и режим дня, методическое обеспечение, построение смены, воспитательная работа), которая активно работала фактически до начала 2000-х в своем неизменном виде и явилась основой для современной модели организации летнего отдыха и оздоровления детей.

Библиография:

1. X съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет, т. 2. – М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1936. – 551 с.
2. Гусев А. Год за годом. Из истории пионерской летописи. – М.: Издательство «Молодая гвардия», 1964. – 496 с.
3. Постановления II Пленума ЦК ВЛКСМ. – М.: «Молодая гвардия», 1936. – 32с.
4. ГАОО (Государственный архив Орловской области). Ф. П-1283. Оп. 1. Д. 22.
5. ГАОО. Ф. П-1283. Оп. 1. Д. 23.
6. ГАОО. Ф. П-1283. Оп. 1. Д. 74.
7. ГАОО. Ф. П-1283. Оп. 1. Д. 75.
8. Вожатый. – 1936. – № 6. – С.29-33.
9. Вожатый. – 1936. – № 8. – С. 32.
10. Вожатый. – 1937. – № 4. – С. 16.
11. Вожатый. – 1937. – № 5. – С.57-63.
12. Вожатый. – 1939. – № 5. – С.49-50.
13. Вожатый. – 1939. – № 6. – С. 5.

4. GAOO [State Archives of the Oryol Region]. F. P-1283. Op. 1. D. 22. (In Russ.).
5. GAOO [State Archives of the Oryol Region]. F. P-1283. Op. 1. D. 23. (In Russ.).
6. GAOO [State Archives of the Oryol Region]. F. P-1283. Op. 1. D. 74. (In Russ.).
7. GAOO [State Archives of the Oryol Region]. F. P-1283. Op. 1. D. 75. (In Russ.).
8. Vozhatyy [Counselor]. – 1936. – № 6. – S.29-33. (In Russ.).
9. Vozhatyy [Counselor]. – 1936. – №8. – S.32.
10. Vozhatyy [Counselor]. – 1937. – № 4. – S.16. (In Russ.).
11. Vozhatyy [Counselor]. – 1937. – № 5. – S.57-63. (In Russ.).
12. Vozhatyy [Counselor]. – 1939. – №5. – S.49-50. (In Russ.).
13. Vozhatyy [Counselor]. – 1939. – №6. – S.5. (In Russ.).

References:

1. X s"yezd VLKSM. Stenograficheskiy otchet [X Congress of the Komsomol. Verbatim report], t. 2. – M.: Partizdat TSK VKP(b), 1936. – 551 s. (In Russ.).
2. Gusev A. (1964) God za godom. Iz istorii pionerskoy letopisi [Year after year. From the history of the pioneer chronicle]. – M.: Izdatel'stvo «Molodaya gvardiya». – 496 s. (In Russ.).
3. Postanovleniya II Plenuma TSK VLKSM [Resolutions of the II Plenum of the Central Committee of the Komsomol]. – M.: «Molodaya gvardiya», 1936. – 32 s. (In Russ.).

ГРЕБЕНКИН Алексей Николаевич, доктор исторических наук, сотрудник, Академия ФСО России (Россия, Орёл), e-mail: angrebyonkin@mail.ru

ЛАРИН Артём Александрович, аспирант кафедры истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: larin-sm333@mail.ru

GREBENKIN A.N., Doctor of History, employee of Academy of the Federal Security Guard Service (Russian Federation, Orel), e-mail: angrebyonkin@mail.ru

LARIN A.A., Postgraduate Student, Department of History and State Legal Disciplines of Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: larin-sm333@mail.ru

ОХРАНА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III ВО ВРЕМЯ ЕГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ПОЕЗДОВ

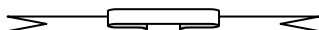
PROTECTION OF EMPEROR ALEXANDER III DURING HIS TRAIN TRIPS

Аннотация. Цель статьи – комплексный научный анализ системы охраны железнодорожных поездок императора Александра III. Актуальность исследования обусловлена необходимостью всесторонней характеристики начального этапа развития мер транспортной безопасности, сопряженных с охраной первых лиц государства. Кроме того, его результаты могут быть использованы при изучении создания системы обеспечения безопасности на железнодорожном транспорте. В основу работы положены неопубликованные материалы из фондов Российского государственного исторического архива и Государственного архива Российской Федерации. Автор приходит к выводу, что необходимость создания надежной системы охраны императора во время железнодорожных поездок была обусловлена тем, что революционные организации начиная с 1870-х гг. время от времени предпринимали попытки подрыва царского поезда. В работе акцентируется внимание на том, что сугубо технические вопросы осложнялись факторами бюрократического и политического характера.

Ключевые слова: Российская империя, Александр III, институт государственной охраны, Военная инспекция железных дорог, 1-й Железнодорожный батальон, Л. М. Альбертов, П. А. Черевин.

Abstract. The purpose of this article is a comprehensive scientific analysis of the system of protection of railway trips of Emperor Alexander III. The relevance of the study is due to the need for a comprehensive description of the initial stage of the development of transport security measures associated with the protection of top officials of the state. In addition, its results can be used in the study of the creation of a safety system for railway transport. The work is based on unpublished materials from the collections of the Russian State Historical Archive and the State Archive of the Russian Federation. The author comes to the conclusion that the need to create a reliable system of protection of the emperor during railway trips was due to the fact that revolutionary organizations since the 1870s from time to time attempted to undermine the tsar's train. The paper focuses on the fact that purely technical issues were complicated by bureaucratic and political factors.

Keywords: Russian Empire, Alexander III, Institute of State Security, Military Inspection of Railways, 1st Railway Battalion, L. M. Albertov, P. A. Cherevin.

ВВЕДЕНИЕ

Создавая в 1881 году единую службу обеспечения безопасности императора – Охрану

Его Императорского Величества, граф И. И. Воронцов-Дашков обратил особое внимание на охрану царских поездов и магистра-

лей, по которым они передвигались. Первый Главный начальник охраны Александра III полагал, что возможность совершения теракта на железной дороге была весьма высока. Его опасения не были беспочвенными: в ноябре 1879 года Александр II едва не стал жертвой покушения. Народовольцы в трех местах заминировали полотно железной дороги, по которой царь возвращался в столицу из Ливадии. Под Москвой им удалось устроить взрыв, однако по счастливой случайности составы в пути поменялись местами, и взорван был не «литер А», в котором находился император, а свитский поезд. Расследование показало, что контроль жандармских полицейских управлений железных дорог за состоянием пути зачастую производился формально, поэтому злоумышленникам удавалось беспрепятственно заложить мины. После этого случая к надзору за железнодорожными путями была привлечена общая полиция, но кардинального улучшения ситуации не произошло, и царь шел на смертельный риск всякий раз, когда принимал решение ехать поездом.

В августе 1881 года одновременно с созданием Охраны Его Императорского Величества в ее состав вошла вновь учрежденная Военная инспекция железных дорог. Ей был подчинен уже существовавший к тому времени 1-й железнодорожный батальон. Должность военного инспектора железных дорог занял командир батальона полковник Л. М. Альбертов. Он должен был следить за технической исправностью «литера А» и надлежащим состоянием железнодорожных линий, по которым предстояло проследовать императорскому поезду. Чины 1-го Железнодорожного батальона, сформированного в 1876 году, отвечали не только за охрану царского поезда, но и за его эксплуатацию и обслуживание.

Полковник Альбертов разработал схему охраны высочайших поездов по железным дорогам, главным принципом которой было создание плотной цепи войск на всем протяже-

нии пути следования императорского поезда. Были разработаны правила, в соответствии с которыми на станциях 1-го класса должно было находиться по 8 человек, на станциях 2-го класса – по 6 человек, на прочих станциях – по 4 человека. Часовые выставлялись у стрелок на главном пути и на переездах. На больших мостах стояли 2 человека, на маленьких – 1 человек. На каждой версте пути выставлялись 6 человек. Разумеется, это требовало привлечения большого количества войск. Известный писатель В. С. Кривенко, с 1881 года служивший в Министерстве императорского двора, отмечал в своих мемуарах: «Помню, когда мне случилось услышать предположение его о стягивании войск по линии дороги следования царя с таким расчетом, чтобы окараулена была фактически каждая сажень пути, то мне показалось это фарсом, но, к удивлению моему, албертовский проект был одобрен, проведен в жизнь и осуществлялся вплоть до революции» [4, С. 150].

В апреле 1882 года Военная инспекция железных дорог вместе со службой тяги были упразднены. Формально это произошло вследствие того, что инженеры путей сообщения разбирались в технике лучше, чем офицеры. Однако не стоит упускать из виду того, что повышение полковника Л. М. Альбертова крайне раздражало Главного начальника Охраны Его Императорского Величества генерал-майора свиты П. А. Черевина. Кроме того, как указывает И. В. Зимин, военный инспектор рискнул на нарушение правил воинской субординации представить свою концепцию лично императору, а не своему непосредственному начальнику Черевину. Поэтому «проект об усилении железнодорожной охраны приняли, но полномочия полковника Альбертова существенно урезали» [3, С. 325]. Обеспечение надлежащего технического состояния императорских поездов было поручено особым чиновникам Министерства путей сообщения, обладавшим должной компетенцией. В ведении Л. М. Альбертова

осталась охрана путей и подвижного состава. 1-й Железнодорожный батальон осуществлял постоянную охрану железнодорожных путей, которые вели к загородным императорским резиденциям. Эти обязанности, несмотря на их кажущуюся простоту, были многосложными. Батальон был вынужден повзводно занимать участки железных дорог между Санкт-Петербургом, Гатчиной и Петергофом, по которым часто ездили члены императорской семьи, общей протяженностью до 120 верст. При этом офицерам приходилось осуществлять строгий надзор, как за организацией движения, так и за ремонтом пути.

Задачи 1-го Железнодорожного батальона заключались:

«1) в осмотре всех искусственных сооружений, как-то: труб, мостов, путепроводов, туннелей,

2) в исследовании русла рек, а также каналов и оврагов, находящихся вблизи этих сооружений,

3) в осмотре станционных построек и платформ,

4) в надзоре за производством ремонтных работ по искусственным сооружениям,

5) в наблюдении за паровозами, назначаемыми для Императорских поездов,

6) в участии в комиссиях, периодически осматривающих линии и сооружения» (Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф.1328. Оп.2. Д.198. Л. 46).

Кроме того, в 1886 году П. А. Черевин отмечал, что «...независимо от изложенного, 1-му Железнодорожному батальону поручалась также всегда охрана как Царскосельской железной дороги при встречавшихся по ней высочайших проездах, так равно и участков Варшавской и Балтийской железных дорог, пролегающих за Гатчино и Петергоф, во время следования по таковым Его Величества на охоты, в каковых случаях никогда не требовалось других войск, и, наконец, последние четыре года кряду Государь Император изволил со-

вершать дальние путешествия: в Скерневицы, Кремзир, Киев, Крым, Спалу и т.д. – и в подобных случаях на обязанности упомянутого батальона лежали осмотр всех искусственных сооружений, а также охрана главнейших из них на всем пути Высочайшего следования» (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 9).

Наряду с 1-м Железнодорожным батальоном и стягивавшимися к железным дорогам войсковыми частями в обеспечении безопасности императора во время его поездок принимало деятельное участие большое количество высокопоставленных должностных лиц и полицейских структур. 10 октября 1878 года были приняты «Правила о поездах, назначаемых для проезда Высочайших Особ по железным дорогам», в соответствии с которыми капитальная переделка императорских вагонов, расписание движения императорских поездов, порядок их составления и все расчеты по движению должны были определяться на основании совместных решений министра путей сообщения с командующим Императорской Главной квартирой. В 1881 году, в момент введения в действие плана охраны императорских поездов, разработанного Л. М. Альбертовым, 1-й Железнодорожный батальон являлся лишь одним из компонентов многоуровневой системы охраны царя, отвечавшей за сохранность его жизни и здоровья во время железнодорожных поездок. Ее «мозгом» были жандармские полицейские управления железных дорог, а решение основной массы задач, связанных с окарауливанием пути, возлагалось на войска: «при каждой поездке царя требовалось большое напряжение целых военных округов для выполнения задачи охраны. От Петербурга протягивался сплошной войсковой кордон до Крыма и даже на Кавказ. На это время всякие учебно-строевые занятия прекращались, всё внимание начальства было устремлено на рельсовый путь и на «литерный» поезд, в котором должен был проследовать царь» [4, С. 150]. Машинист и бригады кондукторов

должны были назначаться от дороги следования по выбору непосредственного начальства из наиболее надежных и проверенных людей, а надзор за внутренним порядком в вагонах «литера А» в пути следования обеспечивал начальник Секретной части в Охране Его Императорского Величества.

Императорский поезд для заграничных путешествий (в составе 16 вагонов) находился на постоянной стоянке на станции Вержболово, расположенной неподалеку от русско-германской границы. До 1882 года наблюдение за ним поручалось чиновнику, состоявшему при управлении Императорской Главной квартиры по Министерству путей сообщения. С 1882 года сохранность, содержание в чистоте и ремонт императорского поезда для заграничных путешествий стало обеспечивать Главное общество российских железных дорог. Департамент железных дорог министерства путей сообщения заключал с обществом соответствующий договор, а контроль за его исполнением возлагался на правительственного инспектора Петербургско-Варшавской железной дороги. Кроме того, «при снаряжении поезда в путешествие, во время нахождения его в пути, при периодических осмотрах его во время стоянки на ст. Вержболово, а также при производстве изменений во внутреннем устройстве вагонов и их внутренней отделке» (Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 16089. Оп. 1. Д. 11. Л. 3–3 об.) должен был находиться особый агент от Императорской Главной квартиры. Участие 1-го железнодорожного батальона в обеспечении безопасности императора и его семьи выражалось «в постоянной охране железных дорог между Петербургом и пригородными, так называемыми летними резиденциями Государя Императора (Царское Село, Петергоф, Гатчина)» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 18. Л. 17 об.). Перед каждой поездкой императора чины батальона располагались вдоль железнодорожного пути; выставлению оцепле-

ния предшествовал тщательный осмотр рельсов, шпал, насыпи, мостов и прочих элементов инфраструктуры.

Итогом реализации замысла Л. М. Альбертова стало превращение императорских путешествий в мероприятия, требовавшие привлечения сил десятков тысяч военнослужащих. Так, в соответствии с утвержденным в июне 1885 года расписанием распределения войск по линии Ивангородо-Домбровской железной дороги на посты выставлялись 3943 человека.

Деятельность всех структур, задействованных в охране высочайших поездов, подлежала строгой регламентации. 20 августа 1882 года была принята «Инструкция чинам жандармских полицейских управлений железных дорог для охраны экстренных поездов чрезвычайной важности и наблюдения за населением, проживающим на земле, отчужденной под железные дороги», в соответствии с которой железнодорожные жандармы должны были осуществлять руководство всем комплексом мероприятий, реализуемых в целях надлежащей охраны высочайших поездов. 2 сентября 1882 года по соглашению главного начальника охраны и министра путей сообщения обрели юридическую силу «Правила для движения экстренных поездов чрезвычайной важности по железным дорогам России». В них были закреплены технические требования к организации железнодорожных поездов императора.

В апреле 1883 года были утверждены еще три инструкции, закреплявшие порядок действий железнодорожных жандармов, полиции и войсковых частей. Обновленная «Инструкция чинам жандармских полицейских управлений железных дорог для охраны экстренных поездов чрезвычайной важности и наблюдения за населением, проживающим на земле, отчужденной под железные дороги» определяла обязанности жандармов в полосе отчуждения. «Инструкция чинам общей полиции для охраны экстренных поездов чрезвычайной важности и для наблюдения за населением, прожи-

вающим у полосы, отчужденной под железные дороги» регламентировала деятельность полиции в так называемой 100-саженной полосе, прилегающей к полосе отчуждения, по контролю над населением, проверке железнодорожного полотна на предмет наличия подкопов, порчи рельс и т.п. Обычно эти обязанности возлагались на полицейских урядников. Тем из них, которые занимались проверкой постов, предоставлялось право бесплатного проезда по железной дороге. Наконец, «Инструкция войскам, вызванным для охраны экстренных поездов чрезвычайной важности» устанавливала нормативы размещения нижних чинов вдоль железнодорожной линии (по 5–10 человек на версту) и порядок их действий в случае попытки нападения злоумышленников.

В мае 1883 года директор департамента полиции В. К. Плеве отдал распоряжение о том, чтобы чины общей полиции, привлекавшиеся к охране императорских поездов, в момент проезда состава находились на расстоянии не менее 100 сажен от полотна железной дороги.

Одновременно уездными исправниками Тамбовской губернии был поднят вопрос об участии лесной стражи казенных лесов в охране императорского поезда на тех участках, которые проходили через эти леса. Тамбовский губернатор поддержал данное предложение, ссылаясь на то, что «вследствие изменения всех инструкций по охране экстренных поездов чрезвычайной важности и значительного сокращения нижних чинов от войск, должно быть увеличено число общей полиции и местных жителей» (Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Оп. 318 (3-е делопроизводство. 1881–1883 г.). Д. 647 (1883 г.). Л. 5 об.). Однако товарищ министра внутренних дел приказал оставить это ходатайство без последствий.

Внимание уделялось не только постовой охране, но и агентурным мероприятиям. Так, были ужесточены требования к проверке лиц,

желавших поступить на службу, на железную дорогу. Раньше кандидату на должность нужно было лишь зарегистрировать свой паспорт в полиции; справки о его предыдущих местах службы, политической и нравственной благонадежности не наводились. Это приводило к тому, что в число железнодорожных служащих попадали лица, находившиеся в розыске, виновные в совершении служебных подлогов, краж с взломом и других серьезных преступлений.

Реализация новых инструкций на местности затрагивала ряд вопросов, нуждавшихся в дополнительном обсуждении. В мае 1883 года в Воронеже была созвана комиссия под председательством начальника Воронежского жандармского полицейского управления железных дорог полковника В. Н. Куликовского. В нее вошли управляющий и инженеры Козлово-Воронежско-Ростовской железной дороги, заведующий передвижением войск по этой дороге, представители Московского, Харьковского и Одесского военных округов и войскового штаба войска Донского, а также начальники уездных и окружных полицейских управлений.

Судя по протоколам работы комиссии, сил, которые имелись в реальном распоряжении руководителей охранных мероприятий, было слишком мало для того, чтобы обеспечить полноценную реализацию выработанной Л. М. Альбертовым схемы охраны. Так, комиссия пришла к выводу, что расчет числа унтер-офицеров и солдат, содержащийся в «Инструкции войскам, вызванным для охраны экстренных поездов чрезвычайной важности», не позволял гарантировать полноценную охрану линии. Из-за нехватки нижних чинов было решено включить в состав ефрейторского караула ефрейтора и 2 рядовых. Во время остановки высочайшего поезда на станциях к нему выставлялся караул из часовых, которые снимались с менее важных постов; «в случае же остановки между станциями из нижних чинов постов, оставшихся за поездом» (ГАРФ. Ф. 102.

Оп.318 (3-е делопроизводство. 1881–1883 гг.). Д. 647 (1883г.). Л. 21). Патруль в составе 2 человек на 2 версты посылались лишь в качестве дополнения к неподвижным постам в места, требовавшие особого наблюдения. Резерв для замены заболевших постовых был определен в размере 5 % от общего количества задействованных в охране железнодорожной линии нижних чинов. Войска размещались в первую очередь в населенных пунктах, расположенных на расстоянии 1 версты от железной дороги. Если там не было пригодных для жилья помещений, разрешалось отводить солдат дальше, но на расстояние, не превышавшее 3 верст от железнодорожного полотна.

Нехватка солдат заставляла привлекать к охране железнодорожного полотна население тех пунктов, вблизи которых проходила дорога. После получения телеграммы с предписанием вывести войска к железнодорожной линии местные жители по приказу войсковых начальников, в подчинение которых они были переданы, были обязаны встать на линию и занять заранее определенные для них места. Окончательное оформление билетов, удостоверявших право местных жителей принимать участие в охране поезда, должно было быть поручено исправникам, которые должны были вписывать имена и фамилии в бланки, уже подписанные начальниками отделений и заверенные печатями. Поступить иначе было нельзя: начальники отделений не могли заверить в один день огромное количество билетов. Расследования, связанные с потерей билетов, предполагалось возложить на местную общую полицию.

Воронежская комиссия решила ряд технических вопросов. В соответствии с выработанной схемой на станциях Грязи, Мордово, Бурнак, Борисоглебск, Алексиково, Филоново, Себряково, Аргеда, Лог, Качалино и Царицын высочайший поезд должен был следовать по пассажирскому, а на остальных станциях – по главному пути. Стрелки, ведущие на прочие

пути, нужно было заблаговременно заклепать. На тех станциях, где планировалась смена паровозов, следовало оставить ещё 2 незаклёпанные стрелки.

Члены комиссии обратили особое внимание на участок железнодорожного пути между станциями Лихая и Максимовка, где добыча каменного угля в некоторых местах производилась непосредственно под железнодорожным полотном, и приняли решение «просить назначения особых специалистов для подробного исследования этих шахт и особого наблюдения за ними во время следования поездов чрезвычайной важности» (ГАРФ. Ф.102. Оп.318 (3-е делопроизводство. 1881–1883 гг.). Д. 647 (1883г.). Л. 2 об.).

От Волги царский поезд мог следовать либо по Грязе-Царицынской, либо по Волго-Донской железной дороге. Волго-Донская ветка не была готова к проходу царского поезда, в то же время имелась возможность приспособить вагоны Грязе-Царицынской железной дороги. Поскольку точный маршрут не был определен, войсковая охрана требовалась на обоих направлениях.

Чтобы не допустить подрыва царского поезда, начальник службы ремонта пути и зданий Грязе-Царицынской железной дороги инженер Климчитский предложил прикрепить к передней части паровоза вертикальные ножи, с помощью которых можно было бы прорезать балластный слой насыпи по обе стороны рельсов и тем самым оборвать провода, ведущие к заложенным под полотно минам. В соответствии с испытаниями, произведенными на Лозово-Севастопольской железной дороге, локомотив, снабженный хорошо отточенными ножами, мог, развивая скорость 16 км в час, прорезать насыпь на глубину около 0,5 м.

Отнюдь не все оказавшиеся на повестке дня вопросы входили в компетенцию комиссии. Поскольку на территории области войска Донского охрана железнодорожной линии была поручена жителям придорожных станиц (кон-

ным казакам), представитель области войска Донского полковник Дукмасов предложил приравнять их по статусу к личному составу вызванных для охраны воинских частей, и просил определить необходимое количество конных казаков и указать места пребывания начальников казаков, вызванных для охраны поезда. Комиссия пришла к выводу, что окончательное решение этого вопроса зависело от наказного атамана войска Донского. Вопрос об осмотре дна рек под железнодорожными мостами также не рассматривался как не предусмотренный инструкциями.

Заведующий передвижением войск по Козлово-Воронежско-Ростовской железной дороге капитан Генерального штаба А. М. Колюбакин подал особое мнение, которое, как полагал начальник Воронежского жандармского полицейского управления железных дорог полковник Куликовский, противоречило § 4 и 29 «Инструкции войскам, вызванным для охраны экстренных поездов чрезвычайной важности». Колюбакин считал, что комиссия не имела права делать вывод о том, хватит ли командированных войск для охраны магистрали и насыпи, так как «ограничение этого числа 10 человеками на версту вызвано не чем иным, как крайней трудностью, а местами и совершенной невозможностью выставить большое число войск» (ГАРФ. Ф.102. Оп.318 (3-е делопроизводство. 1881–1883 гг.). Д. 647 (1883 г.) Л.24). Привлечение местного населения (за исключением казаков, проживавших на территории области войска Донского) к обеспечению безопасности царского поезда было ошибкой, так как появление в составе охраны значительного количества новых, никому не знакомых людей, к тому же имевших весьма смутные представления о правилах воинской дисциплины и караульной службы, неизбежно привело бы к конфликтам между ними и войсками. Возникавшие недоразумения должны были разрешать начальники жандармских полицейских управлений железных дорог, однако

ввиду их сильной занятости и значительных размеров подведомственных районов на быстрое и качественное решение спорных вопросов нельзя было рассчитывать. Выйти из затруднительной ситуации Колюбакин предлагал следующим образом: привлечь к охране ограниченное число местных жителей и поручить им охрану не самого пути, а местности, находившейся за пределами 100-саженной полосы, «только там, где местные условия этого требуют, как-то: лес, кусты, долины рек, ограды селений, развалин и тех мест, представляющих возможность укрыться» (ГАРФ. Ф.102. Оп.318 (3-е делопроизводство. 1881–1883 гг.). Д. 647 (1883 г.) Л.24). Местные жители становились в цепи отдельно от войск и должны были патрулировать местность под присмотром местной полиции. Принятые меры должны были и предотвратить возможные недоразумения между местными жителями и войсками, и усилить охрану железнодорожной линии.

Как видно из материалов воронежской комиссии, привлечение к охране железнодорожного пути воинских частей, жандармских полицейских управлений железных дорог и подразделений общей полиции не позволяло решить все поставленные задачи и заставляло обращаться к крайне ненадежному ресурсу – местным жителям. Ставка здесь делалась не на профессионализм, а на верноподданнические настроения. Крестьяне и казаки вынужденно привлекались к охране и других железных дорог. Так, в июне 1883 г. начальник Киевского жандармского полицейского управления железных дорог подготовил расчет охранной стражи, в соответствии с которым на каждую версту полотна железной дороги, проходившей по направлению от границы Волынской губернии к станции Брест, требовалось 5 местных жителей. Однако и при этом условии ощущалась острая нехватка не только солдат, но и полицейских чинов. Так, в Волынской губернии на каждую станцию и полустанцию назначался полицейский чиновник или пеший урядник, а на

те участки, где находилась охранная стража из местных жителей, выставлялись конные урядники из расчета по одному на каждую версту. Это требовало привлечения такого количества людей, каким не располагали местные полицейские структуры. Для охраны пути от границы Волынской губернии лишь до станции Брест потребовалось бы 3 полицейских чиновника и 39 конных урядников, между тем как во всем Брестском уезде урядников было только 20 человек. С учетом того, что нужно было назначить такое же количество урядников и для охраны пути на линии от Бреста к Граеву или от Бреста по направлению к Москве, имевшихся в наличии людей было совершенно недостаточно для решения задач, связанных с охраной императорских поездов. По поводу назначения полицейских чиновников и конных урядников для охраны Санкт-Петербургско-Варшавской железной дороги от границы Гродненской губернии до станции Лап гродненский вице-губернатор советовался с начальником Виленского жандармского полицейского управления железных дорог, который признавал «необходимым назначение одного конного урядника на каждые 3 и одного станového пристава на каждые 10 верст, где будут расположены местные жители» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 318 (3-е делопроизводство. 1881–1883 г.). Д. 647 (1883 г.). Л. 26 об. – 27). Поскольку к охране железнодорожного полотна привлекались не только урядники, но и классные полицейские чиновники, охрана железнодорожных зданий возлагалась на чины жандармского полицейского управления железных дорог и дополнительного штата губернского жандармского управления.

Сугубо технические проблемы, связанные с несовершенством железнодорожной инфраструктуры, постепенно ликвидировались. В мае 1884 года начальник Воронежского жандармского полицейского управления железных дорог полковник В. Н. Куликовский уведомил Департамент полиции МВД о том, что мосты на Волго-

Донской ветви Грязе-Царицынской железной дороги были перестроены, поэтому она была готова к следованию императорского поезда.

С 1885 года, согласно «Дополнению к инструкции войскам, вызванным для охраны экстренных поездов чрезвычайной важности», охрана железнодорожного полотна осуществлялась в три этапа, каждому из которых соответствовало особое «положение» войск. Сначала войска размещались на железнодорожных станциях («первое положение»), затем занимали основные пункты, нуждавшиеся в контроле, и осуществляли патрулирование соединявших их отрезков пути («второе положение»). «Третье положение» войска занимали накануне проезда царского поезда – их стягивали к пути для охраны железнодорожного полотна на всём протяжении следования «литера А» и сопровождавших его поездов. В соответствии с изменившимися требованиями «Инструкция войскам, вызванным для охраны экстренных поездов чрезвычайной важности» переутверждалась в 1885 и 1886 гг., а в 1886 году было принято второе дополнение к «Инструкции войскам...».

Однако, как показали дальнейшие события, источником опасности были не только террористы, но и фатальные ошибки, допущенные при эксплуатации императорского поезда. Так, высокая скорость «литера А» не соответствовала его длине и весу. Недостаточно надежное верхнее строение пути многих железнодорожных линий не было рассчитано на такую нагрузку. Кроме того, поскольку царь любил быструю езду, во время путешествия императорской семьи в Крым в 1888 году состав в нарушение правил было решено тянуть двумя паровозами. С. Ю. Витте, в то время являвшийся управляющим Юго-Западными железными дорогами, предупредил Александра III о том, что такая езда неминуемо приведет к катастрофе, но император проигнорировал это замечание. В итоге 17 октября 1888 года поезд, на котором царская семья возвращалась из Крыма, потерпел крушение под Харьковом, возле станции Борки,

Курско-Харьково-Азовской железной дороги. В сцепке были два паровоза – товарный и пассажирский, которые по своим техническим характеристикам не могли работать вместе. Тяжелый трехосный паровоз Т-164 был вынужден ехать со скоростью, на 10 км/ч превышавшей предельно допустимую для него, и сильно раскачивался из стороны в сторону. Поскольку у сцепленного за ним П-41 диаметр колес был другим, паровозы создавали такую вибрацию, что расшатали слабое рельсовое полотно. Шпалы лопнули, рельсы разошлись, и второй локомотив провалился в насыпь. Сзади образовался завал из вагонов. Императорской семье чудом удалось спастись, общее же количество жертв равнялось 21. У Александра III, удерживавшего на своих плечах крышу совершенно разрушенного вагона-ресторана, пока его жена и дети выбирались из-под обломков, развилась болезнь почек, от которой он умер шесть лет спустя. Следствие не пришло к однозначному выводу о причинах катастрофы (фигурировала и версия о подрыве), но, по всей видимости, вина в равной степени лежала как на тех, кто строил и эксплуатировал железную дорогу, так и на тех, кто формировал и приводил в движение императорский состав (т.е. на чинах 1-го Железнодорожного батальона). После катастрофы порядок охраны императорского поезда был несколько изменен: «...поездной караул от 1-го железнодорожного батальона при путешествиях императорской семьи больше в поезде не ездил, а выставлялся к последнему лишь на местах остановок» [5, С. 207].

В июне 1890 года в составе Министерства путей сообщения была образована Инспекция императорских поездов, которая контролировала постройку, эксплуатацию и текущий и капитальный ремонт подвижного состава, предназначенного для обслуживания императора и его приближенных, а также составляла маршруты и детализированные графики движения царского поезда и прочих экстренных поездов чрезвычайной важности.

В дальнейшем деятельность 1-го Железнодорожного батальона строго регламентировалась. Так, в 1891 году была принята «Инструкция по охране императорских железнодорожных поездов при Высочайших путешествиях». Мы не разделяем мнения А. А. Гучетля, полагавшего, что «основная тяжесть охранной службы ложилась на 1-й железнодорожный батальон» [2, С. 120], так как в проверке железнодорожных линий, находившихся вблизи них сооружений, мостов и т. п., в соответствии с Инструкцией 1891 года, принимали участие личный состав жандармских полицейских управлений железных дорог и чины общей полиции (РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 275. Л. 2–2об.), а в охране пути следования поезда – войска. 1-й Железнодорожный батальон постоянно отвечал лишь за «охрану железных дорог, ведущих к ближайшим от Санкт-Петербурга высочайшим резиденциям» (РГВИА. Ф.970. Оп.3. Д.275. Л.2 об.) (с этой целью его роты занимали участки Варшавской и Балтийской железных дорог); в отношении охраны обычных железных дорог он выполнял вспомогательную функцию, которую должен был определять в каждом конкретном случае Главный начальник охраны. Обычно она сводилась к охране мостов и туннелей, а обеспечением личной безопасности императора занималась Дворцовая полиция [1, С. 57]. Ответственность, например, за снаряжение высочайшего поезда в заграничное путешествие ложилась на специального агента Императорской Главной квартиры (РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 20. Л. 1 об. – 2).

В Инструкции 1-му Железнодорожному батальону по службе охраны железных дорог и императорских поездов были закреплены три способа охраны линий, ведущих к императорским резиденциям. Первый способ предусматривал обход линий «дозорами», которые периодически выслались из расположенных на этих линиях взводов. Он практиковался в отношении тех участков, по которым не предполагался проезд императорских поездов в ближайшее

время. Второй способ был связан с размещением так называемых повёрстных часовых на участках, где были возможны высочайшие проезды. Наконец, третий способ («вызов всех на линию») предполагал выставление на посты за 2,5 часа до проезда императорского поезда всех без исключения нижних чинов как участка, по которому пролегал маршрут, так и соседних участков (а в некоторых случаях – и всех чинов батальона). «Вызов всех на линию» практиковался при проездах из Царского Села через Гатчину в Новый Петергоф или одновременных проездах императора и его матери в разные пункты.

Разработанный Л. М. Альбертовым порядок охраны высочайших поездов вызывал много нареканий. Последний дворцовый комендант генерал-майор свиты В. Н. Воейков вспоминал: «Существовавшее тогда положение возлагало эту охрану исключительно на военные части, стягивавшиеся к железной дороге за несколько дней до высочайшего проезда, а в день следования Его Величества путь представлял из себя цепь постов часовых, стоявших друг от друга на таком расстоянии, чтобы каждый из них мог видеть или слышать соседа. Порядок этот вызывал огромный наряд войск; а в зимнее время почти за каждое следование императорского поезда несколько человек из стоявших на постах отмораживали себе руки или ноги...». В то же время, как отмечал сам Воейков, чины жандармских полицейских управлений железных дорог в охране станций и пути практически не участвовали, а их обязанности возлагались на войсковых начальников, в массе своей не обладавших познаниями в области железнодорожного дела и в силу этого вынужденных по всем вопросам наводить справки у чинов жандармских железнодорожных управлений.

Несмотря на острую и небезосновательную критику, разработанная в царствование Александра III система охраны императорских поездов просуществовала вплоть до 1914 года, когда было решено отказаться от плотной вой-

сковой цепи и возложить ответственность за безопасность царя во время поездок по железным дорогам на чины Отдельного корпуса жандармов. Альбертовский проект являлся хотя и трудозатратным, но эффективным: ни одного подрыва царского поезда не было допущено. Главный пассажир Российской империи, его чада и домочадцы могли не только свободно совершать поездки на короткие расстояния, но и ездить в Крым и за границу.

Библиография:

1. Авдеев В.А. Поезд последнего русского императора // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 9. – С. 57-59.
2. Гучетль А.А. Институт государственной охраны Российской империи XIX – XX вв. (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2014. – 188 с.
3. Зимин И.В. Царская работа. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. – М.: Центрполиграф, 2011. – 640 с.
4. Кривенко В.С. В Министерстве двора. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2006. – 320 с.
5. На страже главной цитадели России: к 100-летию Службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации / [В.И. Жилиев, Д.А. Клочкин, И.И. Кондратьев и др.]. – М.: Фонд «Русские витязи», 2018. – 919 с.
6. Гребенкин А.Н., Елисеев А.Л., Матвеева Е.С., Селютина Е.Н., Холодов В.А. Государственно-правовая защита детства в России: исторические аспекты: Монография / Под общей редакцией П.А. Меркулова. Орел, 2016.

References:

1. Avdeev V.A. (1990) Pоеzd poslednego russkogo imperatora [The train of the last Russian Emperor] // Voенno-istoricheskij zhurnal. – № 9. – S. 57–59. (In Russ.).

2. Guchetl' A.A. (2014) Institut gosudarstvennoj ohrany Rossijskoj imperii XIX–XX vv. (istoriko-pravovoe issledovanie): dis. ... kand. jurid. nauk [Institute of State Protection of the Russian Empire of the XIX-XX centuries (historical and legal research)]. – Krasnodar. – 188 s. (In Russ.).

3. Zimin I.V. (2011) Carskaya rabota. XIX – nachalo XX v. Povsednevnyaya zhizn' Rossijskogo imperatorskogo dvora [The Royal job. XIX – beginning of XX century Everyday life of the Russian Imperial court]. – M.: Centrpoligraf. – 640s. (In Russ.).

4. Krivenko V.S. (2006) V ministerstve Dvora [In the Ministry of the Yard]. – Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. – 320s. (In Russ.).

5. Na strazhe glavnoj citadeli Rossii: k 100-letiyu Sluzhby komendanta Moskovskogo Kremlya Federal'noj sluzhby ohrany Rossijskoj Federacii [On the guard of the main citadel of Russia: on the 100th Anniversary of the Service of the Commandant of the Moscow Kremlin of the Federal Security Service of the Russian Federation] / [V.I. ZHilyaev, D.A. Klochkov, I.I. Kondrat'ev i dr.]. – M.: Fond «Russkie vityazi», 2018. – 919 s. (In Russ.).

6. Grebenkin A.N., Yeliseyev A.L., Matveyeva Ye.S., Selyutina Ye.N., Kholodov V.A. (2016) Gosudarstvenno-pravovaya zashchita detstva v Rossii: istoricheskiye aspekty [State-legal protection of childhood in Russia: historical aspects]: Monografiya / Pod obshchey redaktsiyey P.A. Merkulova. – Orel. (In Russ.).

УДК 321.61(436)+070(410)

DOI: 10.22394/2225-8272-2021-10-4-95-106

ГЕЛЛА Тамара Николаевна, доктор исторических наук, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: gellat@mail.ru

GELLA T.N., Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of General History and Regional Studies, Oryol State University named after I.S.Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: gellat@mail.ru

АВСТРИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И ГАБСБУРГИ НА СТРАНИЦАХ БРИТАНСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ 1861 ГОДА

AUSTRIAN EMPIRE AND THE HABSBURGS ON THE PAGES OF THE BRITISH PERIODIC PUBLICATIONS 1861

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение Австрийской империи и Габсбургов на страницах британских периодических изданий 1861 года. Австрийская империя и правящая в ней династия Габсбургов середины XIX века неизменно находились в центре внимания европейской общественности. Австрия была предметом обсуждения английских журналистов, посвятивших свои публикации вопросам роли и места Габсбургов в австрийской и европейской истории, экономическому и политическому положению страны в начале 60-х годов, росту антиавстрийских настроений на ее многочисленных национальных окраинах, а также венгерскому национальному движению. В статье на примере анализа среза публикаций по австрийской проблематике только за один 1861 год предпринята попытка с имагологических позиций уточнить процесс формирования образа «другого» в английском обществе.

Ключевые слова: Австрийская империя, Габсбурги, The Spectator, The Westminster Review, неоабсолютизм, Франц Иосиф, Венгрия.

Abstract. The purpose of the article is to review the Austrian Empire and the Habsburgs in the pages of the British periodicals of 1861. The Austrian Empire and the Habsburg dynasty ruling in it in the middle of the 19th century. have always been in the center of attention of the European public. Austria was the subject of discussion by British journalists who devoted their publications to the role and place of the Habsburgs in Austrian and European history, the economic and political situation of the country in the early 60s, the growth of anti-Austrian sentiments in its many national outskirts, as well as the Hungarian national movement. In the article, using the example of the analysis of a slice of publications on Austrian problems in only one year – 1861, an attempt is made from an imagological point of view to clarify the process of forming the image of the «other» in English society.

Keywords: Austrian Empire, Habsburgs, The Spectator, The Westminster Review, neo-solutism, Franz Joseph, Hungary.

ВВЕДЕНИЕ

В середине XIX века Австрийская империя представляла собой конгломерат народов, различных по уровню экономического развития, политического и национального самосознания и пестроте этнического состава, объединенных в имперские границы еди-

ного государства в центре Европы. Революция 1848–1849 гг. стала своеобразным потрясением для австрийских правящих кругов. Во-первых, она привела к смене монархов. В декабре 1848 года на австрийский престол возшел 18-летний Франц Иосиф, правящий в стране вплоть до 1916 года. В отечественной

исторической науке этого монарха характеризуют как правителя, не «отличающегося особыми талантами», который «скорее был первым чиновником своего государства, педантично вникавшим во все мелочи управления» [5, С. 267; 6, С. 512]. Во-вторых, свою главную задачу он видел в сохранении единства Австрийской империи. Таким образом, идея династического единства превалировала в его политическом курсе. Это объясняет то, что сразу после подавления революционных выступлений и расправы над венгерской революцией с помощью царских войск Николая II (1849 год) в стране были сделаны шаги по восстановлению дореволюционных порядков, в частности в 1851 году была отменена Конституция, принятая в годы революции, и восстановлен абсолютизм.

Период с 1851 по 1859 год вошёл в историю Австрийской империи как период неоабсолютизма. Систему управления, установившуюся в эти годы, часто называют «баховской системой» по имени ее автора – А. Баха. Суть ее сводилась к созданию сильного централизованного государства с единой финансовой и таможенной системой, единой армией, к ликвидации границ между австрийскими и неавстрийскими территориями. Реализации этой системы управления во многом способствовали реформы А. Баха в таможенной, судебной и административной областях, мероприятия по упорядочению торговой и финансовой политики, введение единой налоговой системы, а также проведение реформы в сфере образования. Однако достичь полностью желаемых результатов не получилось, так как буржуазные по своему содержанию реформы проводились абсолютистскими методами, да и сохранение ряда феодальных пережитков и разнородность национального состава населения не благоприятствовали успеху. Положение в стране обострилось с началом франко-итало-австрийской войны 1859 года, которая при-

несла поражение австрийским войскам и закончилась потерей для Австрии Ломбардии, а также ликвидацией ее влияния в центральных итальянских герцогствах – Парме, Модене и Тоскане. Начало 60-х гг. Австрия встретила, столкнувшись с рядом серьезных проблем. Именно экономическое и внутри- и внешнеполитическое состояние Австрийской империи в 1861 году стало объектом обсуждения на страницах британских периодических изданий.

В данной статье ставится задача проведения анализа публикаций в двух британских периодических журналах – *The Spectator* и *The Westminster Review*, посвященных австрийским событиям 1861 года. Интерес англичан к европейским континентальным странам был постоянным, но степень освещённости тех или иных событий варьировалась. В связи с этим интерес представляет проблема изучения на примере австрийской фактологии избирательности презентуемого британскими журналистами материала, степени его субъективности и объективности и т.д., а как следствие этого, влияния публикаций на формирование у англичан образа «другого» и собственно английского менталитета.

В рассматриваемый период в Великобритании издавалось достаточно много различных по направленности периодических изданий и газет. В центре нашего внимания два журнала. Первый – британский политический журнал-еженедельник *The Spectator* («Зритель») – был основан в 1828 году шотландским реформистом Робертом Ринтоулом, выступавшим за свободу прессы, самовыражения и торговли. Журнал специализировался на публикации и анализе новостей из сфер политики и культуры. Второй журнал – ежеквартальный *The Westminster Review* – издавался с 1823 по 1914 год и был основан как официальный орган философских радикалов.

50-е годы XIX века в истории Австрийской империи нашли отражение на страницах этих английских изданий. Так, журнал *The Westminster Review* охарактеризовал проводимую Габсбургами политику в эти годы как «католическую, абсолютистскую и немецкую, то есть прямо противоположную религиозным, политическим и национальным устремлениям нашего времени» [9, P. 504]. Как отмечалось выше, к 1861 году Империя Габсбургов представляла собой многонациональное государство, переживающее серьезные проблемы во внутри- и внешнеполитических областях. Кризис обострился и углубился еще больше после поражения Австрии в войне с Пьемонтом и Францией в 1859 году. В том же номере данного журнала отмечалось, что «события этой короткой войны поразили Европу не меньше, чем памятный разгром в 1849 году. Все усилия правительства (австрийского – *Т. Г.*) в течение десяти лет были сосредоточены на армии, главной движущей силе его централизующей политики, и при первом же испытании она сломалась» [9, P. 509]. *The Spectator* также не остается в стороне, и в февральском номере журнала приводится картина кризисной ситуации в стране. В частности, в статье отмечается, что Австрийская империя стоит на краю гибели, так как она уже потеряла Ломбардию, с Венецией также существуют проблемы, и она не «может считаться источником жизненной силы». Венгрия готова вновь призвать к оружию, а польские территории «возбуждены национальной «идеей». Даже Тироль, который был «всегда верным», частично склонен присоединиться к Италии. Более того, «наследственные государства требовали привилегий и представительства» (речь идет о Чехии, Моравии и австрийской Силезии – *Т. Г.*). Всё это усугублялось неблагоприятным состоянием в финансовой сфере, сложной атмосферой в армии, а также тем, что «средний класс был возмущен налогами,

крестьянство было раздражено национальным поражением...». Бывшие союзники Австрии не желали вмешиваться в ее дела [8, pt. 1, 9 Febr., P. 136].

Однако, как считает *The Spectator*, ситуация не так страшна, как кажется. Что касается финансовых затруднений, то он пишет, что «денег всё еще достаточно, чтобы обеспечить снаряды», и известны примеры того, как Империя успешно переживала банкротство. Журнал указывал на следующие черты ее экономического, а скорее, финансового состояния: администрация, «пусть запоздалая и плохая», всё равно дешевая; отсутствие колоний, которые требовали денежных затрат; армия стоит меньше, чем в любой другой державе, кроме России; гражданская служба, пожалуй, единственная в Европе, которая может какое-то время обходиться вообще без жалованья; долг, каким бы тяжелым он ни казался, мог быть обеспечен на время без каких-либо более жестких мер, чем секвестр церковных земель; остается неисчерпанным могучий ресурс косвенного налогообложения на научных принципах, так как при тридцатимиллионном населении таможенные доходы Австрии меньше, чем у некоторых частных английских фирм. И, пока существует и набирается армия, маловероятно, что немецкое население выступит против трона. Что же касается интеллигенции, или, как в журнале пишут, «культурных классов», то они «отнюдь не единодушны в своем желании довести дело до гражданской войны». И если аристократия и «немногие образованные люди» и стремятся к свободе, то они не желают, чтобы Австрия потеряла свой статус «первоклассной державы» [8, pt. 1, 9 Febr., P. 136–137].

Но, как бы то ни было, страна стояла на пороге серьезных преобразований. В центре внимания британских журналистов были национальный вопрос и попытки венского правительства конституционным путём осла-

бить растущее антиавстрийское настроение на немецких территориях Империи.

Англичан привлекает династия Габсбургов как таковая. На страницах *The Westminster Review* мы находим довольно положительные отзывы о самих представителях этой династии. «Ни один царствующий Дом не может похвастаться такой непрерывной чередой самых любезных, доброжелательных, честных и справедливых людей в частной жизни (как Габсбургский дом – *Т. Г.*). Они внушали настоящую привязанность всем, кто ежедневно с ними общался <...>» [9, Р. 505], – пишут журналисты. Надо отметить, что роль династии Габсбургов в истории страны отмечают и историки XX века. Так, известный британский исследователь А. Тейлор писал следующее: «Ни одна фамилия (династия) не существовала так долго и не оставила такой глубокий след в Европе: Габсбурги были величайшей династией современной истории, и история Средней Европы вращалась вокруг них, а не наоборот» [Цит. по: 2, С. 12]. С этим высказыванием соглашается и отечественный историк Т. М. Исламов, который утверждает, что Габсбурги «сделали» Австрийскую империю. По его мнению, «...средне-европейская Империя была сотворена волею, умом, чаще ловкостью, хитростью, изворотливостью, но также и последовательной целеустремленностью нескольких поколений Австрийского дома – фамильной чертой габсбургской династии. Империя была произведением династии, она возникла благодаря ей и пала вместе с ней» [2, С. 12].

Однако в начале 60-х гг. XIX века английские журналисты отмечали, что существовал «вопиющий» контраст между личным характером монархов и их политикой. И причину такого противоречия они видели «в той семейной вере в Божественное право, которой должно подчиняться всё остальное, даже хорошие качества монархов». Эта жестокая вера была и оставалась краеугольным кам-

нем всей политики Австрии, утверждали британские современники [9, Р. 506]. И они не останавливались перед серьезной критикой этой политики.

С одной стороны, они старались обрисовать тот контур взаимоотношений, который сложился в Империи на протяжении длительного времени к моменту рассматриваемых событий. Так, говоря об административной структуре Империи, *The Westminster Review* отмечает, что каждая из ее провинций существовала как нация, сохранялись традиции «национального существования», и вся «восточная группа» (восточные славянские и неславянские территории Империи – *Т. Г.*) «всё еще обладала всеми существенными чертами свободного правления». В связи с этим делается вывод о том, что «ни физическая, ни моральная сила немецкого элемента не была рассчитана на то, чтобы формировать других по своему образу и подобию...» [9, Р. 507]. Такое заявление было явным преувеличением, поскольку политика онемечивания, особенно навязывания немецкого языка, проводилась венским правительством всегда, что вызывало крайнее недовольство немецкого населения страны. И сами же журналисты в этой же публикации помещали прямо противоположный приведённому выше высказыванию тезис о том, что «мания германизации была не нова, но она держалась в рамках, пока сохранялась связь с Германией», и попытки возобновить ее повлияли на происходящие в Империи рассматриваемые события [9, Р. 506]. Англичанами высказывалось предположение, что единство немецких и других «различных элементов» могло заключаться в свободном развитии национальных устремлений каждого из них. При таких условиях «австрийская династия могла бы играть роль Пьемонта в Италии, России на Востоке, а в Германии – роль, которую ещё предстоит сыграть», пишет *The Westminster Review*. Однако, этого

не случилось, и причину журналисты видят в «устаревших представлениях о Божественном праве государей» и «односторонних узколобых немецких традициях» [9, Р. 507].

Надо отдать должное британским журналистам в их подчас довольно объективных оценках политических действий венского правительства. И это в первую очередь касается ее национальной политики. Они открыто заявляют, что «...Австрия стала притчей в языцах для всех наций, их самым систематическим и настойчивым врагом...» [9, Р. 508]. Они обосновывают это заявление тем, что династия делала всё, что было в ее силах, чтобы проводить свою собственную политику, возбуждая и разжигая раздоры между различными расами, и таким образом способствовала, главным образом, разрушению своей собственной цели – единства Империи.

Значительное внимание англичан привлекали действия Вены в области конституционных преобразований. В октябре 1860 года был принят проект новой Конституции под названием Октябрьский диплом, согласно которому восстанавливались сеймы и ландтаги, т.е. представительные органы в провинциях Империи, с расширенными функциями в решении местных вопросов. Таким образом, землям Империи предоставлялось самоуправление в решении тех вопросов, которые не относились к сфере общенациональных. Венгрия получила возможность восстановить комитатскую систему, венгерский язык объявлялся официальным языком [Подробнее см.: 3, С. 212–213; 5, С. 516]. Но публикация этого документа не нашла понимания у различных народов империи, антиавстрийские выступления продолжались, росло всеобщее недовольство венским двором. Как отмечает Е. В. Котова: «...Октябрьский диплом не только не успокоил страсти, но и явился новым стимулом для выдвижения национальных требований. Кризисная ситуация обострилась до предела» [5,

С. 517]. И тогда имперское правительство идет на следующий шаг: 23 февраля 1861 года публикуется новый акт, получивший название «Февральский патент». Как охарактеризовал его Л. М. Василевский, «этот акт был первой введенной в действие австрийской конституцией» [1, С. 12]. «Февральский патент» предусматривал создание двухпалатного парламента – рейхсрата, состоящего из палаты господ и палаты депутатов, избираемой провинциальными сеймами и ландтагами. Кстати, при обсуждении европейских событий в британском парламенте в мае 1861 года депутаты палаты общин в целом доброжелательно высказались о конституционных шагах венского двора. Суть выступлений английских коммонеров сводилась к следующему: Австрию не надо рассматривать как страну деспотическую: она предоставила своим провинциям автономию и самоуправление в гораздо больших масштабах, чем сами англичане предоставили бы Шотландии или Уэльсу, и гораздо больше независимости, чем Вестминстер готов был дать Ирландии; Австрию следует поощрять и подбадривать на пути конституционной реформы и не выдвигать ей требований, которые она бы не смогла выполнить; император Австрии изменил институты своей страны и дал своему народу Конституцию, основанную на свободных принципах, поэтому англичане не могли не радоваться тому, что «принципы представительного правления признаны, и что представители народа собраны вместе», и что им будет предоставлено право решать вопросы, касающиеся налогов и расходов, что является «зародышем свободного представительного правительства» [7, Col. 162].

The Westminster Review предрек этой новой австрийской конституции «раннюю смерть», если она уже не была «полностью мертворожденной». Династия придерживалась принципа «разделяй и властвуй». Поэтому сомнение у журнала вызывало отсут-

ствие желания разнородных элементов, из которых состояла Австрийская империя, «когда-либо работать вместе в общем представительном собрании», с одной стороны, а с другой – способность Габсбургской династии «перекинуть мост через широкое ущелье, разделяющее восточную группу, включая Венгрию и ее коронные земли, и привести к гармонии» людей, столь различных по законам, обычаям, языку и идеям [9, P. 519]. Но именно благодаря политике династии эти разные народы научились смотреть друг на друга с недоверием и завистью, как на врагов, замечают англичане. Поэтому ни о какой гармонии не может идти речь.

Несмотря на наличие в Империи многих народов, особый акцент в журнальных публикациях делался на политику Вены в отношении Венгрии, которая представлена на страницах британских журналов аграрной страной, почти полностью лишённой обрабатывающей промышленности, в то время как западная половина Империи имеет промышленность, поддерживаемую соответствующим законодательством. В публикациях отмечалось, что в Венгрии правительство дешевле, чем в любой другой стране мира: все магистраты в городах и уездах имеют только номинальную зарплату. В Венгрии царит дух религиозной терпимости, которого нет больше нигде. Журналисты делали заключение, что она «<...> нуждалась в совершенно иной системе налогообложения, иных законах, общественных отношениях, привычках и обычаях, чем остальная Империя» [9, P. 520–521]. The Spectator хотел донести до своих читателей мысль о том, что венгры не желали полной независимости от Австрии, утверждая, что «в Венгрии даже высшие лидеры народа воздерживаются от необходимости отделения». Более того, подчеркивалось, что среди крестьянства всё ещё существует сильное католическое чувство, а также сильная неприязнь к тому, что они знают о прусских и лютеранских идеях. На позиции

венгерских политических лидеров влиял ряд факторов, в том числе удачное географическое положение Австрии, страх перед славянской державой (т.е. перед Россией – Т. Г.), поэтому «Венгрия, даже после 1848 года, всё ещё не желает оставаться в одиночестве». Английские журналисты делали вывод о том, что более радикальные патриоты «по-прежнему просят не о новой династии, а об изменении политики в старой» [8, pt. 1. 9 Febr., P. 136]. Но при этом они очень чётко обозначали наличие серьезнейшей проблемы, т.е. венгерского вопроса, с которой Габсбурги должны были считаться. Ежедневник, можно сказать, предупреждал венское правительство, что Австрия должна опасаться «именно венгерской национальности, а не тирольского недовольства». По их мнению, потерять Венгрию означало для Австрии потерять ее императорский титул, погрузиться в герцогство меньшее, чем Пруссия, менее густонаселенное, чем Италия. А опасность потерять Венгрию действительно существовала» [8, pt. 1. 9 Febr., P. 136]. В свою очередь, The Spectator приводит слова Антона фон Шмерлинга, австрийского министра государственного строительства, который очень точно определил политику Венского правительства в отношении Венгрии, сводившуюся к тому, что «Австрия относится к Венгрии не как к стране с конституционной историей и правами, а как к завоеванной стране, чьи единственные политические права являются благами императорской милости и датируются дипломами октября и февраля прошлого года» [8, pt. 2, 7 Sept., P. 974]. И, следовательно, венгры должны радоваться тому, что им дарует Вена. Таким образом, английскому читателю преподносятся все аргументы для обоснования обострения национального вопроса в империи.

На рубеже 1860–1861 гг. в Империи, и в Венгрии, в частности, антиавстрийские настроения усиливаются. Британский ежене-

дельник *The Spectator* писал, что десять лет военного деспотизма закончились тем, что, с одной стороны, более лояльные народы, или, как англичане называли, «национальности», заняли позицию «отчуждения», а с другой – наблюдается единодушие тех народов, которые ранее были враждебно настроены друг против друга. В одном из сентябрьских номеров этого журнала приводится довольно показательный пример таких настроений: «<...> те провинции Австрии, которые больше всего стремились помочь имперскому заговору против Венгрии в 1848-49 годах, теперь так же, как и сама Венгрия, утвердились в своей решимости противостоять навязанной им централизации. Елачич, вице-пан Хорватии и брат знаменитого пана, который со своими хорватами спас Австрийскую империю от разрушения в 1849 году, публично заявил в Хорватском сейме, что он предпочел бы быть под властью турок, чем под властью абсолютизма цивилизованных наций, и за эту речь он был отстранен от своего поста и получил приказ поселиться в самом сердце Богемии» [8, pt. 2, 7 Sept., P. 974]. А применительно к Венгрии высказывалось предположение, что если бы Венгрия снова смогла восстать, то у нее было бы больше шансов на то, что ее армию возглавит Елачич, чем армию австрийских завоевателей [8, pt. 2, 7 Sept., P. 974].

Венгерский историк Л. Котлер считает, что массовое недовольство венгров было настолько мощным и достигло такой остроты, что «период этот стали называть «маленькой революцией». Во-первых, венгры не приняли Октябрьский диплом, считая его «неприемлемым» и выступая за восстановление конституционного устройства 1848 года как «базового» [4, С. 94]. Во-вторых, аналогичная реакция венгров была и на новый конституционный документ «Февральский патент» 1861 года. Венгрия не хотела мириться с положением даже привилегированной про-

винции и «требовала признания «исторических прав», т.е. «коронования Франца Иосифа короной Св. Стефана, восстановления конституции 1848 года и воссоединения с Венгрией отнятых у нее после революции Трансильвании и Кроации (Хорватии)» [1, С. 13]. Австрийский парламент – рейхсрат – не мог полноценно работать, поскольку венгры, а вслед за ними хорваты, итальянцы, чуть позднее чехи и поляки покинули его, а конфликт по нерешенным финансовым вопросам привел к выходу из него и австрийскую либеральную партию [1, С. 13]. Империя явно переживает кризис, который, как отмечал *Westminster Review*, затрагивает не только Венгрию и остальную Империю, но и само существование Австрии как таковой. Венгрия возглавила в рассматриваемый период агитацию, потому что она дальше других продвинулась в свободных учреждениях, а за ней более или менее последовали все другие провинции. «Национальная жизнь и самоуправление – лозунг в каждой провинции, и агитация решительно антиавстрийская» [9, P. 522], – констатирует журнал. Однако политика Вены на ослабление антиавстрийских настроений к осени 1861 года не увенчалась успехом.

Анализ публикаций в британских журналах дает основание полагать, что в целом требования венгров находили понимание у их авторов. Обращаясь к английскому читателю, *The Spectator* задается вопросом, разве может какой-нибудь англичанин, каким бы консервативным он ни был, упрекнуть венгров в том, что они могли допустить, что революция (революция в Венгрии 1848–1849 гг. – *Т. Г.*) отменила всю конституционную историю предшествующих столетий, что «грубое и неконституционное австрийское угнетение, вызвавшее эту революцию, должно быть вознаграждено отменой всех обещаний, данных Коронай народу, а сам акт самозащиты должен быть наказан потерей всех прав, ко-

торые народ вырвал у Короны». Журнал явно осуждает австрийскую политику в отношении венгров, называет ее «безумной», особенно когда речь заходит о навязывании им «неопробованной австрийской Конституции» путем преднамеренного оскорбления «единственной испытанной и исторической Венгерской конституции» [8, pt. 2. 7 Sept., P. 974].

Критика антивенгерского курса Габсбургов становится более острой в британских журнальных публикациях конца 1861 года. Связано это было с тем, что 22 августа император Франц Иосиф издал указ о роспуске венгерского Государственного собрания, а 5 ноября Правительство объявило официально о прекращении «конституционного правления». В Империи был восстановлен автократический централизм, известный как «провизориум Шмерлинга», поскольку именно Шмерлинг встал во главе него. Он рассматривался как временная мера до тех пор, пока венгры не согласятся участвовать в работе имперского парламента. Фактически в стране было введено чрезвычайное положение [Подробнее см.: 3, С. 222–223]. Этот акт Вены привел к еще большему обострению отношений двух сторон и вызвал осуждение как в самой Империи, так и за рубежом.

Серьезной критике подвергся сам император Франц Иосиф. И если в публикациях начала года Габсбургская монархия и ее представители оценивались сдержанно и, как выше отмечалось, даже позитивно, то в осенних номерах журнала *The Spectator* звучит уже неприкрытое осуждение политического курса императора. «Австрийский император объявил войну Венгрии», – констатируется в ноябрьском номере журнала. И англичане даже не могут понять, замечает еженедельник, что на самом деле означает осадное положение, распространяющееся на всю страну. А это означает, как пишет журнал, что «повсюду в Венгрии солдаты должны править, взимать налоги и вершить пра-

восудие, втягивать в ряды конунгов, чтобы помочь угнетать своих соотечественников, и убивать крестьян», а также «полную утрату всех привилегий, исчезновение всякой ценности в собственности, ежечасные угрозы, вечные страдания и несправедливость, все ужасы, отличающие царство террора, добавленные ко всем ужасам, присущим гражданской войне» [8, pt. 2. 9 Nov., P. 1221]. Вот такие картины рисуют британские журналисты о сложившейся ситуации в Венгрии в результате законов Франца Иосифа.

Что же касается самого императора, то он предстает перед британскими читателями правителем, на которого смотрели в 1848 году как на последнюю надежду по спасению династии, которого с 1849 года льстецы провозгласили «основателем Австрии, принцем, который, несмотря на бури революции, сохранил нетронутыми владения и политику своего дома». Однако он не оправдал их надежд, так как сорвал цели, которые ставила перед собой династия, к которой он принадлежал, и нанёс ей поражение. Ему вменяют в вину то, что он лишил Австрийскую империю богатейшей провинции, т.е. Ломбардии. «В течение двухсот лет австрийская кровь и сокровища расточались в стремлении завоевать итальянское господство, которое Франциск Иосиф отбросил в один час», – пишут журналисты. Династия гордилась своей армией, и в первом же походе был «разрушен ее боевой дух». Прежде династия действовала по принципу «разделяй и властвуй», а Франц Иосиф, «стремясь уничтожить различия, которые были его безопасностью», сделал всё, чтобы провинции стали едины «чувством ненависти» к Австрии. «Венеция и Венгрия наконец-то объединились, но именно в своем отвращении к нему (императору – *Т. Г.*)». И далее следует уничижительная характеристика Франца Иосифа: «Деспот и конституционалист, он потерпел неудачу в обоих своих качествах, и

половина его подданных презирает свободы, отказ от которых превратил другую половину в его серьезных врагов. Победенный в битве, обманутый в дипломатии, ненавидимый своим народом и презираемый своими братьями-деспотами, император решает одним великим переворотом превзойти все предыдущие неудачи и добиться, наконец, возмездия, которого он так долго заслуживал» [8, pt. 2. 9 Nov., P. 1221]. В деспотизме этих Габсбургов есть нечто такое, что будоражит кровь, как никакой другой деспотизм, заключает британский журнал. В его ноябрьской публикации приводится интересное сравнение политики монархических домов Европы. В ней отмечается, что другие дома совершали поступки как зло, но, по крайней мере, у них был мотив. Так, русские цари хотят завоевать весь мир, бонапарты «тиранизируют» во имя общества и цивилизации. Но у австрийцев «нет ни причины, ни мольбы, ни животворящей надежды: они уничтожают народы из личной досады и разрушают Империю, чтобы угодить священнику (Римскому папе? – *Т. Г.*)» [8, pt. 2. 9 Nov., P. 1221]. Таким образом, Австрия и ее правитель Франц Иосиф представлены английскими журналистами в довольно неприглядном виде.

Необходимо отметить, что журналисты не только освещали и комментировали происходящие в Империи события. В духе чисто британского менталитета они пытались давать австрийцам советы. Они писали: «...наше дело – не осуждать злодейство его (Франца Иосифа – *Т. Г.*) поступка, а указать на его безрассудство». А безрассудство императора заключается в том, что он не видит опасности со стороны Франции, на что и указывают англичане. «Самая большая опасность исходит от интриг Наполеона», – заявляли они. А также проводили мысль о том, что война между Австрией и Францией за итальянские земли неизбежна: «Из Тюильри уже намекнули, что путь в Рим лежит через

Венецию». И в это время Франц Иосиф вводит военный режим в Венгрии, тогда как именно венгры могли стать важной военной опорой в возможной войне с французами. *The Spectator* четко указывает на значение венгров для Австрии с военной точки зрения. По мнению журналистов, лучшей частью армейской обороны будет именно венгерская. Резервная армия должна быть сформирована из венгерских призывников, а Венгрия является единственной провинцией, которая могла бы пополнить военный сундук, – таков их вердикт. Но хотя, как они указывают, самая «насуцная потребность» Австрии – это союзы, император «отвергает тот, который удвоил бы его силу» [8, pt. 2. 9 Nov., P. 1222]. В этом проявляется недалёковидность Франца Иосифа как представителя Габсбургской династии. Англичане настоятельно советуют австрийскому императору вернуть «мадьярам конституцию, которую его семья тысячу раз клялась соблюдать», и он сразу же вернет себе искреннюю преданность венгерского народа. Он не сможет иметь больше, если десять раз завоюет Венгрию, уверяют они. А Венгрия, «восстановив свою конституцию и обеспечив свои свободы национальной армией», охотно уступит своему королю контроль над своей дипломатией [8, pt. 2, 3 Aug., P. 834].

И еще на два небольших сюжета в публикациях английских журналов, посвященных австрийской проблематике, хотелось обратить внимание. С одной стороны, нередко в них можно встретить сопоставление австрийских проблем с британскими, т.е. обращение журналистов к историческому и политическому опыту своей страны, а с другой – интерес представляют их рассуждения о значении Австрийской империи для Европы в целом.

Во-первых, затрагивая вопрос о национальной силе и «независимости расы» (скорее, народа – *Т. Г.*), журналисты подчерки-

вают, что они и в Венгрии, равно как и в Англии, обуславливаются «изоляцией». Венгры как «восточная раса», оказавшаяся среди различных рас и угрожаемая как со стороны Германской империи, так и со стороны «воинственным духом магометанства», должны были бороться за свое существование, и они выжили благодаря своей живучести [9, P. 510–511].

Во-вторых, журналисты, касаясь вопроса о начавшихся на рубеже 1860–1861 гг. в Империи волнениях, пытаются убедить своих британских читателей, что ничего страшного не происходит: аналогичные события были и в истории их страны. Они пишут, что в германских провинциях Австрии не происходит ничего такого, что не происходило бы неоднократно в Англии, в том числе в ней были выступления, какие имеют место в данный момент в Тироле, а «отвращение, испытываемое к Королевскому дому, не больше, чем неприязнь народа (английского – *Т. Г.*) к немецким наследникам королевы Анны». Более того, следовало заявление: если тирольцы угрожали восстанием, то ирландцы бунтовали снова и снова. Англия неоднократно набирала свои лучшие полки из ирландцев, которые у себя дома требовали войны против саксов, а за границей укрепляли господство последних во всех уголках мира [8, pt. 1. 9 Febr., P. 136]. И еще один факт из рассуждений английских журналистов можно привести как заслуживающий внимания. Критикуя Франца Иосифа за его недалёковидную и «безрассудную» политику в отношении Венгрии, они заявляют следующее: «Представьте себе, что Англия объявляет войну Шотландии, в то время как Ирландия восстает и грозит вторжением, и мы имеем точную аналогию с австрийской ситуацией» [8, pt. 2. 9 Nov., P. 1222].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что же касается позиции Великобритании в «австрийско-венгерском вопросе», то в

британских журналах проводится мысль, что события в Австрийской империи стали досадной помехой (в международных делах – *Т. Г.*) и в интересах мира в Европе им надо положить конец. Все советы, которые давались Австрии, были ею проигнорированы, она делает всё, чтобы «привести в отчаяние и венгров, и итальянцев, не удовлетворяя даже других своих народов», следовательно, надо перестать ее поддерживать и позволить ее населению решать свои проблемы самостоятельно. «Принцип невмешательства есть в устах каждого в Англии, и это истинный принцип, с помощью которого можно решить проблему в Австрии в одиночку», – пишет *The Westminster Review*. Англия должна придерживаться «принципа невмешательства» [9, P. 825]. Необходимо иметь в виду, что британские правящие круги были заинтересованы в сильной Австрийской империи. В частности, во время майских дебатов 1861 года в палате общин по австрийским событиям английские парламентарии высказывались за то, чтобы «в центре Европы существовало могущественное государство – государство, не только обладающее любовью и добрым нравом своих подданных», но и имеющее сильное в управлении страной правительство [7, Col. 1863]. Английские журналисты также в своих публикациях подчеркивали роль и значение Австрийской империи для Европы. «В ценности сильной Австрии для европейской системы не сомневается ни один дальновидный государственный деятель. Занимая центр Европы, на полпути между Россией и Францией, между самодержавием и революцией, Австрийская империя в любой великой континентальной борьбе должна сохранять равновесие сил», – дает оценку *The Spectator*. Более того, в журнале утверждалось, что внешняя политика Австрии не была уж столь агрессивной, как представляется. «Управляемая <...> семьей без гения через аристократию, без иностран-

ных амбиций, австрийская политика имела тенденцию к некоторому ленивому спокойствию, нарушаемому только потрясениями непокорных наций, сжатых под ее свинцовым правлением». Фактически она была своеобразным буфером, «разделяющим противоборствующие силы». И как отмечает журнал, английские «государственные мужи» боятся, что этот буфер будет разрушен, а Империя может разбиться на кусочки. Кстати, журнал критикует лорда Пальмерстона как главу британского правительства за то, что он, провозгласив принцип невмешательства в австрийские дела, выступает за «мирное урегулирование» проблем с Венгрией. Хотя, как пишут журналисты, известно, что «мирное урегулирование» вопроса означает «подчинение Венгрии несправедливым требованиям» (со стороны австрийцев – Т. Г.) [8, pt. 2, 3 Aug., P. 833–834]. Империя Габсбургов нужна Европе как противовес Франции и России, и, хотя опасность со стороны последней «в настоящее время химерична», Австрия со своим недовольным народом не сможет защитить от них Европу.

Вот такое восприятие Австрийской империи 1861 года и ее императора Франца Иосифа формировалось у жителей Британских островов благодаря разносторонним публикациям в английских периодических изданиях.

Библиография:

1. Василевский Л.М. Австро-Венгрия. Политический строй и национальные вопросы: Очерк. – СПб.: Типография С.М. Проппера, 1906. – 64 с.
2. Исламов Т.М. Империя Габсбургов. Становление и развитие. XVI–XIX вв. // Новая и новейшая история. – 2001. – № 2. – С. 11–40.
3. История Венгрии. В 3 т. – Т. 2 – М.: Наука, 1972. – 599 с.
4. Котлер Л. История Венгрии. Тысячеле-

тие в центре Европы. – М.: Весь мир, 2002. – 565 с.

5. Котова Е.В. Габсбургская монархия в XIX веке: от абсолютистской империи к конституционному государству // Всемирная история. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. – М.: Наука, 2014. – С. 504–526.

6. Монархи Европы. Судьбы династий / Ред.-сост. Н.В. Попов. – М.: Республика, 1996. – 623 с.

7. Hansards Parliament Debates. – 3S. – London – 1861. – Vol.162.

8. The Spectator. – London – 1861 – Vol.34. – Pt.1–2.

9. The Westminster Review. – London – 1861 – Vol.75 (Jan-Apr 1861).

References:

1. Vasilevskiy L.M. Avstro-Vengriya. Politicheskiy stroy i natsional'nyye voprosy [Austria-Hungary. Political system and national issues]: Oчерk. - SPb.: Tipografiya S.M. Proppera, 1906. – 64 s. (In Russ.).
2. Islamov T.M. Imperiya Gabsburgov. Stanovleniye i razvitiye. XVI-XIX vv. [Empire of the Habsburgs. Formation and development. XVI-XIX centuries] // Novaya i noveyshaya istoriya. – 2001. – №2. – S.11-40. (In Russ.).
3. Istoriya Vengrii [History of Hungary]. V 3t. – T. 2 – М.: Nauka, 1972. – 599 s. (In Russ.).
4. Kotler L. Istoriya Vengrii. Tysyacheletiyе v tsentre Yevropy [History of Hungary. Millennium in the center of Europe]. – М.: Ves' mir, 2002. – 565s. (In Russ.).
5. Kotova Ye.V. Gabsburgskaya monarkhiya v XIX veke: ot absolyutistskoy imperii k konstitutsionnomu gosudarstvu [The Hapsburg Monarchy in the 19th Century: From an Absolutist Empire to a Constitutional State] // Vsemirnaya istoriya. T.5. Mir v XIX veke: na puti k industrial'noy tsivilizatsii. – М.: Nauka, 2014. – S.504–526. (In Russ.).

6. Monarkhi Yevropy. Sud'by dinastiy [Monarchs of Europe. The fate of dynasties] / Red.-sost. N.V. Popov. – M.: Respublika. – 1996. – 623s. (In Russ.).

7. Hansards Parliament Debates. – 3S. – London – 1861. – Vol.162. (In Engl.).

8. The Spectator. – London – 1861 – Vol.34. – Pt.1-2. (in Engl.).

9. The Westminster Review. – London – 1861 – Vol.75 (Jan-Apr 1861). (in Engl.).

УДК 323.272(470)''1917''+321(476)

DOI: 10.22394/2225-8272-2021-10-4-107-116

МАМАЙКО Иван Андреевич, соискатель кафедры историко-культурного наследия Беларуси, Республиканский институт высшей школы (Республика Беларусь, Минск), e-mail: mamayko.1974@mail.ru

MAMAİKO I.A., Applicant for the Department of Historical and Cultural Heritage of Belarus, Republican Institute of Higher Education (Republic of Belarus, Minsk), e-mail: mamayko.1974@mail.ru

РОССИЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА И БЕЛОРУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

THE RUSSIAN REVOLUTIONS OF 1917 AND THE BELARUSIAN STATEHOOD

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение актуальных вопросов взаимовлияния российских революционных событий 1917 года на белорусскую государственность. Характеризуя путь, который прошла Беларусь в контексте революционных событий первой четверти XX века, необходимо констатировать, что главным итогом стало появление на территории Беларуси первых национально-государственных образований – БНР и ССРБ. ССРБ, являясь государственным образованием на советской основе, став в последующем Белорусской Советской Социалистической Республикой, после трёх укрупнений своей территории – в марте 1924, сентябре 1926 и ноябре 1939 годов – объединила в своём составе основные белорусские этнические земли. Автор посредством анализа источников приходит к выводам, что главным результатом этого исторического периода является становление белорусской государственности.

Ключевые слова: революции в России, Россия, Республика Беларусь, белорусская государственность, национально-государственные образования.

Abstract. The purpose of the article is to consider topical issues of the influence of the Russian revolutionary events of 1917 on the Belarusian statehood. Characterizing the path that Belarus took in the crucible of the revolutionary events of the first quarter of the twentieth century, it must be stated that its main result was the appearance on the territory of Belarus of the first national-state formations - the BNR and SSRB. SSRB, being a state entity on a Soviet basis, later becoming the Belarusian Soviet Socialist Republic, after three consolidations of its territory in March 1924, September 1926 and November 1939, united the main Belarusian ethnic lands. By analyzing the sources, the author sees that the main result of this historical period is that the Belarusian statehood received geopolitical weight, a real socio-economic basis, which ensured the further progress of the country.

Keywords: revolutions in Russia, Russia, the Republic of Belarus, Belarusian statehood, national-state formations.

ВВЕДЕНИЕ

После Февральской революции, произошедшей в России в 1917 году, главным устремлением носителей белорусской национальной идеи (а они в абсолютном своем большинстве были представители левых, социалистических

взглядов) было получение автономии в рамках провозглашённой после революции Российской Республики. Однако даже эти скромные мечты наталкивались на противодействие со стороны Временного правительства.

В том же 1917 году, уже после

Октябрьской революции, положение Беларуси обозначается процессом революционных преобразований и политическими событиями, которые имели для белорусского народа судьбоносный характер.

Главный результат этого исторического периода, как подчеркивают белорусские учёные, заключался «в том, что белорусская государственность получила геополитический вес, реальный социально-экономический базис, который обеспечивал дальнейший прогресс страны...» [1, С. 11].

Вопрос истории белорусской государственности, к которому со времён независимости Беларуси значительно возрос научный интерес, является «одной из наиболее актуальных и стержневых проблем в отечественной исторической науке» [1, С. 5]. В предыдущей исторической действительности, до объявления в 1991 году Республики Беларусь, принадлежавшие ей по этническому признаку исконные земли в разной степени и статусности входили в состав других государственных образований. Это и «...Полоцкое и Турово-Пинское княжества, Великое Княжество Литовское, Русское и Жемойтское, Речь Посполитая, Российская империя, Белорусская Народная Республика, Советская Социалистическая Республика Белоруссия, Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика, Советская Социалистическая Республика Белоруссия, Белорусская Советская Социалистическая Республика...» [1, С. 11].

Авторы соотечественники отмечают, что «...исторические формы государственности на белорусских землях принадлежали не только народу Беларуси, но и иным народам, на территории проживания которых эта форма существовала. Поэтому исторические формы государственности были многонациональными. Национальная форма

государственности – это такая форма, в которой заложено национальное содержание титулярного этноса. Соответственно национальные формы государственности были свойственны XX столетию» [1, С. 8].

«...Так уж случилось в белорусской истории, что постоянно кто-то претендовал на суверенность этих земель. Первоначально белорусские княжества, чтобы отбиться от монголо-татар, вошли в союз с Литвой. Возникло Великое Княжество Литовское, которому тут же пришлось отбиваться от крестоносцев. Потом территориальные претензии и перманентные войны участились в XIV – XVII веках: Великое Княжество Литовское сражалось с Московским царством. Неспособность справиться самостоятельно с внешними угрозами вызвала к жизни Люблинскую унию и возникновение Речи Посполитой, в которой, несмотря на формальное равноправие, доминировала польская культурная традиция и цивилизация, происходила ассимиляция белорусской знати – и в итоге случились три раздела Речи Посполитой, а земли Беларуси оказались в составе Российской империи. Там говорить о каких-либо формах государственности не приходилось» [2].

Принципиально новый этап в развитии белорусского общества начался после Февральской революции 1917 года. В 1917 году, с начала весны по конец осени, в Беларуси осуществляли свою работу 26 политических партий [3, С. 9, 10].

«Февральская революция в 1917 году создала благоприятные условия для белорусского развития, – пишет в своём исследовании белорусско-польских отношений в 1918–1922 гг. польский историк Кристина Гамулко. – Свою деятельность восстановила БСГ (Белорусская социалистическая громада), быстро умножающая свои ряды» [4, С. 26].

В марте 1917 года в Минске состоялся

съезд белорусских политических партий и организаций. Съезд высказался за государственно-территориальную автономию Беларуси в границах этнических участков, относящихся к СССР. Высшим органом власти в Беларуси должна была стать Белорусская краевая рада, но до её избрания съезд объявил себя высшей властью края и избрал Белорусский национальный комитет как исполнительный (председатель Р. Скимунт), который потом повёл переговоры с Временным правительством об автономии, а также о введении в «школах края изучения белорусского языка, истории Беларуси и других краеведческих дисциплин» [3, С. 26]. Однако предложение передачи власти Белорусской краевой раде не было поддержано Временным правительством.

Процесс становления и деятельности государственных органов, на которых возлагались функции поддержания правопорядка и общественной безопасности, пришедших на смену аналогичным органам Российской империи, на территории Беларуси также начался после Февральской революции 1917 года. Так, днем основания белорусской милиции считается 4 марта 1917 года. В этот день приказом гражданского коменданта г. Минска Самойленко на должность временного начальника милиции Всероссийского Земского союза по охране порядка в городе был назначен служащий Всероссийского Земского союза Михаил Михайлов (под этой фамилией скрывался большевик Михаил Фрунзе). С этого периода постепенно появляются ОВД, при этом первоначально это были вооружённые части для охраны порядка, ограниченные территориально границами [5, С. 9].

Приметные национальные черты начали появляться в культурно-просветительной сфере. В 1917 году возникли первые белорусские учебные заведения – Слуцкая земская (беларуская) гимназия, белорусские

начальные школы в Минске, также в Минске было образовано Товарищество белорусской культуры, которое начало издавать ежедневник «Вольная Беларусь», начало действовать Первое белорусское товарищество драмы и комедии [6, С. 127, 129, 132].

Необходимо подчеркнуть, что процесс белорусского национального движения происходил в условиях Первой мировой войны, когда четвертая часть Беларуси, где до войны проживало 2 миллиона человек, была оккупирована Германией. На оккупированной территории в 1915 году был образован Белорусский Народный Комитет (руководитель А. Луцкевич). Комитет старался консолидировать национальные силы на оккупированной территории и сыграл большую роль в создании концепции Конфедерации Великого Княжества Литовского – независимого, совместного белорусско-литовского государства с соймом в Вильно [7, С. 306]. Этот план имел мало сторонников и не был поддержан литовскими национальными кругами и германскими властями (литовцы радели о своей государственной независимости, идею которой обозначили ещё в 1896 году, а 11 декабря 1917 года под германским протекторатом Литовская Тариба объявила независимость Литвы со столицей в Вильно).

После Февральской революции на территории Беларуси начала формироваться новая вертикаль органов государственной власти. На уровне губерний это были комиссары Временного правительства, «как правило кадеты, из депутатов государственных дум или сотрудников земств, городских дум, разного рода общественных организаций» [8, С. 178]. В городах и местечках Беларуси образовывались также Советы рабочих и солдатских депутатов. В Минске данный Совет был образован в начале марта

1917 года. Во время перевыборов, которые произошли в сентябре этого же года, в Минский Совет было избрано 337 депутатов, в том числе большевиков – 184, эсеров, меньшевиков и бундовцев – 105, беспартийных – 48 [9, С. 38].

В то же время боевые действия и условия военного положения на территории Беларуси вызвали трагедию общенационального масштаба – массовое превращение мирного населения в беженцев. Беженские комитеты были образованы в Борисове, Бобруйске, Березино, Игумени, Калинковичах, Карамцевичах, Капцевичах, Лахве, Муляровце, Микашевичах, Острошицком Городке, Пуховичах, Речице, Смиловичах, Смолевичах [10, С. 109]. К середине 1916 года на территории России находилось 1,3 миллиона лиц из белорусских губерний, в мае 1918 года их было почти на миллион больше [11, С. 128]. Численность жителей Беларуси к 1914 года составляла 7,5 миллиона человек, через два года общее число снизилось до 6,9 миллиона [6, С. 122]. Демографическая ситуация значительно ухудшилась и в связи с мобилизацией. Из Минской, Могилевской и Витебской губерний мужчин призвали в российскую армию [12, С. 176].

После Октябрьской революции на территории Беларуси начался процесс закрепления и организации советской власти на местах по аналогии с другими союзными частями. При рассмотрении национального вопроса отличительной чертой позиции руководства Западной области было его отрицание через «отрицание исторических, национально-исторических предпосылок» [13, С. 336]. Сторонниками разрешения национального вопроса являлись белорусские национальные организации, которые сплотились вокруг Большой белорусской рады. Данная организация была образована в октябре 1917 года на

совместном заседании Центральной рады белорусских партий и организаций и Центральной белорусской армейской (войсковой) рады (избрана в октябре 1917 года на съезде белорусов – военнослужащих Западного фронта и представителей белорусских организаций Балтийского флота). Поддержку Большой белорусской раде оказывали и белорусские диаспоры на территории России (в частности, Казани, Оренбурга, Пскова, Таганрога, Одессы, где диаспора насчитывала свыше 100 тыс. человек) [13, С. 334].

Для национального самоопределения 5 декабря 1917 года в Минске собрался I Всебелорусский съезд, включающий 1872 делегата [6, С. 92], которые представляли организации, комитеты и союзы губернского, уездного и волостного уровня, белорусские воинские формирования, органы самоуправления, комитеты беженцев, исполнительные органы Белорусского областного комитета, Большой белорусской рады, Центральной белорусской армейской (войсковой) рады. Белорусский областной комитет отстаивал идею областной автономии в составе РСФСР. Съезд вызвал негативную реакцию тех, без участия которых он проходил, что ярко свидетельствовало об отношении его участников к этому органу. В результате съезд в ночь на 18 декабря 1917 года и его решения отменили.

18 февраля 1918 года развернулось наступление немецких войск на восток, что во многом повлияло на дальнейший ход событий. Территории были заняты немцами, и достижения предыдущего периода отменены. 3 марта 1918 года СССР и Германия подписали мирный договор, расставляя приоритеты только по своим вопросам и территориям без учёта инициатив белорусских земель [3, С. 71].

И хотя значительная часть земель и принадлежала другим странам, но в оккупированном немецкими войсками Минске 9 марта 1918 года провозгласилось создание Белорусской Народной Республики (БНР). Образование БНР и деятельность её правительства в условиях немецкой оккупации вызывают неоднозначные оценки белорусских историков. Но нельзя не согласиться, что это была первая практическая попытка реализации идеи белорусской государственности, кроме того, необходимо учитывать, что в 1918 году БНР призналась Украиной, а белорусские дипломатические консульства и представительства БНР работали в Германии, Болгарии, Турции, Чехословакии, Финляндии, Латвии, Эстонии, Советской России [3, С. 88; 12, С. 370]. Были предприняты усилия в области государственного строительства, в частности образования белорусских армейских формирований и милиции. Распорядительно-исполнительные органы БНР организовали работу от 150 до 350 белорусских школ, 5 гимназий, Свислочской семинарии, Минского педагогического института, курсов белорусознания, Белорусской консерватории; Первое товарищество белорусской драмы и комедии было реорганизовано в Белорусский Государственный театр БНР [1, С. 383; 2, С. 88].

В результате продвижения Красной армии на запад значительная территория Беларуси (вместе с Минском) в конце 1918 года отошла под юрисдикцию советской власти. Приход в это время к власти в Польше новых сил, которые взяли курс на восстановление Речи Посполитой в границах 1772 года, провозглашение и деятельность БНР, настойчивые предложения белорусов большевиков о необходимости решения белорусского национального вопроса

подтолкнули правительство Советской России согласиться с необходимостью создания вдоль западной границы РСФСР буферной зоны с формально независимой Белорусской Советской Республикой, что и закреплялось принятой 3 февраля 1919 года первой Конституцией. 5 января столицей ССРБ стал Минск, куда переехало Временное правительство [16, С. 183].

16 января 1919 года ЦК РКП(б) без предварительного обсуждения с правительством ССРБ и партийным руководством республики исключает из её состава Могилевскую, Витебскую и Смоленскую губернии, которые вошли в состав РСФСР [6, С. 108], и принимает решение об объединении оставшейся части ССРБ с Литовской ССР в Литовско-Белорусскую ССР (ЛитБел). Декларация об объединении была принята на I Всебелорусском съезде Советов, а 2 марта СНК ЛитБел утвердил официальное название республики [1, С. 404; 2, С. 112].

Одной из главных причин появления этого государственного образования называются внешнеполитические факторы [16, С. 183, 184; 16, С. 405], в частности образование вдоль западной границы РСФСР буферной зоны, поскольку считалось, что две небольшие объединенные республики «могли более эффективно противостоять захватническим стремлениям Польши» [17, С. 405]. Определенную «историческую обоснованность» подобному решению придавала активно продвигаемая ранее Белорусским Народным Комитетом и, как уже отмечалось выше, не поддержанная литовскими национальными кругами концепция Конфедерации Великого Княжества Литовского – независимого, совместного белорусско-литовского государства с соймом в Вильно.

В состав ЛитБел (столица Вильно)

входили Минская, Гродненская, Виленская, Ковенская губернии и часть Сувалкской губернии. Территория ССРБ была представлена одной Минской губернией, управление которой осуществлял образованный 25 февраля 1919 года Минский губернский комитет. Необходимо обозначить интересный факт: во время существования ЛитБел милиция на её территории официально изменила своё название. В соответствии с постановлением коллегии Комиссариата внутренних дел ЛитБел (циркуляр от 22 марта 1919 года № 80) милиция переименовывалась в Рабоче-крестьянскую охрану, а милиционер – в дружинника. Формально ЛитБел просуществовала до июля 1919 года, через месяц вся её территория была занята польскими войсками.

17 февраля 1919 года произошли первые польско-советские столкновения [1, С. 419]. На захваченной территории происходил грабёж собственности, террор и расстрелы подозреваемых в коммунистических взглядах, что даже в глазах белорусских политиков пропольской ориентации придавало польскому присутствию черты оккупационного режима. «С реквизициями и судами цеплялись к независимым белорусским газетам, в Минске была запрещена постановка пьес популярных белорусских писателей Янки Купалы и Каруся Каганца» [11, С. 155].

Польские интервенты вызвали вооруженное сопротивление населения, которое всячески приветствовалось со стороны Советской России. Партизанское движение охватило Минский, Бобруйский, Пинский, Слуцкий и другие уезды [6, С. 75].

Вместе с тем, говоря про вооруженное сопротивление на белорусских землях в указанный период, нельзя обойти вниманием выступления не только антигерманской и антипольской, но и антисоветской и

антибольшевистской направленности, которые были не единичны и многочисленны по количеству участников.

В этом контексте необходимо обозначить и выступления в 1919 году в Гомеле – Речице, и Слуцкое восстание в ноябре 1920 года, а также деятельность отрядов генерала Булак-Балаховича. Последний, согласовывая свои военные походы с Пилсудским, провозгласил себя в Мозыре начальником белорусской державы, но при этом заявил, что «идет освобождать Россию от большевиков» [18, С. 29].

Дальнейшее развитие военных и политических событий в 1920 году привело к советско-польскому перемирию, прекращению 18 октября 1920 года военных действий и договоренности о предварительных условиях мира, которые были окончательно оговорены и закреплены в Рижском мирном договоре.

В связи с освобождением части белорусских территорий от польской оккупации появилась возможность возобновления белорусской государственности на советской основе.

31 июля 1920 года Военно-революционный комитет Белоруссии (31 июля 1920 года Минский губвоенревком был реорганизован в Военревком) издал «Декларацию о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии», произошло второе провозглашение ССРБ. Республика обновлялась только в составе двух неполных губерний – Гродненской и Минской, белорусские районы Витебской, Гомельской и Смоленской губерний оставались в РСФСР [6, С. 111].

Территория ССРБ фактически лежала в руинах, что явилось результатом шестилетних военных действий и нескольких оккупаций, которые поочередно сменялись. Характерными проявлениями социально-

экономического положения Беларуси начала 1921 года стали значительный отток населения (122 тысячи жителей Беларуси в 1918–1920 годах выехали в Литву, Латвию, Эстонию, Финляндию, Чехословакию, Турцию, спасаясь от голода, войны и террора), упадок сельского хозяйства (почти на 30 % сократились посевные площади к уровню 1917 года) [6, С. 133, 138], промышленности (из 750 промышленных предприятий восточных районов 450 были уничтожены, объем промышленного производства с 1913 по 1920 год сократился на 23,3 %), тяжёлое экономическое положение ухудшалось массовым политическим и криминальным бандитизмом [19, С. 46].

В этих условиях в ССРБ началось создание полноценной системы большевистских органов власти и управления. Например, основные организационные шаги по централизации милицейского аппарата ССРБ были осуществлены на протяжении августа – ноября 1920 года, в том числе уже в октябре распоряжением Военревкома организовывается Главное управление рабоче-крестьянской милиции ССРБ. Приказом Главмилиции от 2 декабря 1920 года № 21 было объявлено о создании первой оргструктуры Главного управления – Минской городской и уездно-городской советской рабоче-крестьянской милиции Белоруссии, утвержденной НКВД ССРБ на заседании 21 ноября 1920 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, характеризуя путь, который прошла Беларусь в горниле революционных событий первой четверти XX века, необходимо констатировать, что главным его итогом стало появление на территории Беларуси первых национально-государственных образований – БНР и

ССРБ. ССРБ, являясь государственным образованием на советской основе, став в последующем Белорусской Советской Социалистической Республикой, после трёх укрупнений своей территории – в марте 1924, сентябре 1926 и ноябре 1939 годов – объединила в своем составе основные белорусские этнические земли.

Библиография

1. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку ХХІст. У 2 кн. Кн. 1 / А.А. Каваленя [і інш.]; рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – 584с.
2. Марзалюк І.А. Урокі гісторыі // Беларусь сёння. – 2020. – 23 июня.
3. Ладыеў У. Ф. Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917 – 1939 гг.) / У.Ф. Ладыеў, П.І. Брыгадзін. – Мінск: БДУ, 2003. – 307 с.
4. Гамулка К. Паміж Польшчай і Расіяй. Беларусь у канцэпцыях польскіх палітычных фарміраванняў (1918 – 1922) / К. Гамулка ; пер. з пол. мовы. – Вільня, 2008. – 256 с.
5. Вишневский А. Ф. Организация и деятельность милиции Беларуси. 1917–1940 гг.: историко-правовые аспекты. – Минск: Тесей, 2000. – 224 с.
6. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал. [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2007. – Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2007. – 613 с.
7. Хоміч С. Беларускі нацыянальны рух ва ўмовах Першай сусветнай вайны (жнівень 1914 – люты 1917г.) / С. Хоміч // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку ХХІст. У 2 кн. Кн. 1 / А.А. Каваленя [і інш.]; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – С.297–312.
8. Навоша Д.А. Органы ўлады на

тэрыторыі Беларусі ў сакавіку – красавіку 1917г. // Европа: актуальныя праблемы этнокультуры: матэрыялы Междунар. науч.-теорет. конф., Минск, 23 июня 2011 года / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол.: В.В. Тугай (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2011. – С. 177 – 180.

9. Нарысы гісторыі Беларусі: У 2 ч. Ч.2 / М.П. Касцюк, І.М. Ігнаценка, У.І. Вышыньскі і інш.; Інстытут гісторыі АНБ. – Минск; Беларусь, 1995. - 560 с.

10. Лапановіч С.Ф. Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па аказанні дапамогі бежанцам у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914 – кастрычнік 1917г.); М-ва ўнутр. спраў Рэсп. Беларусь ; установа адукацыі «Акадэмія М-ва ўнутр. спраў Рэсп. Беларусь». – Минск : Акад. МУС, 2010. – 127с.

11. Латышонак А. Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст. / А. Латышонак, Я. Мірановіч. – Вільня: Інстытут беларусістыкі; Беласток: Беларус. гіст. т-ва, 2010.

12. Шыбека З. Нарыс гісторыі Беларусі (1795 – 2002г.). – Минск : Энцыклапедыкс, 2003. – 490 с.

13. Ладысеў У. Спробы самавызначэння Беларусі пасля ўстанаўлення савецкай улады ў краі / У. Ладысеў // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 1 / А. А. Каваленя [і інш.]; рэдкал. : А. А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Минск : Беларус. навука, 2011. – С. 331 – 337.

14. Мазец В. БНР – гістарычны выбар нацыянальна-дзяржаўнага самавызначэння / В. Мазец, М. Сташкевіч // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 1 / А.А. Каваленя [і інш.]; рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Минск : Беларус. навука, 2011. – С.359–370.

15. 1 января 1919 года: Временное рабоче-крестьянское советское правительство

Белоруссии: документы и материалы / сост. В.Д. Селеменев (рук.) [и др.]: науч. ред. М.Ф. Шумейко. – Минск : Лимариус, 2005. – 304 с.

16. Вішнеўскі А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: вучэб. дапам. / А. Ф. Вішнеўскі. – Мінск : Акад. МУС Рэсп. Беларусь, 2003. – 319 с.

17. Хоміч С. Літоўска-Беларуская ССР / С. Хоміч // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 1 / А. А. Каваленя [і інш.]; рэдкал. : А. А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – С. 405 – 419.

18. Марзалюк І.А. 100 лет БССР. Реалии и мифы. – Минск: Белорусская энциклопедия имени Петруся Бровки, 2020. – 200 с.

19. История органов внутренних дел Беларуси: курс лекций / А.Ф. Вишневский [и др.]; под ред. А.Ф. Вишневецкого; Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Акад. Министерства внутренних дел Республики Беларусь». – Минск: Академия МВД, 2010. – 218 с.

References:

1. Historyja bielaruskaj dzjaržaŭnasci ŭ kancy CHVIII – pačatku CHCH1st [History of Belarusian statehood in the late eighteenth - early twentieth century]. U 2 kn. Kn.1 / A.A. Kavalienia [i inš.]; redkal.: A.A. Kavalienia [i inš.]; Nac. akad. navuk Bielarusi, In-t historyi. – Minsk : Bielarus. navuka, 2011. – 584s. (In Bel.).

2. Marzaliuk I.A. (2020) Uroki istorii [Lessons of history] // Bielarús siehodnia. – 23 ijunia. (In Bel.).

3. Ladysieŭ U.F. (2003) Pamiž Uschodam i Zachadam: stanaŭliennie dzjaržaŭnasci i teryтарыяльнай celasnasci Bielarusi (1917–1939 hh.) [Between East and West: the formation of statehood and territorial integrity of Belarus (1917–1939)] / U.F. Ladysieŭ, P.I. Bryhadzin. –

Minsk: BDU. – 307s. (In Bel.).

4. Hamulka K. (2008) Pamiž Poľščaj i Rasijaj. Bielaruš u koncepcyjach poľskich palityčnych farmiravanniaŭ (1918–1922) [Between Poland and Russia. Belarus in the concepts of Polish political formations (1918–1922)] / K. Hamulka ; pier. z pol. movy. – Viľnia. – 256s. (In Bel.).

5. Višnievskij A.F. (2000) Orhanizacija i diejatielnošć milicij Bielarusi. 1917–1940 hh.: istoriko-pravovyje aspiekty [Organization and activities of the Belarusian police. 1917–1940: historical and legal aspects]. – Minsk: Tiesiej. – 224s. (In Bel.).

6. Historyja Bielarusi [History of Belarus]: u 6t. / redkal.: M. Kasciuk (hal. red.) [i inš.]. – Minsk: Ekapierspiektyva, 2000–2007. – T.5: Bielaruš u 1917–1945 hh. / A. Vabiščevič [i inš.]. – 2007. – 613s. (In Bel.).

7. Chomič S. (2011) Bielaruski nacyjanaľny ruch va ŭmovach Pieršaj susvietnaj vajny (žnivieñ 1914 – liuty 1917h.) [Belarusian national movement in the First World War (August 1914 - February 1917)] // Historyja bielaruskaj dziaržaŭnasci ŭ kancy CHVIII – pačatku CHCHIst. U 2 kn. Kn. 1 / A.A. Kavalienia [i inš.]; redkal.: A.A. Kavalienia [i inš.]; Nac. akad. navuk Bielarusi, In-t historyi. – Minsk : Belarus. navuka, 2011. – S.297–312. (In Bel.).

8. Navoša D.A. (2011) Orhany ŭlady na terytoryi Bielarusi ŭ sakaviku – krasaviku 1917h. [Authorities in Belarus in March - April 1917] // Jevropa : aktualnyje problemy etnokul'tury : materialy Mieždunar. nauč.-teoriet. konf., Minsk, 23 ijunia 2011 hoda / Biel. hos. pied. un-t im. M. Tanka ; riedkol.: V.V. Tuhaj (otv. ried.) [i dr.]. – Minsk. – S.177–180. (In Bel.).

9. Narysy historyi Bielarusi [Essays on the history of Belarus]: U 2 č. Č.2 / M.P. Kasciuk, I.M. Ihnacienka, U.I. Vyšynski i inš.; Instytut historyi ANB. – Minsk; Bielaruš, 1995. – 560s. (In Bel.).

10. Lapanovič S.F. (2010) Dziejnasć dziaržaŭnych i hramadskich arhanizacij pa

akazanni dapamohi biežancam u Bielarusi ŭ hady Pieršaj susvietnaj vajny (1914 – kastryčnik 1917h.) [Activities of state and public organizations to provide assistance to refugees in Belarus during the First World War (1914–October 1917)]. – Minsk : Akad. MUS. – 127s. (In Bel.).

11. Latyšonak A. Historyja Bielarusi ad siaredziny CHVIII st. da pačatku CHCHI st. [History of Belarus from the middle of the eighteenth century. to the beginning of the XXI century] / A. Latyšonak, JA. Miranovič. – Viľnia: Instytut bielarusistyki; Bielastok: Belarus. hist. t-va, 2010. (In Bel.).

12. Šybieka Z. (2003) Narys historyi Bielarusi (1795–2002) [Essay on the history of Belarus (1795–2002)]. – Minsk: Encyklopedyys, 2003. – 490s. (In Bel.).

13. Ladysieŭ U. (2011) Sproby samavyznačennia Bielarusi paslia ŭstanaŭliennia savieckaj ulady ŭ krai [Attempts at self-determination of Belarus after the establishment of Soviet power in the region] // Historyja bielaruskaj dziaržaŭnasci ŭ kancy CHVIII – pačatku CHCHI st. U 2 kn. Kn. 1 / A.A. Kavalienia [i inš.]; redkal.: A.A. Kavalienia [i inš.]; Nac. akad. navuk Bielarusi, In-t historyi. – Minsk: Belarus. navuka. – S.331–337. (In Bel.).

14. Maziec V. (2011) BNR – historyčny vybar nacyjanaľna-dziaržaŭnaha samavyznačennia [BNR – historical choice of national-state self-determination] / V. Maziec, M. Staškievič // Historyja bielaruskaj dziaržaŭnasci ŭ kancy CHVIII – pačatku CHCHI st. U 2 kn. Kn. 1 / A.A. Kavalienia [i inš.]; redkal.: A.A. Kavalienia [i inš.]; Nac. akad. navuk Bielarusi, In-t historyi. – Minsk : Belarus. navuka. – S.359–370. (In Bel.).

15. 1 janvaria 1919 hoda: Vriemiennoje rabočje-kriest'janskoje sovietskoje pravitiel'stvo Bielorusii: dokumenty i materialy [January 1, 1919: The Provisional Workers 'and Peasants' Soviet Government of Belarus: documents and

materials] / sost. V.D. Sieliemieniev (ruk.) [i dr.]: nauč. ried. M.F. Šumiejko. – Minsk: Limarius, 2005. – 304s. (In Bel.).

16. Višnieŭski A.F. (2003) Historyja dziaŭžavy i prava Bielarusi: vučeb. dapam. [History of State and Law of Belarus: lessons. help.]. – Minsk : Akad. MUS Resp. Bielarúš. – 319s. (In Bel.).

17. Chomič S. (2011) Litoŭska-Bielaruskaja SSR [Lithuanian-Belarusian SSR] // Historyja bielaruskaj dziaŭžaŭnasci ŭ kancy CHVIII – pačatku CHCHI st. U 2 kn. Kn. 1 / A.A. Kavalienia [i inš.]; redkal.: A.A. Kavalienia [i inš.]; Nac. akad. navuk Bielarusi, In-t historyi. – Minsk: Bielarus. navuka. – S.405–419. (In Bel.).

18. Marzaliuk I.A. (2020) 100 liet BSSR. Riealii i mify [100 years of the BSSR. Realities and myths]. – Minsk: Bieloruskaja Enciklopedija imieni Pietrusia Brovki. – 200s. (In Bel.).

19. Istorija orhanov vnutriennich diel Bielarusi [History of the internal affairs of Belarus]: kurs liekcij / A.F. Višnievskij [i dr.]; pod ried. A.F. Višnievskoho; Ministierstvo vnutriennich diel Riespubliki Bielarúš, učieždienije obrazovanija «Akad. Ministierstva vnutriennich diel Riespubliki Bielarúš». – Minsk : Akademiija MVD, 2010. – 218s. (In Bel.).

ВОРОБЬЕВ Александр Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Центр истории русского феодализма Института российской истории РАН (Россия, Москва), e-mail: aleksandr_vorobe@mail.ru

VOROBEV A.V., candidate of Historical Sciences, researcher, Centre for the History of Russian Feudalism, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow), e-mail: aleksandr_vorobe@mail.ru

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В ЗАПИСНЫХ КНИГАХ РАЗРЯДНОГО ПРИКАЗА НАЧАЛА XVIII В.

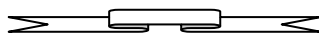
RUSSIAN LAW IN THE REGISTRATION BOOKS OF THE MILITARY CHANCERY IN THE BEGINNING OF THE 18TH CENTURY

Аннотация. Цель статьи – проведение сравнительного анализа известий, содержащихся в записных книгах «всяких дел» Разрядного приказа 1701-1708 гг. и законодательных актов, опубликованных в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗ). В статье изучается информативность разрядных записных книг «всяких дел», которые содержат выписки из множества уникальных документов, пока еще не введенных в научный оборот. Отдельного внимания заслуживают выводы об археографических приемах составителей ПСЗ и их критериях отбора материала для публикации. Автор приходит к выводу о том, что составители ПСЗ не были знакомы с коллекцией подлинников записных книг «всяких дел» XVIII в. и выписками из записных книг, которые были сделаны архивистами специально для Г.Ф. Миллера. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00464 «Записные книги Разрядного приказа 1701–1709 гг.: исследование и публикация».

Ключевые слова: записные книги «всяких дел» Разрядного приказа, Г.Ф. Миллер, Полное собрание законов Российской империи, русское законодательство.

Abstract. The purpose of the article is to carry out a comparative analysis of the news contained in the registration books of «all sorts of things» of the Military Chancery of 1701-1708 and legislative acts published in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire (CCL). This study aims to investigate the informativeness of the Registration books. The fact that these books contain many unique unknown documents is stressed. The article outlines some principles of the selection and publishing of legislations which were used by drafters of the Complete Collection of Laws. The author draws conclusions that drafters of the Complete Collection of Laws were completely unacquainted neither with the data from the original Registration books, nor with the extracts of these books which were made for the famous Russian-German historian G.-F. Müller. The study is carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project № 19-09-00464 «Registration books of the Military Chancery of 1701–1709: research and publication».

Keywords: Registration books of «all sorts of cases» (vsiakikh del), Military Chancery, G.-F. Müller, Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Russian law.

ВВЕДЕНИЕ

В 1766 году выдающийся историк Герард Фридрих Миллер вступил в должность служителя Архива Коллегии иностранных дел, при этом сохранив за собой место профессора Петербургской академии наук. Новое место работы освободило уже пожилого Миллера от утомительной административной работы и дало ему возможность посвятить себя исследовательской деятельности.

С присущей ему энергией и инициативой Миллер взялся за работу с архивными материалами. Великого ученого волновало обустройство архивного дела, систематизация документов, сбор ценных источников по русской истории, изучение самых разнообразных проблем, работа над научными трудами, среди которых особое место занимает книга «Известие о дворянах [Российских]» [3, С. 394-409].

Обращение к русской истории XVI-начала XVIII в. было обусловлено составом дел, находившихся на хранении в московских архивах. Хотя Миллеру и ранее приходилось работать с источниками эпохи Московского царства, в основном из местных архивов, но теперь в его распоряжении оказались документы едва ли не всех приказов российского государства. В особенности Миллера интересовали дела Разрядного приказа – главного военного ведомства страны, по сути управлявшего всей громадной массой служилых людей от бояр до провинциальных детей боярских.

Судя по всему, Миллер сразу понял, что именно в записных книгах «всяких дел» Разрядного приказа фиксировались наиболее значительные указы и события придворной жизни Московского царства, что позволяло выявить основные вехи политической истории в эпоху, когда официальное летописание находилось в упадке. Кроме того, материалы Разряда, касавшиеся разных сторон жизни, могли быть полезными Миллеру и при ис-

следовании других вопросов. Вероятно, осознавая этот факт, историк инициировал копирование записных книг Разрядного приказа с 1626 до 1709 гг., которые дошли до нас в составе его портфелей, хранящихся в РГАДА (РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ед. хр. 130. Ч. 3-16.).

Похоже, что Миллер Г.Ф. не ставил перед собой задачи снять полные копии записных книг, объем каждой из которых, кстати, мог составлять до пяти-шести сотен листов. При этом также неясно, какими инструкциями историк снабдил своих переписчиков. Важно, что благодаря Миллеру мы можем составить представление о составе и особенностях записных книг «всяких дел» Разрядного приказа, из которых лишь несколько подлинников XVII столетия дошли до наших дней полностью, а книги за XVIII в. и вовсе не сохранились.

Задача предлагаемой статьи заключается в том, чтобы раскрыть информационный потенциал выписок из записных книг начала XVIII в. [1; 7] (1701-1709 гг.) с помощью сравнения содержащихся в них записей с законодательными актами, опубликованными в четвертом томе Полного собрания законов Российской империи (далее – ПСЗ). Это позволит нам не только выявить оригинальные записи из выписок Миллера, но и показать в чем уже опубликованные законодательные акты дополняют, а в чем искажают содержание правовых норм того времени.

Начнем с указов, которые были опубликованы и в ПСЗ и скопированы в тетрадях Миллера. Даже в тех случаях, где текст указов совпадает, законодательные акты из ПСЗ уступают выпискам Миллера и информативности из-за специфики археографического подхода и возможной неполноты копий, использовавшихся для создания ПСЗ.

Первый и наиболее очевидный прием, который использовали составители ПЗС при публикации документов, связан с намеренным пропуском начального и конечного про-

токола. Это хорошо видно на примере указа о расформировании Сысского приказа, принятого 2 ноября 1701 года. Начало указа «1701 году ноября во 2 день великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич указал по имянному своему великого государя указу...» было заменено публикаторами на «великий государь указал...». Соответственно вся информация о дате принятия указа и о том, что он являлся именованным, была перенесена в заголовок публикации. Что же касается конечного протокола, сообщавшего, что «таков великого государя указ закрепил думной дьяк Гаврило Деревнин. И по тому указу памяти из Розряду посланы», то он и вовсе никак не отразился в публикации (РГАДА. Ф.199. Оп.1. Ед. хр.130. Ч.16. Д.1. Л.18-18 об.).

При внимательном применении этого приема в публикации можно было сохранить почти всю важную для исследователя информацию, кроме конечного протокола. Однако в ряде случаев при наличии ошибки в заголовке дела из-за невнимательности или использовании дефектной копии указа, намеренного пропуска начального протокола могли привести к возникновению настоящих историографических курьезов.

Один из таких курьезов связан с названием Разбойного приказа. В историографии прочно утвердилось представление о том, что в 1689 году – Сысский приказ вновь был переименован в Разбойный. Эти сведения пришли из труда К.А. Неволлина, посвященного приказной системе, и в дальнейшем никем не проверялись [6, С.97].

Не сложно установить, что Неволлин, в свою очередь, обращался к опубликованному законодательному акту, действительно относящемуся к этому году [8, №1345. С.31]. Однако, принять такую датировку нет оснований. В легенде к изданному в ПСЗ указу упоминается, что он был объявлен стольником В.Ф. Извольским, который пребывал в чине

стольника до 1682 году, когда он стал думным дворянином [4, С.154-155]. Очевидно, что указ принадлежит периоду царствования Федора Алексеевича, большую часть которого Извольский возглавлял приказ, и был принят не позднее 15 октября 1681 года, когда Разбойный приказ изменил название на Сысский. Таким образом, никакого переименования учреждения в 1689 года не было. Тем более, это переименование не подтверждается ни одним из актов или делопроизводственных источников.

Другим примером возможного невнимательного обращения с начальным протоколом или использования дефектной копии может служить публикация указа 13 августа 1707 года, который начинается со слов: «в письме великого государя из Жолквы, вышеписанного числа господину адмиралу Федору Матвеевичу Апраксину, которое он...объявил боярам марта 13 числа нынешнего 1707 года» [9, №2155. С.383]. При внимательном прочтении первой же строки возникает вопрос – какого же «вышеписанного» числа было отправлено это письмо? Ответ на него содержится в выписке, сделанной для Миллера, где ясно читается: «в нынешнем 1707-м году генваря 13-го числа в письме великого государя из Жолквы...» (РГАДА. Ф.199. Оп.1. Ед. хр.130. Ч.16. Д.7. Л.1 об.).

Нередко составители ПСЗ намеренно не вносили информацию из начального протокола в заголовок дела. Так в указе от 10 декабря 1706 года об определении комиссара в Главную аптеку в начальном протоколе помимо даты упоминается, что царский указ был отправлен боярину Т.Н. Стрешневу из полков в Польше, которые были связаны с Главной Ингерманландской канцелярией. Из конечного протокола мы узнаем, что копия этого указа была отправлена в Разряд «для ведома», поскольку напрямую не касалась этого ведомства (РГАДА. Ф.199. Оп.1. Ед. хр.130.

Ч.16. Д.6. Л.17 об.-18) [9, №2124. С.358].

Часто редактурой составителей ПСЗ затрагивалась не только начало и конец документа, но и основной текст. Показательный пример произвольной редактурой мы находим в указе 1 марта 1708 года. Публикация этого законодательного акта состоит из двух частей. Первая – письмо Петра Алексеевича из полков под Чашниковым с изложением его краткого именного указа, вторая же часть – боярский приговор, в котором царские рекомендации сформулированы и изложены согласно правовой традиции того времени. Обращение к выписке, сделанной для Миллера, позволяет установить, что письмо с царским указом состояло из трех частей. Первая часть письма вместе с боярским приговором по ней была опубликована в ПСЗ, в то время как вторая часть с мелкими распоряжениями о составлении перечней полоняников по городам, о назначении нового воеводы в Нижний Новгород, а также третья часть о сборе даточных людей в московский гарнизон были пропущены составителями ПСЗ вместе с боярским приговором по ним [9, №2188. С.402-403] (РГАДА. Ф.199. Оп.1. Ед. хр.130. Ч.16. Д.8. Л.4-6). В результате из трёх законодательных актов в научный оборот был введен только один.

Замеченные нами изменения в ряде случаев ставят вопрос о том, насколько исследователи могут доверять публикациям документов в ПСЗ, составители которого руководствовались ещё не сформулированными археографическими принципами. То, что наши опасения не беспочвенны, можно понять, обратившись к указу 1704 года о взятии с московских и других ямских слобод людей в солдаты. Читая полную копию Миллера, мы видим, что 18 октября из Санкт-Петербурга было отправлено письмо боярина Ф.А. Головина боярину Т.Н. Стрешневу, в котором излагался царский указ. Любопытно, что внизу письма царь Петр Алексеевич соб-

ственноручно подтвердил указ собственноручной записью: «быть по сему».

Затем 28 октября после получения письма в Москве указ был сформулирован и вступил в силу. Как и в других случаях в выписках Миллера мы находим текст обеих версий указа, которые, кстати, мало отличаются друг от друга (РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ед.хр. 130. Ч. 16. Д. 4. Л. 25-26) [9, № 1996. С. 271]. Однако эти отличия рождают вопрос о том, какая же редакция указа была опубликована в ПСЗ? На первый взгляд, составители ПСЗ изложили указ по тексту письма 1704 г.¹, при этом указав дату второй и окончательной редакции (28 октября), а не дату отправления письма (18 октября). При этом текст указа в ПСЗ дословно не совпадает с текстом указа в письме.

По-нашему мнению, составители ПСЗ взяли за основу текст указа из письма Головина, но изъяли все, что напоминало об эпистолярной форме, взяв взамен обороты из окончательной редакции указа – например, вместо «то изволишь из дьяков» – «быть из дьяков» и т.д. При этом для тех, кто знакомится с указом по ПСЗ, не сообщается ни о письме Головина, ни о редактуре составителей ПСЗ, которые из двух текстов указов сделали один. Даже если допустить, что указ в ПСЗ был опубликован по какому-то другому списку, все равно вне поля зрения исследователей остается интереснейший пласт информации, связанной с его принятием.

Нередко указы из записных книг дополняют те, что уже опубликованы на странице в ПСЗ, это дает нам возможность представить себе более полную картину. Так, 1 февраля 1706 года царский указ отправлял на службу часть чинов государева двора в Низовой по-

¹ Это видно из того, что в окончательной редакции отсутствует целое предложение, которое есть в тексте указа в письме: «...приказать тех дворян прислать в Ямской приказ (курсив наш – А.В.) без замедления».

ход в находившийся в Пензе большой полк под начало фельдмаршала Б.П. Шереметева [9, №2091. С.337-341]. Этот указ хорошо дополняется другим более поздним царским распоряжением 28 февраля того же года (РГАДА. Ф. 199. Оп.1. Ед. хр.130. Ч.16. Д.6. Л.3-3 об.). Следом за этим указом в записных книгах идет та редакция, в которой он был объявлен на постельном крыльце 1 марта 1706 года. Интересно, что указ этот начинался со слов «стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы великий государь, царь... указал вам сказать», после чего им непосредственно объявлялась царская воля (РГАДА. Ф.199. Оп.1. Ед. хр.130. Ч.16. Д.6. Л.3 об.-4).

Из указа 28 февраля мы узнаем, что представители этих чинов направлялись не только в полк Шереметева, но и в полк кн. П.И. Хованского. Главное же заключалось в том, что служилые люди, еще не успев выехать на службы, должны безотлагательно явиться в Разряд для проведения смотра до 1 апреля 1706 года.

Иногда тексты законодательных актов из ПСЗ полнее тех, что имеются в тетрадях Миллера. Так, в указе 30 января 1701 года излагается процессуальная сторона составления и заключения крепостных актов [9, № 1833. С.134-139]. Хотя в копии, сделанной для Миллера (РГАДА. Ф.199. Оп.1. Ед. хр.130. Ч.16. Д.1. Л.5 об.-11), полностью сохранен начальный протокол вместе с упоминанием думных дьяков, которые оставили на тексте указа пометы, здесь отсутствует пространная вступительная часть, а также завершавшая указ часть доношения и царская резолюция по представленным пунктам и доношениям. Нет оснований полагать, что переписчики сознательно пропустили некоторые части этого указа. Причина неполноты, по-нашему мнению, становится понятна из самой копии указа, где говорится, что в Разряде были скопированы статьи, присланные

из Оружейной палаты. Таким образом, в тетрадях Миллера указ дошел до нас в редакции, подготовленной в Оружейной палате для Разрядного приказа, в то время как составителям ПЗС посчастливилось заполучить подлинный указ или, по меньшей мере, его полную копию.

Особое внимание нужно уделить тем законодательным актам, которые есть в выписках из записных книг, но полностью отсутствуют в ПЗС. Так, в одной из тетрадей Миллера находится неизвестный историографии указ 30 сентября 1704 года о расформировании приказа Холопьяго суда. Речь в данном случае шла о продолжении укрупнения приказов судебного профиля – подобно Сыскному, Земскому и другим приказам, дела и подьячие приказа Холопьяго суда переходили в ведение Московского судного приказа, где для них создавался особый стол (т.е. отдел). Само же упразднение приказа Холопьяго суда объясняется в указе тем, «что быть в нем низовым делам» (РГАДА. Ф.199. Оп.1. Ед. хр.130. Ч.16. Д.4. Л.24-24 об.).

Интересно, что сам указ 30 сентября 1704 года был прислан боярину Т.Н. Стрешневу в письме губернатора А.Д. Меншикова, находившегося вместе с царем в походе (РГАДА. Ф.199. Оп.1. Ед. хр.130. Ч.16. Д.4. Л.24 об.). Поскольку в выписках Миллера сохранилось и само письмо и принятый по нему в Москве 3 октября указ, можно сравнить тексты этих законодательных актов, которые незначительно отличаются. В частности, в начальном протоколе финальной версии принятого указа сообщается, что он был адресован судье приказа Холопьяго суда думному дьяку П.И. Микифорову, в этой же формулировке указа 3 октября пропущено предложение «а думному дьяку Протасью Микифорову и дьякам у тех дел не быть». Изменения коснулись и конечного протокола указа, где первоначальное требование записать указ в Разряде и разослать в

приказ Холопьевого суда и Московский судный приказ памяти, сменилось на распоряжение думному дьяку П.И. Микифорову «учинить о том по его Великого государя указу».

Другим примером достаточно важного, по нашему мнению, законодательного акта, который обнаружен в выписках из записных книг, но пропущен в ПЗС, является указ 4 сентября 1707 г. Согласно этому указу, требовалось, чтобы «никто не дерзал бит челом на тех, которые на службе», даже если челобитчик был уверен в своей правоте. Тех же, кто нарушит царскую волю, ждала немедленная отсылка в действующую армию под военный суд. Указ также был принят по письму, отправленному 11 августа царем из Варшавы (РГАДА. Ф.199. Оп.1. Ед. хр.130. Ч.16. Д.7. Л.6-6 об.). Что касается самого письма, то оно либо не сохранилось, либо не было переписано в записную книгу.

Отдельную категорию указов, которая не была включена в ПЗС, образуют распоряжения о назначении в приказ судей и дьяков, отправке воевод, пожаловании военными и придворными чинами

Ряд записей в записных книгах, не являвшихся законодательными актами, также не вошел в ПЗС. Речь идет о событиях придворной жизни – о проведении молебнов в день Нового лета (1 января), на праздник Пресвятой Богородицы и т.д., совершении крестных ходов и различных действий (например, Нового лета – 1 сентября), приеме послов, поставления в митрополиты (РГАДА. Ф.199. Оп.1. Ед. хр.130. Ч.16. Д.1. Л.3, Д.3. Л.6 об., Д.1. Л.12, Д.3. Л.3 об.). В ряде случаев в книгах упоминаются благодарственные молебны о взятии городов или достижении других военных успехов (РГАДА. Ф.199. Оп.1. Ед. хр.130. Ч.16. Д.4. Л.22 об., 23 об.). Нередко указываются и участники событий придворной жизни, крестных ходов (РГАДА. Ф.199. Оп.1. Ед. хр.130. Ч.16. Д.4. Л.23).

Любопытно, что среди царских указов,

имеющихся в копиях, но не включенных в ПЗС, довольно много царских указов, связанных с проведением смотров. Так, указ 12 ноября 1703 года назначал проведение смотра почти всех московских чинов (кроме тех, кто находился в отставке) на 1 декабря того же года в Столовой палате (РГАДА. Ф.199. Оп.1. Ед. хр.130. Ч.16. Д.3. Л.8-8 об.).

В данном случае понять логику публикаторов сложно, поскольку одни распоряжения о смотрах попали на страницы ПЗС, в то время как другие – нет. Объяснить это можно лишь неполнотой или фрагментарностью источников, которые были в распоряжении у составителей ПЗС.

При этом было бы неправильно считать, что записные книги вместе с ПЗС дают максимально полный охват законодательства начала XVIII в. Так, 23 июня 1701 года был принят важный указ о слиянии и переименовании Иноземского и Рейтарского приказа в Приказ военных дел, а Стрелецкого в Приказ земских дел. Указ этот имеется и в ПЗС, и в выписках, сделанных для Миллера [9, №1859, С.170] (РГАДА. Ф.199. Оп.1. Ед.хр.130. Ч.16. Д.1. Л.14 об.). Однако, в этот же день был принят и другой, менее значительный указ о передаче Сухаревой башни Математической школе, которая находилась в подчинении Оружейной палаты [5, С.290].

Завершая сравнительный анализ выписок из записных книг и законодательных актов из ПЗС, приходится признать, что корпус доступных источников по началу XVIII в. ставит исследователя в сложное положение. С одной стороны, очевидна неполнота ПЗС, поскольку составители этого издания руководствовались нигде не сформулированными археографическими принципами, которые в ряде случаев привели к искажению текста источников. С другой стороны, в тетрадях Миллера тексты документов из записных книг скопированы избирательно. Некоторые указы, опубликованные по подлинникам в ПЗС,

полнее тех, что присылались в Разряд из других приказов, где могли подвергаться редакции.

Оптимальным решением при работе с законодательством начала XVIII в. является обращение одновременно и к ПСЗ, и к выпискам Г.Ф. Миллера, и к другим источникам. Это тем более возможно, учитывая, что выписки Миллера за начало XVIII века уже опубликованы в ходе работы по исследовательскому проекту изучения записных книг Разрядного приказа 1701–1709 гг. [2]

К сожалению, даже такой подход не сможет дать историкам максимально полной картины, поскольку материалы Миллера и ПСЗ, дополняя друг друга, все же не исчерпывают всех законодательных актов 1700-х гг. Остается надеяться, что рано или поздно увидит свет полное академическое издание законодательства начала XVIII в., которое избавит историков от необходимости многократно прилагать дополнительные усилия, чтобы распутать источниковедческие казусы петровского законодательства.

Библиография:

1. Захаров А.В. Записные разрядные книги начала XVIII в.: информативность материала для реконструкции // Мир историка и пространство истории. Сборник статей к юбилею профессора Н.Н. Алеврас. – Челябинск: Энциклопедия, 2018. – С. 243-258.

2. Информационно-поисковая полнотекстовая система «Записные книги Разрядного приказа. XVIII век» [Электронный ресурс] <http://zaharov.csu.ru/zrk.pl> (Дата обращения: 25.10.2021).

3. Каменский А.Б. Судьба и труды историкографа Герарда Фридриха Миллера (1705-1783 гг.) // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. – М.: Наука, 1996. – С. 374-415.

4. Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин

Ю.М. Приказы Московского государства XVI-XVII вв. Словарь справочник. – М.-СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 301 с.

5. Материалы по истории русского флота. Ч.3. СПб., 1866. – XX. – 726 с.

6. Неволин К.А. Образование управления в России от Ивана III до Петра Великого // Журнал министерства народного просвещения. 1844. Ч. 41. Отд. 5. – 150 с.

7. Новохатко О.В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII в. – М.: Памятники исторической мысли, 2000. – 447 с.

8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. III. – СПб., 1830. XXXI, 1029, 13 с.

9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. IV. – СПб., 1830. – 7 с.

References:

1. Zakharov A.V. (2018) Zapisnie razriadnie knigi nachala XVIII v.: informativnost' materiala dlya rekonstrukcii [Registration books of Military Chancery in the beginning of the 18th century: informativeness of the data for the reconstruction] // Mir istorii i prostranstvo istorii. Sbornik statei k yubileyu professora N. N. Alevras. – Chelyabinsk: Enciclopedia. – S.243-258. (In Russ.).

2. Infomacionno-poiskovaya polnotekstovaya sistema «Zapisnye knigi Razryadnogo prikaza. XVIII vek». [Full text information searching system "Registration books of Military Chancery in of the 18th century"] [Electronic resource].

<https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/228725170> (date: 18.09.2021). (In Russ.).

3. Kamensky A.B. (1996) Sud'ba i trudi istoriografa Gerarda Fridriha Millera (1705-1783) [The fate and works of the historian G.-F. Müller (1705-1783)] // Miller G. F. Sochinenia po istorii

Rossii. Izbrannoe. – M.: Nauka. – S.374-415. (In Russ.).

4. Liseitstev D.V., Rogozhin N.M., Eskin U.M. (2015) Prikazy Moskovskogo gosudarstva XVI-XVII vv. [The Chanceries of Moscow state in the XVI-XVIII centuries] Slovar'-Spravochnik. – M.-SPb.: Institut rossiiskoi istorii RAN; Centr gumanitarnih iniciativ. – 301s. (In Russ.).

5. Materialy po istorii Russkogo flota. [Some data about the history of the Russian navy] Ch. 3. SPb., 1886. – XX, 726s. (In Russ.).

6. Nevolin K.A. (1844) Obrazovanie upravleniya v Rossii ot Ivana III do Petra Velikogo [The governmental entity from Ivan III to Peter the Great] // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvещения. CH. 41. Otd. 5. – 150s. (In Russ.).

7. Novokhatko O.V. (2000) Zapisnie knigi Moskovskogo stola Razryadnogo prikaza XVII v. [Registration books of Military Chancery's Moscow department] – M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli. – 447s. (In Russ.).

8. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Sobranie 1-e. T. III. – SPb., 1830. – XXXI, 1029, 13s. (In Russ.).

9. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Sobranie 1-e. T. VI. – SPb., 1830. – [1], 881 – 7s. (In Russ.).

УДК 342.6:353(470)

DOI: 10.22394/2225-8272-2021-10-4-125-133

БОРИСОВ Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: naukaorelsga@yandex.ru

ЖИЛЯЕВА Александра Михайловна, магистрант Юридического института, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: alexandrzhilyaeva2016@mail.ru

BORISOV A.S., candidate of juridical sciences, do-cent, associate professor of Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute, Orel State University named after I.S.Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: naukaorelsga@yandex.ru

ZHILYAEVA A.M., Master's student of the Law Institute, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: alexandrzhilyaeva2016@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

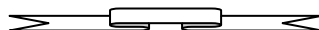
SOME ISSUES OF THE ACTIVITIES OF EXECUTIVE STATE BODIES OF SPECIAL COMPETENCE IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Основная цель статьи заключается в анализе особенностей структуры исполнительных государственных органов специальной компетенции в ряде субъектов РФ. Выявляются недостатки структуры данных органов государственной власти в Орловской области, вносятся предложения по совершенствованию деятельности государственных исполнительных органов специальной компетенции. Пандемия коронавирусной инфекции существенно повлияла на деятельность государственных органов. В статье изучены некоторые решения, принимаемые данными органами в условиях коронавирусной инфекции. В результате были выявлены проблемные аспекты деятельности исполнительных государственных органов специальной компетенции в Орловской области. Сегодня существует проблема кадровых затрат, а также выявлена необходимость объединения некоторых управлений в единый государственный орган специальной компетенции.

Ключевые слова: структура, исполнительные государственные органы специальной компетенции, правительство, департаменты, область, коронавирус.

Abstract. The main purpose of the article is to analyze the features of the structure of executive state bodies of special competence in a number of subjects of the Russian Federation. The shortcomings of the structure of these state authorities in the Orel region are identified, proposals are made to improve the activities of state executive bodies of special competence. The coronavirus pandemic has significantly affected the activities of government agencies. The article examines some of the decisions made by these bodies in the conditions of coronavirus infection. As a result, problematic aspects of the activities of executive state bodies of special competence in the Orel were identified. Today, there is a problem of personnel costs, and the need to unite some departments into a single state body of special competence has been identified.

Keywords: structure, executive state bodies of special competence, government, departments, region, coronavirus.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос деятельности исполнительных государственных органов специальной компетенции актуален, поскольку исполнительная власть является одной из трех ветвей власти, выполняющая ряд важнейших и необходимых функций государства. Исполнительная ветвь государственной власти входит в систему сдержек и противовесов, активно взаимодействуя с законодательной и судебной ветвями власти, но каждая из них является самостоятельной в осуществлении своих полномочий и принятии решений. Так реализуется конституционный принцип разделения властей, исследуемый многими учеными-юристами.

Несомненно, анализируя некоторые аспекты правовой природы государства, стоит упомянуть мнение правоведа А. П. Червинской о том, что «государство должно быть и демократическим, которое стремится к гармоничному устройству общественной жизни». В целом деятельность всех ветвей власти должна быть направлена на улучшение качества жизни населения, защиту его прав и свобод [10, С. 50].

Следует говорить о том, что органы исполнительной государственной власти обеспечивают реализацию нормативных правовых актов (далее – НПА), направленных на обеспечение прав и свобод человека и гражданина, в области, непосредственно подведомственной им, принимают участие в реализации единой государственной политики также в подведомственной им сфере деятельности, осуществляют иные полномочия в соответствии с действующим законодательством. Стоит упомянуть и о важном взаимодействии исполнительных органов с законодательной властью в области подготовки изменений действующего законодательства и внесения проектов законов на рассмотрение с целью принятия новых законов. Говоря о структуре данных органов, целесообразно подчеркнуть и разнообразие элементов, благодаря которым существует возможность различных подходов к осуществлению их полномочий в

субъектах Российской Федерации, что и будет рассмотрено в данном исследовании.

Важно отметить, что вопрос о реорганизации системы исполнительных государственных органов остается открытым и проблемным, поскольку данная система не менялась уже несколько десятилетий. Структура исполнительных государственных органов должна эффективно работать, отвечать запросам времени, оперативно принимать необходимые решения, помогать людям, но зачастую это невозможно ввиду существования бюрократии. В 2020 году была проведена административная реформа, которая заключалась в сокращении кадров примерно на 10 %. Авторы реформы считают, что данное решение позволит изменить структуру исполнительных органов, сделав ее более эффективной в части принятия конкретных важных решений по национальным программам развития государства.

Говоря о бюрократии как о негативном явлении для всего государственного аппарата, целесообразно подчеркнуть важную роль общественного контроля. Именно он позволяет выявлять недостатки действующей структуры государственных органов, оценивать их работу. Как отмечают правоведы А. П. Червинская и Н. А. Щеголева, общественный контроль также заключается в оценивании качества предоставления услуг по определенным критериям: время предоставления услуг, время ожидания в очереди, вежливость и компетентность сотрудников и иные аспекты деятельности таких органов [11, С. 238].

В данном исследовании будет анализироваться вопрос деятельности исполнительных государственных органов специальной компетенции в некоторых субъектах Центрального федерального округа Российской Федерации, их отличительные черты в структуре. Кроме того, данное исследование поможет выявить проблемные аспекты деятельности исполнительных органов специальной компетенции в Орловской области. Разумно выявить и существенные

недостатки действующей структуры исполнительных государственных органов. Важно отметить, что данная проблема малоизученна, что делает наше исследование ценным и необходимым. Учёными-правоведами анализировалась в целом структура исполнительных государственных органов, не затрагивая структуру органов специальной компетенции. Но данные органы являются существенной составляющей в системе государственных органов Российской Федерации. Кроме того, следует подчеркнуть, что результаты текущего исследования помогут улучшить действующую структуру данных органов, сделать ее более эффективной.

Как правило, полномочия органов исполнительной власти специальной компетенции являются обширными, затрагивая и правотворческую, и исполнительную деятельность. Стоит подчеркнуть, что в начале пандемии коронавирусной инфекции (далее – коронавируса) государственные исполнительные органы специальной компетенции осуществляли свои полномочия в рамках предупреждения и ликвидации распространения новой инфекции. Так, период с 10 по 16 марта 2020 года является отправной точкой введения специальных ограничительных мер во многих субъектах Российской Федерации. И данные меры были направлены на помощь населению в тяжелый для всей страны момент. Принимались важные решения, направленные на охрану прав и свобод человека и гражданина, поддержку социально незащищенных слоев населения. Данные решения будут также проанализированы в текущем исследовании. Стоит подчеркнуть, что основная нагрузка легла непосредственно на исполнительные органы специальной компетенции в сфере здравоохранения, социальной защиты населения и многих других.

Сконцентрируем свой исследовательский интерес.

Для анализа деятельности исполнительных государственных органов специальной компетенции в субъектах России рассмотрим структу-

ры данных органов в Орловской, Брянской, Белгородской и Курской областях.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Как отмечает профессор Павел Александрович Астафичев, в большинстве субъектов Российской Федерации конституируется разветвленная структура исполнительных органов специальной компетенции, которые подотчетны в своей деятельности высшему должностному лицу (например, Губернатору области) и высшему исполнительному органу (Правительству области) [1, С. 274]. Так, в Орловской области высший исполнительный государственный орган – Правительство. Губернатор – Председатель Правительства, что говорит о подотчетности исполнительных органов специальной компетенции напрямую Губернатору области [9]. Данное положение находит свое отражение в Законе Орловской области «О статусе Губернатора Орловской области». Также, например, в Курской области высший исполнительный орган – Администрация Курской области, возглавляемая Губернатором Курской области.

Кроме того, немаловажную роль играет признак системности исполнительных государственных органов. Он отражен в главном законе страны – Конституции Российской Федерации, в статье 77. Данная статья закрепляет единую систему исполнительной власти в государстве. Стоит подчеркнуть, что структура, основы правового статуса и полномочия данных исполнительных органов могут определяться исключительно законом. Ряд положений, которые касаются элементов структуры исполнительных государственных органов специальной компетенции, отражены в НПА субъектов РФ. И на сегодняшний день структура данных органов охватывает абсолютно все сферы общественных отношений.

Обратимся непосредственно к анализу действующих структур исполнительных государ-

ственных органов специальной компетенции в Орловской, Брянской, Белгородской и Курской областях.

Так, согласно пункту 1 статьи 5 Закона Орловской области, которым непосредственно и закрепляется структура исполнительных государственных органов, к исполнительным государственным органам специальной компетенции относятся: Администрация Губернатора, департаменты области, главные управления области и управления области [2]. Подчеркнем, что на сегодняшний день существуют 13 департаментов (например, Департамент сельского хозяйства, Департамент образования и другие), 4 главных управления (например, регулирующие проблемные правовые аспекты деятельности), 55 управлений, также предусмотрено 22 отдела (отдел межведомственного взаимодействия и подведомственных организаций, отдел организационно-контрольной и правовой работы и другие) [5]. Однако для структуры исполнительных органов специальной компетенции характерна следующая важная особенность: в ней отмечены 5 заместителей Губернатора области, которым подотчетны департаменты области. Важно заметить, что именно первый заместитель Губернатора и Председателя Правительства области В. В. Соколов является руководителем Администрации области. В свою очередь, одному из заместителей Губернатора области, курирующему экономические вопросы подотчетны 3 структурных элемента исполнительной власти – департамента: 1) экономического развития и инвестиционной деятельности, который возглавляет С. Ю. Антонцев; 2) финансов, руководителем которого является Е. В. Сапожникова; 3) промышленности и торговли, руководитель – М. И. Петров. Целесообразно подчеркнуть, что заместители Губернатора Орловской области не всегда являются руководителями департаментов, что нерационально и требует кадровых и экономических затрат.

Говоря о мерах по предупреждению распространения коронавируса, следует отметить, что

18 марта 2020 года Постановлением Правительства Орловской области № 151 был создан действующий на сегодняшний день региональный оперативный штаб, который принимал важнейшие решения, направленные на помощь населению области, поддержку бизнеса. Днем позже, 19 марта 2020 года, был введен режим повышенной готовности [8]. В этот день было поручено организовать горячую линию по вопросам коронавирусной инфекции при поддержке Департамента здравоохранения, а также функционирование круглосуточной бесплатной горячей линии для обращения некоторых категорий граждан. Благодаря этому решению большая часть населения Орловской области смогла получить необходимую информацию, которая помогла сохранить здоровье и принять важные меры для недопущения распространения заболевания. Помимо этого, ряд исполнительных государственных органов специальной компетенции области принимали необходимые нормативно-правовые акты в сфере противодействия распространению коронавируса. Яркий пример – приказ Департамента надзорной и контрольной деятельности Орловской области от 10 апреля 2020 года № 526, утвердивший перечень должностных лиц, в обязанности которых входит составление протоколов об административных правонарушениях за нарушение требований в части ограничения перемещений граждан на территории области, что позволило не допустить дальнейшего распространения вируса.

Кроме того, следует обратиться к элементам структуры исполнительных органов специальной компетенции Брянской области. Помимо Администрации Губернатора области, в систему данных государственных органов входят 13 департаментов (например, Департамент сельского хозяйства, Департамент экономического развития), которыми руководят директора, 12 управлений (Управление имущественных отношений, Управление лесами и т.д.), в которых высшими должностными лицами являются начальники

управлений, 3 инспекции, в компетенцию которых входят вопросы узкой направленности (например, жилищная инспекция и ряд других) [6]. Особенность структуры данных органов заключается лишь в названии руководителей департаментов, управлений и инспекций. Вместо привычных для Орловской области руководителей департаментов и отделов в управлениях Брянской области работают директора, а в управлениях – начальники.

Говоря о принимаемых мерах в условиях пандемии коронавируса, следует подчеркнуть, что еще 19 февраля 2020 года был создан оперативный штаб, который и на сегодняшний день принимает меры по недопущению распространения ковида среди населения области. 17 марта 2020 года Губернатором Брянской области был введен режим повышенной готовности в связи с пандемией коронавируса. Данное решение было отражено в Постановлении Правительства Брянской области № 106-п. Этим документом на директора департамента здравоохранения области были возложены определенные обязанности в сфере нераспространения коронавирусной инфекции, направленные на помощь населению.

Как и в Орловской области, был утвержден перечень государственных органов, которые имели право составлять протоколы и привлекать лиц к административной ответственности по статье 20.6.1 КоАП РФ. Данный перечень включает в себя ряд департаментов области (например, культуры, строительства, здравоохранения), а также управлений (мировой юстиции, архитектуры и градостроительства и другие) и 2 государственных инспекции области. Кроме того, данное полномочие возложено на некоторых начальников департаментов, начальников управлений, начальников отделов Брянской области.

Важно отметить и распоряжение губернатора Брянской области от 8 апреля 2020 года № 234-рг, которое утверждает план и меры по поддержке экономики региона. Например, в об-

ласти поддержания бюджетной стабильности предусматривалось создание специального финансового резерва в размере 5 % налоговых и неналоговых доходов областного бюджета на 2020 год на основании закона Брянской области. Данное направление курировал Департамент финансов Брянской области. Подчеркивается, что в сфере сохранения стабильности на рынке труда существует необходимость проведения мониторинга наличия задолженности по заработной плате на предприятиях области. Такое направление в сфере защиты прав работников предприятий является одним из ключевых в условиях пандемии коронавируса.

Рассмотрим и проанализируем также структуру исполнительных органов Белгородской области. В ней выделяют 12 департаментов (например, Департамент агропромышленного комплекса и воспроизводства окружающей среды, Департамент внутренней политики) и 15 управлений (управление экологического и охотничьего надзора, Управление молодежной политики). Кроме того, Комиссия по государственному регулированию цен и тарифов является обособленным органом в системе исполнительных органов специальной компетенции. Целесообразно подчеркнуть существенную особенность: заместители Губернатора области зачастую являются и начальниками департаментов, что экономит ресурсы и является идеальной формулой составления структуры исполнительных органов специальной компетенции. Рассмотрим на примерах. Первый заместитель Губернатора области Е. В. Мирошников является начальником департамента цифрового развития области; заместитель Губернатора области К. А. Полежаев является и начальником департамента жилищно-коммунального хозяйства [4]. <https://belregion.ru/region/> Кроме того, стоит подчеркнуть, что в каждом управлении функционируют отделы. Например, в управлении культуры существует 5 отделов, которые занимаются непосредственно узкими направлениями, например, в области музейного и биб-

лиотечного дела, развития учебных заведений, проектной деятельности и правового обеспечения и других.

Разумно отметить, что структура исполнительных государственных органов специальной компетенции Белгородской области является довольно сложной, поскольку состоит из департаментов, в которые входят управления, отделы, а также предусмотрены специальные отдельные управления по вопросам узкой компетенции (яркий пример – управление молодежной политики). К примеру, в области функционирует департамент внутренней политики, в который входят управление информационной политики, 2 специальных отдела – обеспечения массовых коммуникаций и медиасопровождения органов власти области, а также пресс-служба Губернатора региона.

Что касается принимаемых мер по противодействию распространению опасного заболевания, в Белгородской области 16 марта 2020 года был введен режим повышенной готовности, поскольку существовал риск распространения данного заболевания. Также был рассмотрен вопрос об оформлении листов нетрудоспособности без посещения медицинских организаций. Данное решение помогло минимизировать распространение коронавируса на территории области и облегчить нагрузку на медицинский персонал.

Постановлением Губернатора Белгородской области от 3 апреля 2020 года № 36 на департаменты образования, внутренней и кадровой политики области были возложены обязанности по организации с 6 по 30 апреля 2020 года в образовательных организациях учебного процесса с применением дистанционных технологий. Введение дистанционного образования во многих учебных заведениях страны позволило минимизировать распространение коронавируса и сохранить здоровье обучающимся и педагогическим работникам, что говорит об эффективности принимаемых мер. Помимо этого, департаментам здравоохранения и социальной защиты

населения, цифрового развития, строительства и транспорта области было поручено приостановить возможность использования единых социальных проездных билетов в целях минимизации передвижения населения на территории области [7].

Стоит проанализировать и специфические элементы структуры исполнительных государственных органов специальной компетенции Курской области. Важно уточнить, что специальным Постановлением Губернатора области от 16.09.2019 года № 379-пг, которое внесло изменения в действующую структуру органов, департаменты были переименованы в комитеты. Так, в настоящее время структура исполнительных органов специальной компетенции является разветвленной и включает в себя, помимо администрации области, 8 управлений (например, управление по туризму и другие), 3 инспекции, 28 комитетов как аналогию департаментам (комитет региональной безопасности, Комитет ЗАГС и другие) [3]. Кроме того, каждый комитет включает в себя отделы. В Комитете молодежной политики Курской области функционируют 3 отдела. Однако в комитетах осуществляют свою деятельность, помимо отделов, управления. Ярким примером является комитет образования и науки, в котором функционируют 9 отделов, 2 управления: управление проектно-программной и инновационной деятельности и управление экономики и финансирования. Управления Курской области также включают в себя отделы.

Целесообразно подчеркнуть еще одну особенность исполнительных государственных органов специальной компетенции. Так, высший исполнительный государственный орган – администрацию Курской области – возглавляет непосредственно губернатор как высшее должностное лицо области, что говорит о подотчетности ему всех исполнительных органов, что было отмечено ранее.

Говоря о мерах по предупреждению распространения коронавируса, стоит отметить, что в

Курской области режим повышенной готовности был введен 10 марта 2020 года распоряжением Губернатора Курской области от 10.03.2020 года № 60-рг. Этим документом на комитет здравоохранения области были возложены ряд обязанностей. 23 марта 2020 года в Комитете социального обеспечения, материнства и детства Курской области была открыта горячая линия для помощи пожилым гражданам как одной из социально уязвимых категорий населения.

Кроме того, исполнительными органами рассматривался вопрос о поддержке некоторых категорий бизнеса. Так, Комитет промышленности, торговли и предпринимательства Курской области участвовал в разработке антикризисных мер, которые были закреплены в проекте распоряжения администрации области, предусматривающего временную отсрочку внесения арендных платежей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, были рассмотрены особенности структуры исполнительных органов специальной компетенции в Орловской, Брянской, Курской, Белгородской областях, а также проанализированы меры, принимаемые в условиях предупреждения и нераспространения коронавируса. Исполнительная власть реализуется через высший исполнительный орган в субъекте РФ. Важно подчеркнуть и огромную роль исполнительных государственных органов специальной компетенции в условиях пандемии коронавируса. В это чрезвычайное время данные органы принимали эффективные решения, которые помогали не допустить распространения новой инфекции на территории субъектов РФ. Кроме того, принимаемые меры поддерживали население в тяжелое для страны время.

Рассмотрев особенности структуры исполнительных государственных органов специальной компетенции в ряде субъектов РФ, стоит отметить, что в Орловской области действующая на сегодняшний день система данных органов является нецелесообразно составленной и слож-

ной, требующей изменений. Кроме того, говоря о реформе действующей системы данных органов, разумно уточнить, что изменения должны проводиться постепенно, без резкого сокращения кадров. По нашему мнению, на сегодняшний день существует ряд проблем, не позволяющих органам исполнительной власти эффективно функционировать. Так, следует передать руководство департаментами заместителям Губернатора Орловской области, позаимствовав данный элемент из структуры государственных органов Белгородской области. Ярким примером этого является деятельность первого заместителя Губернатора и Председателя Правительства Орловской области, который является одновременно и руководителем Администрации Орловской области. Кроме того, разумно преобразовать управления, объединив схожие по целям деятельности в единое управление. Например, следует объединить Управление общего образования и Управление профессионального образования и воспитательной работы, поскольку их сферы деятельности довольно схожи. Также в системе исполнительных государственных органов специальной компетенции функционируют два управления – Управление информационных технологий и Управление связи, деятельность которых осуществляется в одном направлении. Следует создать одно Управление информационных технологий и связи, которое будет регулировать общественные отношения в данной сфере. Кроме того, существует необходимость в ликвидации главных управлений, передав их функции новому отделу. На наш взгляд, предложенный ряд изменений позволит улучшить систему исполнительных государственных органов специальной компетенции, сделав работу руководителей государственных органов эффективнее, а также поможет уменьшить и впоследствии искоренить бюрократию в действующей структуре государственных органов.

Библиография:

1. Астафичев П.А. Конституционное право России. – М.: Инфра, 2016. – 389 с.

2. Закон Орловской области «О правительстве и системе органов исполнительной государственной власти Орловской области» от 10.11.2014 № 1683-ОЗ. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/411711266> (дата обращения: 18.07.2021).

3. Официальный сайт Администрации Курской области. Структурные подразделения Администрации Курской области. – URL: <https://adm.rkursk.ru/index.php?id=93> (дата обращения: 18.07.2021).

4. Официальный сайт Губернатора и Правительства Белгородской области. Органы власти. – URL: <https://belregion.ru/author> (дата обращения: 18.07.2021).

5. Официальный сайт Правительства Орловской области. Органы исполнительной государственной власти специальной компетенции Орловской области. – URL: <https://orel-region.ru/index.php?head=6&part=73> (дата обращения: 18.07.2021).

6. Официальный сайт Правительства Брянской области. Исполнительные органы власти. – URL: <https://www.bryanskobl.ru/executive> (дата обращения: 18.07.2021).

7. Постановление Губернатора Белгородской области от 03.04.2020 № 36 «О мерах по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Белгородской области». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3100202004060002> (дата обращения: 18.07.2021).

8. Постановление Правительства Орловской области «О мерах по предупреждению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Орловской области» от 19.03.2020 № 155. – URL: <https://orel-region.ru/index.php?head=17&part=19&docid=15813> (дата обращения: 18.07.2021).

9. Устав (Основной Закон) Орловской области от 26.02.1996. – URL: https://constitution.garant.ru/region/ustav_orlov (дата обращения: 18.07.2021).

10. Червинская А.П. К вопросу о соотношении понятий «парламентаризм» и «народное представительство» // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 6. – С. 50-56.

11. Червинская А.П., Щеголева Н.А. Право граждан на осуществление общественного контроля в России: конституционно-правовое регулирование // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – № 1. – С. 237-244.

References:

1. Astafichev P.A. Konstitutsionnoe pravo Rossii [Constitutional law of Russia]. – M.: Infra, 2016. – 389s. (In Russ.).

2. Zakon Orlovskoi oblasti «O pravitel'stve i sisteme organov ispolnitel'noi gosudarstvennoi vlasti Orlovskoi oblasti» [Law of the Oryol region «On the government and the system of executive government bodies of the Oryol region»] ot 10.11.2014 №1683-OZ. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/411711266> (data obrashcheniia: 18.07.2021). (In Russ.).

3. Ofitsial'nyi sait Administratsii Kurskoi oblasti. Strukturnye podrazdeleniia Administratsii Kurskoi oblasti [Official site of the Administration of the Kursk region. Structural divisions of the Administration of the Kursk region]. – URL: <https://adm.rkursk.ru/index.php?id=93> (data obrashcheniia: 18.07.2021). (In Russ.).

4. Ofitsial'nyi sait Gubernatora i Pravitel'stva Belgorodskoi oblasti. Organy vlasti [Official site of the Governor and the Government of the Belgorod Region. Government]. – URL: <https://belregion.ru/author> (data obrashcheniia: 18.07.2021). (In Russ.).

5. Ofitsial'nyi sait Portala Orlovskoi oblasti. Organy ispolnitel'noi gosudarstvennoi vlasti spetsial'noi kompetentsii Orlovskoi oblasti [Official site of the Portal of the Oryol region. Bodies of executive

state power of special competence of the Oryol region]. – URL: <https://orel-region.ru/index.php?head=6&part=73> (data obrashcheniia: 18.07.2021). (In Russ.).

6. Ofitsial'nyi sait Pravitel'stva Brianskoi oblasti. Ispolnitel'nye organy vlasti [Official site of the Government of the Bryansk region. Executive authorities]. – URL: <https://www.bryanskobl.ru/executive> (data obrashcheniia: 18.07.2021). (In Russ.).

7. Postanovlenie Gubernatora Belgorodskoi oblasti ot 03.04.2020 №36 «O merakh po preduprezhdeniiu rasprostraneniia novoi koronavirusnoi infektsii (COVID-19) na territorii Belgorodskoi oblasti» [Resolution of the Governor of the Belgorod Region dated 03.04.2020 № 36 «On measures to prevent the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) in the Belgorod Region»]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3100202004060002> (data obrashcheniia: 18.07.2021). (In Russ.).

8. Postanovlenie Pravitel'stva Orlovskoi oblasti «O merakh po preduprezhdeniiu zavoza i rasprostraneniia novoi koronavirusnoi infektsii (COVID-2019) na territorii Orlovskoi oblasti» [Decree of the Government of the Oryol region «On measures to prevent the import and spread of a new coronavirus infection (COVID-2019) in the Oryol region»] ot 19.03.2020 №155. – URL: <https://orel-region.ru/index.php?head=17&part=19&docid=15813> (data obrashcheniia: 18.07.2021). (In Russ.).

9. Ustav (Osnovnoi Zakon) Orlovskoi oblasti [Charter (Basic Law) of the Oryol Region] ot 26.02.1996. – URL: https://constitution.garant.ru/region/ustav_orlov (data obrashcheniia: 18.07.2021). (In Russ.).

10. Chervinskaia A.P. K voprosu o sootnoshenii poniatii «parlamentarizm» i «narodnoe predstavitel'stvo» [On the question of the relationship between the concepts of «parliamentarism» and «people's representation»] // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. – 2019. – №6. – S.50–56. (In Russ.).

11. Chervinskaia A.P., Shchegoleva N.A. Pravo grazhdan na osushchestvlenie obshchestvennogo kontroliia v Rossii: konstitutsionno – pravovoe regulirovanie [The right of citizens to exercise public control in Russia: constitutional and legal regulation] // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – 2017. – №1. – S.237–244. (In Russ.).

УДК 316.422:340.136(470)

DOI: 10.22394/2225-8272-2021-10-4-134-143

АГАЕВА Альбина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра теории и истории государства и права, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, (Россия, Орёл), e-mail: alb-agaeva@yandex.ru

AGAEVA A.V., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Oryol State University named after I.S. Turgeneva, (Russian Federation, Orel), e-mail: alb-agaeva@yandex.ru

ОЛОВЯННИКОВА Александра Сергеевна, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, (Россия, Орёл), e-mail: olowjannikowa.alexandra@mail.ru

OLOVYANNIKOVA A.S., Oryol State University named after I.S. Turgeneva (Russian Federation, Orel), e-mail: olowjannikowa.alexandra@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ М. М. СПЕРАНСКОГО И ИХ СОПОСТАВЛЕНИЕ С РОССИЙСКОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ

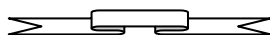
SPECIFICITIES OF SPERANSKY'S LEGISLATIVE TRANSFORMATIONS AND THEIR COMPARISON WITH THE RUSSIAN REALITY

Аннотация. В данной статье рассматривается проект реформирования государственного устройства, разработанный М. М. Сперанским в 1809 году. В ходе исследования уделяется особое внимание реформированию законодательной власти и причинам, которыми оно обусловлено, проводится анализ роли и структуры законодательного сословия в законотворчестве, системы основных нормативно-правовых актов императорской России по М. М. Сперанскому, а также сопоставляются прогрессивные предложения об организации законодательного процесса, разработанные М. М. Сперанским в начале XX века, и российская законодательная действительность. В ходе анализа исторических документов и современной российской законодательной системы удастся выявить особенности преемственности в сфере законотворчества и организации законодательной власти, а также изменения, которые неминуемо коснулись законотворчества и законодательной власти с течением времени.

Ключевые слова: Введение к уложению государственных законов, Государственная Дума РФ, законодательное сословие, законодательная власть, законотворчество, реформы М. М. Сперанского.

Abstract. This article discusses the project of reforming the state system, developed by M.M. Speransky in 1809. In the course of the study, the reform of the legislative power and its grounds were particular emphasis, the role and structure of the legislative estate in legislative process, the system of the main normative legal acts of imperial Russia according to M. M. Speransky are analyzed, and progressive proposals on the organization of the legislative process developed by M. M. Speransky at the beginning of the XX century and the Russian legislative reality are compared. During the analysis of historical documents and the modern Russian legislative system, the article identifies the specificities of continuity in the field of legislative process and the organization of legislative power, as well as changes that inevitably affected legislative process and legislative power over time.

Keywords: Introduction to the code of state laws, the State Duma of the Russian Federation, legislative estate, legislative power, legislative process, reforms of M. M. Speransky.

ВВЕДЕНИЕ

Проект реформирования был разработан М. М. Сперанским еще в 1809 году, полно-

стью отвечая либеральным настроениям молодого Александра I. Тем не менее, предложения, внесенные М. М. Сперанским,

представляют интерес и в настоящее время. Актуальность нашего исследования заключается в том, что проект реформирования М. М. Сперанского не только прямое отражение противоречий своей эпохи, способ решения ряда проблем, назревших в государстве, но и любопытный для изучения с юридической точки зрения документ, который содержит в себе прогрессивные для своего времени идеи и способы организации государственного устройства в целом и законодательной власти в частности. Для нас представляет безусловный интерес, как соотносятся выдвинутые М. М. Сперанским идеи государственного реформирования в части организации законодательной власти и современная российская правовая действительность, поскольку, таким образом, мы сможем проследить, насколько с ходом времени изменилась российская правовая система, какого характера изменения в ней произошли или, напротив, насколько ярко выраженной преемственностью она обладает.

Степень научной разработанности тематики данной статьи, скорее, выражается в разработке отдельных направлений, представляющих интерес для нашего исследования. Так, исследованием реформаторской деятельности М. М. Сперанского и его биографии занимались такие учёные и исследователи разных эпох, как Ф. М. Дмитриев, И. И. Мещерский, В. Н. Латкин, С. В. Мироненко, В. А. Томсинов, С. А. Чибиряев, Л. Л. Ермолинский и многие другие.

ЦЕЛЬ

Целью нашего исследования является сопоставление предложенного М. М. Сперанским плана реформирования государственного устройства императорской России в сфере законодательной власти и современное устройство законодательной власти и законотворчества.

ЗАДАЧИ

Во исполнение заданной цели мы планируем поступательно решить следующие задачи:

- проанализировать Введение к уложению государственных законов 1809 года М. М. Сперанского (далее – Введение);
- сопоставить основные положения Введения к уложению государственных законов и основные положения действующей Конституции РФ, федеральных конституционных законов;
- выявить общие начала и отличия, присущие плану реформирования М. М. Сперанского и современному российскому законодательству;
- проанализировать законотворческий процесс в том виде, который предусматривал М. М. Сперанский, и в том виде, в котором он урегулирован современным российским законодательством.

МЕТОДЫ

В процессе исследования нами применялись анализ Введения к уложению государственных законов 1809 года М. М. Сперанского, современных нормативных правовых актов и исторических источников и синтез полученных знаний для формирования цельной картины исследования.

Также нами был задействован метод сравнения для сопоставления эпох, в которых принимались Уложение и современные нормативно-правовые акты, а также вытекающий из него сравнительно-правовой метод для сравнения отдельных положений представленных нормативно-правовых актов. Для понимания проекта реформирования, разработанного М. М. Сперанским, нам также было необходимо применить исторический метод.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проект содержал несколько последовательных этапов реформирования органов управления государством. Особенность реформирования состояла в том, что изменения должны были учесть интересы различ-

ных социальных групп. Специфика проекта М. М. Сперанского заключалась не только в его исключительно либеральной направленности, но и в попытке рассмотрения механизма управления государством с разных сторон, что отвечало цели привлечь к власти различные социальные слои.

До настоящего времени дошло Введение к уложению государственных законов 1809 года М. М. Сперанского. В первом отделении плана содержится глава «О свойстве законов государственных». Данная глава подразделяет все законы на те, что выступают в качестве регулятора общественных отношений между людьми (гражданские законы), а также на те, что выступают регулятором общественных отношений между людьми и государством (государственные законы) [2]. Подобное деление, естественно, отсылает нас к современному делению права на публичное и частное.

Интерес представляет и другая классификация, приведённая в этой главе – классификация всех государственных законов на преходящие и неподвижные (коренные). М. М. Сперанский поясняет, что преходящие законы – законы, «коиими определяется отношение одного или многих лиц к государству в одном каком-либо случае». В то время как неподвижные законы, что следует из их названия, изменениям не подлежат и обладают большей юридической силой.

На первый взгляд подобное деление отсылает нас к делению на индивидуальные правовые акты и нормативные правовые акты, но в сущности оно таковым не является: индивидуальный правовой акт не является законом, в то время как приведённая М. М. Сперанским классификация предполагает, что преходящие законы, применимые в конкретном случае, суть те же законы, но имеющие свойство постоянно меняться, подстраиваясь под сложившуюся ситуацию. В качестве примеров преходящих законов

М. М. Сперанский приводит законы мира и войны, публичной экономии и уставы полиции.

Получается, согласно проекту М. М. Сперанского, существуют две принципиально разные ветви законотворчества: одна – гибкое, постоянно меняющееся законотворчество, отвечающее изменениям внутри государства и потребностям различных социальных групп, а вторая – незыблемое, не подлежащее никаким корректировкам и обладающее высшей юридической силой.

Современному понимаю сущности и ценности права более созвучным является как раз первый тип законов: они должны соответствовать постоянно меняющимся социальным условиям и запросам населения на законодательные изменения.

Во второй главе М. М. Сперанский поясняет необходимость введения коренных законов и их смысл. Смысл коренных законов, по мнению разработчика проекта, может быть сведён к тому, что основная цель коренного законодательства – обеспечить безопасность и пользу людей, подвластных им. Однако М. М. Сперанский уточняет, что и понятие пользы, и понятие безопасности изменчивы, а потому, постоянно адаптируясь под изменения трактовки этих понятий, закон скорее вредит себе и теряет юридическую силу, чем является эффективным.

Именно поэтому М. М. Сперанский и вводит коренные законы, неизменные и обеспечивающие устойчивость всей правовой системы [4, С.2]. Исходя из этой формулировки, можно прийти к заключению, что коренные законы в понимании разработчика близки к современному пониманию принципов права и государственного устройства – основных начал, опираясь на которые право и государство функционируют. И действительно, коренные законы – положения, с которыми «другие законы должны быть сообразяемы». Нормативным правовым актом, в котором в

современном российском законодательстве отражены основные начала государственного устройства, правовой системы, является Конституция Российской Федерации.

Проект М. М. Сперанского направлен на реализацию принципа разделения властей – принципа, лежащего в основе функционирования современного демократического государства.

По соображениям М. М. Сперанского, законодательная, исполнительная и судебная власть – основные движущие силы, управляющие государством. Далее во Введении он раскрывает мысль о том, что сами по себе эти силы не могут породить ни власти, ни прав, ни обязанностей: они должны функционировать во взаимосвязи, а не «рассеянно» [4, С.3].

В данном случае можно говорить о признании реформатором необходимости следовать системе сдержек и противовесов, разработанной Дж. Локком и Ш. Л. Монтескье и имеющей решающее значение и в современной правовой доктрине. Система сдержек и противовесов находит своё прямое отражение в Конституции Российской Федерации. Принцип разделения властей провозглашён в ст. 10 Конституции РФ.

М. М. Сперанский в третьей главе первого отделения Введения уделяет большое внимание тому, что каждую ветвь власти следует рассматривать в двух аспектах: во взаимодействии с другими ветвями и самостоятельно, «в разделении». Интересно, что, по мнению реформатора, при взаимодействии ветвей порождаются державные права, т.е. права государства, при разделении – права подданных. При дисбалансе разделения и взаимодействия ветвей в пользу державных прав, «соединённых в такой степени, что никаких прав не оставляли бы они подданным», правление в государстве стало бы деспотическим.

При таких обстоятельствах М. М. Сперанский предполагает установление рабства двух видов. Если лицо не может влиять на власть в целом, а на законотворческий процесс в частности, но при этом имеет свободу и право на собственность – это первый тип рабства, политический. Если у лица отсутствуют влияние на власть, личная свобода и право на собственность – это второй типа рабства, не только политический, но и гражданский [3, С.290]. Таким образом, мы видим, что М. М. Сперанский разделяет политические и гражданские права человека и понимает первые в контексте участия человека в управлении государством и воздействии на принятие властных решений, а вторые – как остальные права, не связанные с державной властью и относящиеся либо к межличностным отношениям, либо к отношению к собственности.

Примечательно, что подобные суждения у М. М. Сперанского, пусть и в общем виде, появляются уже в начале XIX века, но вместе с тем основной нормативно-правовой акт, урегулировавший эти отношения на международном уровне – Международный пакт о гражданских и политических правах – был принят лишь в 1966 году.

В предмете коренных законов М. М. Сперанский выделяет две категории. Первая – права державной власти, которые предполагают наличие закона, возникающего из державной власти, а вторая – права подданных.

В отделении «Об общем разуме преобразования» говорится о двух возможных моделях государственного устройства. Разница между ними состоит в том, что первая имеет исключительно декларативный характер: несмотря на формальное разделение властей на три ветви с предоставлением ветвям соответствующих атрибутов, реальная власть всё равно принадлежит лишь самодержавной. По мнению М. М. Сперанского,

это изменения, которые касаются формы, но не содержания власти, и они не могут быть долговечными [2].

Вторую же модель организации разделения властей он считает наиболее эффективной, ведь она является правовой не по форме, а по своей сути: здесь законодательное сословие, хоть и опирается на державную власть, свободно во мнении и отражает волю народа; судебная власть должна быть независима, обладает «свободным выбором», а правительство следит лишь за безопасностью при реализации судебной власти и осуществляет надзор за деятельностью судебных органов; исполнительная власть принадлежит исключительно правительству, но в случае, когда она может «обезобразить» сущность законов, она должна быть подчинена власти законодательной.

Показательно то, что в своих суждениях М. М. Сперанский точно отличает, когда модель имеет декларативный характер, а когда реально осуществима, и, исходя из этого, предлагает организовать государственное устройство тем или иным образом. Анализируя зарубежный опыт, он понимает, что власти далеко не всегда стремятся к реальному разделению властей, а потому не исключает возможности учреждения первой, формальной модели.

Во втором отделении содержатся сведения о законотворческом процессе и о том, какую модель М. М. Сперанский считал наиболее оптимальной. Законотворческий процесс (у М. М. Сперанского – процесс составления закона) сводился к трём последовательным стадиям: предложение, рассмотрение и утверждение. В разделе «О разуме законов в державной власти» содержится положение, декларирующее, что в законодательном порядке соединяются три составных элемента: предложение закона, уважение закона и утверждение закона.

М. М. Сперанский наделяет силой предложения закона (т.е. законодательной инициативой) исключительно правительство, поскольку, согласно его предположениям, наделение ею других субъектов может повлечь чрезмерное разнообразие и несвязность, мешающую законотворческому процессу.

М. М. Сперанский был убеждён, что наделение законодательной инициативой даже законодательного сословия повлечёт за собой обременительный процесс установления порядка принятия на рассмотрение предложений, неминуемо вызовет необходимость отсеивать «вредные» предложения. И поскольку отсеивать неэффективные предложения всё равно придётся державной власти, М. М. Сперанский не счёл нужным усложнять законодательный механизм наделением правом законодательной инициативы кого-то другого.

В настоящий момент круг субъектов РФ, наделённых законодательной инициативой, включает в себя, согласно ст. 104 Конституции РФ: Президента РФ, Совет Федерации, его сенаторов, депутатов Государственной Думы, Правительство РФ, законодательные органы субъектов, а также Верховный и Конституционный Суды РФ по предметам их ведения. Сопоставляя концепцию М. М. Сперанского и современные реалии, можно прийти к выводу, что законодательная инициатива по-прежнему принадлежит органам, наделённым властными полномочиями, но перечень этих органов гораздо шире и включает отнюдь не только исполнительную власть в лице Правительства, но и законодательную власть (в то время как законодательное сословие М. М. Сперанский лишил законодательной инициативы вполне осознанно) и даже судебную власть в пределах предметов её ведения.

М. М. Сперанский же передаёт возможность управления процессом предложения

законов законодательному сословию, только если правительство допускает нарушения коренных законов, несвоевременно представляет или не представляет отчетность, а судебной власти не предоставляет такой возможности вовсе.

Вторая стадия – «уважение закона». Она переходит к законодательному сословию, тем не менее не лишая министров возможности лично объяснять и поддерживать инициативы правительства. М. М. Сперанский добавляет, что ни один закон не может иметь силы, если составлен не законодательным сословием.

Вместе с тем правительство может составлять уложения и учреждения, которые тем не менее должны соответствовать принятым законодательным сословием законам. Таким образом, мы видим, что М. М. Сперанский, если сопоставлять с современной классификацией, разделил нормативные правовые акты на законы и подзаконные нормативные правовые акты.

Однако правительство может сложить с себя ответственность по составлению уставов и учреждений, передавая право их «уважения» законодательному сословию (М. М. Сперанский устанавливает перечень уставов и учреждений, обретающих силу закона), что, напротив, сильно отличает порядок, предусмотренный М. М. Сперанским, от современного: российские законодательные органы не принимают нормативные правовые акты вместо органов исполнительной власти, подзаконные нормативные правовые акты никогда не могут сравняться в юридической силе с законами.

Проект, разработанный М. М. Сперанским, устанавливает, что постановления о мире и войне, «великие меры, приемлемые правительством к спасению отечества среди каких-либо бедствий», частные инструкции относятся к исключительной ответственности правительства. Естественно, в настоящее

время этот порядок гораздо сложнее и обязательно задействует законодательную власть. Например, чрезвычайное положение своим указом вводит Президент РФ, а утверждает этот приказ Совет Федерации (ст. 4 ФКЗ «О чрезвычайном положении»). Аналогичный порядок установлен и при введении военного положения (ст. 4 ФКЗ «О военном положении»).

Весь законодательный порядок М. М. Сперанский делит на четыре ступени. На первой происходит образование волостной думы. Она формируется на уровне волостного города (либо главного волостного селения) из всех, кто отвечает имущественному критерию, являясь владельцем недвижимого имущества, и желает стать депутатом волостной думы. В этой ступени происходит выбор депутатов в окружную думу (не более двух третей всех членов собрания).

Вторая ступень – окружная дума, состоящая из депутатов, отобранных на уровне волостной думы. На этом этапе проходит отбор депутатов в думу губернскую (не более 2/3 от общего числа), выбираются члены окружного совета и суда.

Депутаты в Государственную думу проходят отбор на уровне губернской думы. Возможная численность депутатов в каждой губернии назначается законом. Губернская дума назначает членов губернского совета и суда.

Законодательное сословие в Государственной думе составляется из кандидатов, выбранных губернскими думами. Получается, что выборы в Государственную думу, согласно проекту М. М. Сперанского, являются многоступенчатыми.

М. М. Сперанский делит всё население на три класса сообразно наличию у него гражданских и политических прав. В тот момент российской действительности крепостные крестьяне не обладали ни гражданскими, ни политическими правами. Мещане, купцы и

государственные крестьяне обладали гражданскими правами, но были лишены политических. Дворяне обладали и теми и другими правами.

М. М. Сперанский убеждён, что предоставление гражданских прав и свобод необходимо для всего населения без исключения. Он делает акцент на том, что в зарубежном опыте рабство было уничтожено, и нет никаких оснований, чтоб оно продолжало существовать в России.

Тем не менее, к политическим правам допускать всех, по мнению реформатора, было опрометчиво. Логика Сперанского основывается на том, что люди, имеющие собственность, более беспокоятся о её сохранении, а потому более заинтересованы в разумном законодательном регулировании, в «доброте закона», чем бобыли, собственности не имеющие. Поэтому к политическим правам должны быть допущены все «без различия» люди, обладающие имуществом [2].

В противном случае, если допустить к власти, не имеющие собственности слои населения, они всегда будут перевешивать при голосовании, ведь их больше, а значит, интересы собственников никогда не будут соблюдены, «доброты закона» придерживаться не получится.

Исходя из этого, М. М. Сперанский делит всё население по новому признаку – имущественному, определяющему наличие политических прав. Здесь он выделяет: дворянство, обладающее политическими правами; людей среднего состояния, обладающих частными гражданскими правами; рабочих людей, обладающих общими гражданскими правами. Вместе с тем М. М. Сперанский стремился нормализовать переход из одного класса в другой с последующим наделением перешедшего соответствующими правами («те самые лица, кои по положению их не имеют прав политических, могут их желать и надеяться от труда и промышленности»).

Сейчас равенство населения Российской Федерации провозглашено в основном законе страны – Конституции Российской Федерации. Пункт 2 статьи 19 Конституции содержит положения, согласно которым государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

В настоящее время выборы депутатов в Государственную Думу РФ являются прямыми. Половина депутатов ГД РФ избирается по одномандатным округам, половина – пропорционально числу голосов избирателей, поданных за федеральные списки кандидатов (ст. 3 ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ»). Граждане РФ выдвигаются в качестве кандидатов либо непосредственно, либо в составе федеральных списков кандидатов. Для этого необязательно ранее быть депутатом в представительных органах субъектов РФ.

По М. М. Сперанскому, выборы на каждой ступени проходят раз в три года. Срок избрания Государственной Думы РФ, согласно ст. 96 Конституции РФ, составляет 5 лет, в законодательные (представительные) органы субъектов РФ избрание происходит на срок, установленный уставом (конституцией) субъекта, не превышающий пять лет (п. 5 ст. 4 ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»).

М. М. Сперанский видел структуру Государственной думы следующим образом: председатель Думы (по званию – канцлер), секретарь Госдумы (особый чиновник в помощь председателю), законодательные ко-

миссии, каждая из которых имеет своего председателя и секретаря.

Структура современной Государственной Думы РФ сложнее и включает в себя: председателя ГД РФ, его первых заместителей и заместителей, Совет Госдумы, осуществляющий текущую деятельность, фракции и группы депутатов, комитеты и комиссии ГД РФ, функционирующие для решения конкретных задач [5].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реформы М. М. Сперанского были слишком прогрессивными для своего времени. Возможно, именно поэтому они так и не получили полной реализации в том виде, в котором планировались разработчиком: царская Россия XIX века не имела ни средств, ни возможностей, ни намерения реализовать реформы в первоначальной, полной форме.

В ходе исследования мы увидели, что многие предложения М. М. Сперанского, претерпев некоторые изменения, реализованы в российской действительности:

- разделение властей;
- наделение населения страны основными правами;
- разработка процедуры законодательного процесса, состоящей из нескольких стадий;
- наделение ряда органов, обладающих властными полномочиями, законодательной инициативой;
- разработка основных принципов – общих начал правового регулирования, закреплённых законодательно;
- формирование представительных органов власти как на федеральном, так и на региональном уровне;
- выборная основа формирования законодательных органов;
- разделение нормативных правовых актов на законы и подзаконные нормативные правовые акты;

- деление права на публичное и частное.

Предложения М. М. Сперанского являлись либеральными по своей природе, и, несмотря на то, что часть из них (например, наделение политическими правами лишь состоятельных слоёв населения) кажется нам ограничивающей население и устанавливающей неравенство разных его слоёв, следует понимать, что М. М. Сперанский разрабатывал план реформ, исходя из реалий Российской империи начала XIX века, что подчёркивает прогрессивность его взглядов.

Равенство всех граждан в современной России, безусловно, является критерием, кардинально отличающим разработанный М. М. Сперанским проект реформирования от современной действительности, поскольку как гражданские, так и политические права становятся неотъемлемой частью правового статуса гражданина РФ и ни в одном из основных прав гражданин РФ не может быть ограничен на основании своего имущественного положения и социального статуса, равно как по другим дискриминирующим признакам. Поскольку в современной России отсутствует сословное деление, отсутствует и законодательное сословие как таковое. Исходя из этого коренного отличия, существенно разнится и процедура формирования законодательных органов.

В ходе исследования мы увидели и иные наглядные отличия между предложениями М. М. Сперанского и современной правовой действительностью:

- современные выборы являются прямыми, а не многоступенчатыми;
- законодательной инициативой обладает больший круг субъектов;
- все законы, в том числе Конституция РФ как документ, обладающий высшей юридической силой, в отдельных положениях являются корректируемыми и могут подвергаться изменениям при необходимости, в то время

как М. М. Сперанский предлагал сделать коренные законы неизменными;

- Правительство РФ как исполнительный орган не может быть законодательным, и его законодательные полномочия ограничиваются правом законодательной инициативы, в то время как нормативные правовые акты, утверждаемые правительством, носят характер подзаконных и обладают меньшей юридической силой по сравнению с законами;

- отличаются сроки, на которые избираются депутаты Государственной думы (3 года у М. М. Сперанского против 5 лет согласно Конституции РФ);

- структура современной Государственной Думы является более сложной и разветвленной, чем предложенная М. М. Сперанским;

- вопросы введения военного и чрезвычайного положения на территории РФ решаются Президентом РФ при извещении Совета Федерации РФ и согласовании с ним, в то время как М. М. Сперанский относил принятие экстренных мер к компетенции правительства;

- отличаются стадии законотворческого процесса: на смену предложенным М. М. Сперанским предложению, уважению и утверждению законов приходит более сложный процесс, и если стадии законодательной инициативы, обсуждения и принятия закона в большей или меньшей степени эквивалентны обозначенным М. М. Сперанским, то стадии подписания и опубликования закона являются нововведением современного российского законодательства.

Таким образом, нам удалось проследить процесс преемственности права и установить, что, несмотря на явные сходства между предложениями М. М. Сперанского и современными правовыми положениями, они имеют и множество отличий – как коренных, так и процедурных. Данные отличия обусловлены, прежде всего, совершенно иными политическими и социальными условиями, в

которых разработка предложений по реформированию проводилась.

Библиография:

1. Алексикова О.Е., Агабабов А.Р., Балашова Н.П., Матвеева Е.С., Меркулов А.В., Селютина Е.Н., Сидорова Г.М., Фомина М.Г., Хватов Д.А., Шуляковская Ю.М., Щеголева Н.А. Запад и Восток: современные тенденции развития отношений в контексте международных конфликтов и миграционных процессов. – Орёл, 2019.

2. Введение к уложению государственных законов М.М. Сперанского. [Электронный ресурс] – URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3848894/> (дата обращения: 10.9.2021).

3. Иванов В.С. Проект конституционного преобразования М.М. Сперанского // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – 2010. – №1. – С. 288–291.

4. Карева А.В. Традиции и новации в истории отечественной государственности: план государственных преобразований М.М. Сперанского // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2013. – №1. – С.1–9.

5. Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. [Электронный ресурс] – URL: <http://duma.gov.ru/duma/structure/> (дата обращения: 10.9.2021).

6. Червинская А.П. К вопросу о соотношении понятий «парламентаризм» и «народное представительство» // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – №6. – С.50–56.

7. Червинская А.П., Щеголева Н.А. Право граждан на осуществление общественного контроля в России: конституционно-правовое регулирование // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т.12. – №1. – С.237–244.

References:

1. Aleksikova O.E., Agababov A.R., Balashova N.P., Matveyeva E.S., Merkulov A.V., Selutina E.N., Sidorova G.M., Fomina M.G., Khvatov D.A., Shulyakovskaya Y.M., Shchegoleva N.A. Zapad i Vostok: sovremennyye tendentsii razvitiya otnosheniy v kontekste mezhdunarodnykh konfliktov i migratsionnykh protsessov [West and East: current trends in the development of relations in the context of international conflicts and migration processes]. – Orol, 2019. (In Russ.).
2. Vvedeniye k ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov M.M. Speranskogo [Introduction to the Code of State Laws M.M. Speransky]. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3848894/> (data obrashcheniya: 10.9.2021). (In Russ.).
3. Ivanov V.S. (2010) Proyekt konstitutsionnogo preobrazovaniya M.M. Speranskogo [The project of the constitutional transformation of M.M. Speransky] // *Intellektual'nyy potentsial XXI veka: stupeni poznaniya*. – №1. – S. 288–291. (In Russ.).
4. Kareva A.V. (2013) Traditsii i novatsii v istorii otechestvennoy gosudarstvennosti: plan gosudarstvennykh preobrazovaniy M.M. Speranskogo [Traditions and innovations in the history of national statehood: a plan of state reforms M.M. Speransky] // *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Yesenina*. – №1. – S.1–9. (In Russ.).
5. Ofitsial'nyy sayt Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya RF [The official website of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation] – URL: <http://duma.gov.ru/duma/structure/> (data obrashcheniya: 10.9.2021). (In Russ.).
6. Chervinskaya A.P. (2019) K voprosu o sootnoshenii ponyatiy «parlamentarizm» i «narodnoye predstavitel'stvo» [On the question of the relationship between the concepts of «parliamentarism» and «people's representation»] // *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*. – № 6. – S.50–56. (In Russ.).
7. Chervinskaya A.P., Shchegoleva N.A. (2017) Pravo grazhdan na osushchestvleniye obshchestvennogo kontrolya v Rossii: konstitutsionno-pravovoye regulirovaniye [The right of citizens to exercise public control in Russia: constitutional and legal regulation] // *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. – T.12. – №1. – S.237–244. (In Russ.).

УДК 340.13:342.531(470)4

DOI: 10.22394/2225-8272-2021-10-3-144-153

ЩЕГОЛЕВА Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, декан Юридического факультета, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: natali021orel@mail.ru

SHCHEGOLEVA N.A., PhD in Law, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: nata-li021orel@mail.ru

КЛЕВЦОВ Максим Иванович, Орловский государственный университет им. И.С.Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: m-klev@mail.ru

KLEVTSOV M.I., Oryol State University named after I.S. Turgeneva (Russian Federation, Orel), e-mail: m-klev@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ 1905-1917 ГГ.

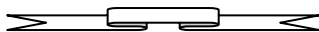
COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF ACTIVITIES STATE DUMA 1905-1917

Аннотация. Цель статьи – с помощью компаративистского подхода рассмотреть особенности развития и функционирования нижней палаты парламента путем сопоставления современной Государственной Думы и дореволюционного образца. Заложенные в 1905 году основы парламентаризма в России послужили базисом для целой системы взаимодействия государственных органов, которая отчасти действует и по сей день. Несмотря на то, что в Российской империи Государственная Дума просуществовала всего 12 лет, это был важный шаг на пути к становлению конституционной монархии, чему в итоге не суждено было сбыться.

Ключевые слова: Государственная Дума, парламент, парламентаризм, конституционализм, государственное управление.

Abstract. The purpose of this article is to consider the features of the development and functioning of the lower house of parliament by comparing The State Duma of the modern and pre-revolutionary models. The foundations of parliamentarianism in Russia, laid in 1905, served as the basis for a whole system of interaction between state bodies, which partly operates to this day. Despite the fact that The State Duma existed in the Russian Empire for only 12 years, it was an important step towards the establishment of a constitutional monarchy, which ultimately did not come true.

Keywords: The State Duma, parliament, parliamentarianism, constitutionalism, public administration.

ВВЕДЕНИЕ

В 2020 году российскому парламентаризму как явлению исполнилось уже 115 лет. Именно в 1905 году под влиянием многих факторов императором Российской империи Николаем II были проведены реформы государственного

строения, повлекшие, в том числе и создание нового органа власти – Государственной Думы.

Но действительно ли началом российского парламентаризма следует считать

1905 год? И много ли современный вариант Государственной Думы РФ «унаследовал» от того самого органа власти Российской империи?

Парламентаризму, как известно, предшествует институт народного представительства. К нему люди стремились еще в далекой древности, ярким примером этого могут послужить сборы народного вече в городах Древней Руси.

Далее, в XVI–XVII вв., существовал такой орган власти, как Земский собор, который по сути являлся представительным органом, сформировавшимся из представителей различных сословий того времени.

Период XVIII века в России принято считать временем абсолютного самодержавия, что подразумевает отсутствие разделения властей и, как следствие, отсутствие представительного органа власти. Но даже в этот период существовали временные коллегиальные органы в лице «Уложенных комиссий», которые работали над систематизацией законодательства.

Более активное обсуждение необходимости введения в России конституционализма и парламентаризма началось с XIX века. Сначала по поручению Александра I М. М. Сперанским был разработан проект Государственной Думы, который должен был быть принят в 1810 году. Сперанский изложил свое видение государственного устройства во «Введении к уложению государственных законов», однако проект был встречен резкой критикой в высших кругах и по итогу не был принят.

К началу XX в. в России сложилась ситуация жесткого противоречия между различными социальными группами, что в итоге привело к Первой русской революции 1905 года. Этот факт заставил искать компромиссы со стороны властей. Следует отметить, что, в конечном счёте, ни один из российских императоров по своей инициативе

не привнес в Россию институты конституционализма и парламентаризма. Изменения, произошедшие в начале XX века, стали вынужденной мерой для властей, на которые они, возможно, не пошли бы при прочих равных условиях [2, С.26].

Первый проект Государственной Думы строился на концепции «правительственного конституционализма», при котором абсолютная власть как бы дополнялась совещательным органом в лице Думы. Итоговый проект был закреплён в Манифесте «Учреждение Государственной Думы» от 6 августа 1905 года и Положении о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 года.

«Булыгинская дума» (так ее называли по фамилии министра внутренних дел того времени) предполагалась лишь как законосовещательный, а не законодательный орган. Её функции предполагалось свести к обсуждению и даче заключений по проектам законов. Дальнейшую работу должен был осуществить Государственный Совет, вынося проставление, которые уже поступали императору для «Высочайшего благоволения».

Но проект законосовещательной Думы уже никого не удовлетворял, революция набирала большую силу, а в октябре 1905 года началась Всероссийская политическая забастовка. «Булыгинская дума» так и осталась существовать лишь на бумаге. А уже 17 октября император издал «Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка», который мы и по сей день знаем, как «Манифест 17 октября».

Кроме всего прочего, Манифест предусматривал создание Государственной Думы как законодательного органа власти при сохранении также такого органа, как Государственный Совет.

Закон о выборах в Государственную Думу I созыва был издан 1 декабря 1905 года.

Отныне данному органу власти стали присущи следующие черты:

1. Не всеобщие и не демократические выборы. Специальными списками для отдельных районов и регионов устанавливалось число выборщиков, участвующих в собраниях.

2. Всего было избрано 497 депутатов.

3. Депутат признавался, неподотчетным избирателям, а также признавалась полная свобода мнений в депутатской деятельности.

4. Устанавливался принцип депутатской неприкосновенности.

5. Государственной Думе предоставлялось полноценное право законодательной инициативы.

В это же время актом «О переустройстве Государственного Совета» были внесены изменения в структуру данного органа власти. Отныне он становился де-факто верхней палатой парламента. В него избирались представители духовенства, губернских земских собраний, дворянских обществ, университетов, Совета торговли и мануфактур, биржевых комитетов сроком на 9 лет, но с обновлением трети состава каждые 3 года.

Подобные изменения во многом приравнивали полномочия Государственной Думы и Государственного Совета – они обладали равным правом законодательной инициативы, оказывали взаимное влияние друг на друга путем принятия или отклонения проектов законов.

Стоит отметить, что важнейшая роль оставалась за императором. Единоличным решением он мог вернуть отклоненный парламентом законопроект, причем на чтение в ту же сессию. Так же любой законопроект требовал императорского утверждения, а в случае отсутствия согласия государя, он получал статус закона и не рассматривался повторно.

Проанализировав вышеназванные признаки, нельзя не отметить очевидное сходство между Государственной Думой, созванной в Российской империи и современной нижней палатой парламента в РФ. Законодательная инициатива, депутатская неприкосновенность, выборность депутатов Думы – всё это присутствует и сейчас. Кроме того, система взаимодействия Государственной Думы и Государственного Совета как нижней и верхней палат парламента во многом совпадает с нынешним устройством Федерального Собрания РФ.

Однако Государственная Дума не стала решением всех острых проблем в обществе и не способствовала распространению в стране парламентаризма в чистом виде.

Создание законодательного органа не дало развития в России принципа разделения властей. Законодательная власть осуществлялась парламентом совместно с императором. Также, несмотря на формальное равенство палат, Государственный Совет отставлял за собой преимущественное положение, так как законопроекты представлялись императору председателем верхней палаты парламента.

Более того, Дума и Совет практически не могли повлиять на формирование бюджета, так как не имели права отклонить проект, представленный им на рассмотрение, и осуществляли по сути лишь законосовещательные функции в этой сфере. Не имели они и возможности в каком-либо виде контролировать исполнительную власть и влиять на нее.

Существует много различных мнений, связанных с изменениями в государственном устройстве России после революции 1905 г. К примеру, известный немецкий ученый М. Вебер называл политический строй России «псевдоконституционализмом», подтверждая это тем, что реальная власть оставалась в руках Императора и Совета Министров,

которые теперь могли «прикрываться» формальным существованием парламентаризма.

Известный российский историк и социолог А. Н. Медушевский в своей работе [3, С. 430], также склонялся к тому, что институты конституционализма и парламентаризма вначале XX века были лишь мнимыми.

И всё же принятие «Манифеста 17 октября», а затем и внесение изменений в «Основные законы» от 23.04.1906 г. следует считать началом истории парламентаризма и конституционализма в России. В данных актах был заложен тот фундамент, на котором базируется система государственных законодательных органов власти и по сей день.

Всего в истории Российской империи было четыре созыва Государственной Думы.

Госдума I созыва состояла по большей части из либеральных и антиправительственных партий – кадетов, трудовиков и т.д. За время работы ими были высказаны самые смелые заявления: создание земельного фонда для крестьян, амнистия многих заключенных, отмена частной собственности. Как итог, уже 8 июля 1906 года царское правительство под предлогом, что Дума не успокаивает общество, а ещё больше «подливает масла в огонь», распустило её. Проработала I Государственная Дума 72 дня.

Подобная участь ждала и Думу II созыва. Она начала свою работу 20 февраля 1907 года, её состав по политическим силам был весьма схож с Думой I созыва, только теперь добавлялись эсеры и социал-демократы. Продолжалось активное обсуждение национализации земель, возможности крестьянам выкупать землю у помещиков.

Уже 3 июня 1907 года Государственная Дума была распущена указом Николая II. Случилось это после того, как премьер-

министр Столыпин обвинил 55 депутатов в заговоре против царской семьи. Данное событие известно в истории как «третьеиюньский переворот». Реальной причиной роспуска послужило то, что состав законодательного органа оказался весьма оппозиционным и налаживание взаимодействия с правительством было практически невозможным.

Здесь стоит отметить, что противоречия между законодательной и исполнительной ветвями власти – Государственной Думой и правительством – стояли остро на протяжении всей истории российского парламента. Первые созывы Госдумы в Российской империи из-за разнородного состава и желания провести кардинальные перемены в стране не могли конструктивно взаимодействовать с правительством и императором, что повлекло их роспуск и дальнейшие изменения в законодательстве. Стоит вспомнить хотя бы тот факт, что Государственная Дума I созыва приняла 391 запрос о незаконных действиях правительства, возглавляемого на тот момент И. Л. Горемыкиным.

Последствием «третьеиюньского переворота» стало принятие нового избирательного закона, по которому отныне должны были избираться депутаты в законодательный орган. Это было грубым нарушением «Основных законов», так как император принял закон в обход и Государственной Думы, и Государственного Совета.

Основная цель принятого избирательного закона – увеличить количество проправительственных сил в законодательном органе.

Неравенство в выборах было огромным: один голос помещика был равен 260 голосам крестьян и 543 голосам рабочих. При этом активным избирательным правом могло пользоваться лишь 15 % населения Российской империи. Также сокращалось

представительство национальных меньшинств.

III Государственная Дума начала свою работу 1 ноября 1907 года. В её составе было 442 депутата (количество уменьшено практически на сотню в сравнении с прежним созывом). Данный созыв Думы остался единственным в истории Российской империи, который проработал весь положенный ей пятилетний срок – с 1907 по 1912 год.

Государственная Дума IV созыва по составу почти не отличалась от III созыва. Её деятельность выпала на военный период – из пяти сессий три выпали на Первую мировую войну.

Николай II 10 марта 1917 года фактически объявил о роспуске Думы и Совета, подписав соответствующий указ. Государственная Дума при этом отказалась подчиняться и по собственной инициативе собиралась в частных совещаниях. Временное правительство же окончательно распустило нижнюю палату парламента 19 октября того же года.

В советский период говорить о существовании парламентаризма в стране не приходилось: законодательная деятельность была возложена на Верховный Совет СССР и Съезд народных депутатов СССР в разные периоды.

12 декабря 1993 года одновременно с референдумом, на котором была принята новая Конституция России, фактически был закреплён статус парламента в РФ – Федерального Собрания, состоящего из двух палат: Совета Федерации и Государственной Думы. Именно с этого момента мы исчисляем начало современного парламентаризма в России. Повторное появление в России института парламентаризма спустя почти век было обусловлено современной теорией разделения властей, которая предусматривала систему «сдержек и противовесов» между ветвями власти.

Действующая Конституция РФ, согласно ст. 103, позволяет Государственной Думе влиять на правительство посредством дачи согласия президенту на назначение председателя правительства, а также при решении вопроса о доверии этому правительству. Также, согласно ст. 13 ФЗ «О Правительстве РФ», Правительство РФ обязано представлять отчеты о своей деятельности Госдуме.

В вопросе преемственности между современной Государственной Думой и образца Российской империи, несомненно, стоит отметить, что нынешняя структура и функционал палаты парламента во многом заимствованы из законодательства начала XX в. и продолжают его идеи, развивая их.

Сама по себе система взаимодействия законодательных органов уже практически повторяет имперскую: есть нижняя палата парламента, куда вносятся законопроекты различными органами власти либо самими депутатами (Государственная Дума); после одобрения нижней палатой законопроект вносится на рассмотрение верхней палаты (Совет Федерации РФ и Государственный Совет соответственно); после принятия верхней палатой законопроект передается главе государства на подписание либо отклонение.

Отдельного внимания заслуживает взаимодействие исполнительных и законодательных органов власти, прежде всего правительства и Госдумы. Этот вопрос был по-своему актуален в дореволюционное время, таковым остается и сейчас.

I Государственная Дума пыталась активно противодействовать правительству. В ответ на это правительство отвергало все крупные инициативы депутатов, в том числе аграрную реформу, пытаясь нагрузить их мелкой работой, что в дальнейшем получило название «думской вермишели». Похожая ситуация была и в Думе II созыва –

антиправительственные настроения не устраивали Совет Министров, и в итоге оба созыва не проработали и года. III Госдума за пять лет своей работы рассмотрела 2570 законопроектов, утвердила 2200. При этом абсолютное большинство проектов было выдвинуто Советом министров и другими управлениями. Законодательная инициатива самих депутатов свелась к тому, что было выдвинуто лишь 205 проектов законов.

Некоторую аналогию здесь можно провести и с современным законодательным процессом. Так, Государственная Дума РФ VI созыва за время работы рассмотрела свыше 6000 проектов законов. Из них 999 было выдвинуто Правительством РФ, отклонено – 50. Президентом РФ было внесено 156 проектов и отклонён 1. В то же время депутатами самой ГД РФ было выдвинуто 2974 проекта, отклонено – свыше 1500. Также законодательными органами субъектов было выдвинуто 1502 проекта, из которых в итоге не были приняты больше 1000. Подобная статистика наводит на мысль о преобладающем положении исполнительной ветви власти и Президента РФ, ведь свыше 85 % выдвигаемых ими законопроектов в итоге принимаются и подписываются Президентом РФ. Чего не скажешь об инициативах самих законодательных органов власти: менее 35 % инициатив в итоге принимаются и подписываются.

Между нынешней Государственной Думой и Думой Российской империи III созыва прослеживаются определенные общие черты – есть одна «превалирующая» партия, которая, иногда пользуясь своим доминирующим положением, может продвигать свои интересы. Исторически сложилось, что, когда в созыв палаты парламента проходили в соизмеримых количествах представители разных партий и политических сил, это заканчивалось тем, что становилось невозможным приходиться к

компромиссам по тем или иным вопросам. Ярким примером тому служат I и II созыв Государственной Думы дореволюционного времени.

Уже в этом году вступит в полномочия VIII созыв Государственной Думы РФ. Сложно сказать, что деятельность современной Государственной Думы проходит абсолютно спокойно и беспрепятственно. За время работы предыдущих созывов было немало спорных и резонансных моментов.

Уместно здесь вспомнить нашумевшее лишение депутатского мандата Геннадия Гудкова в 2012 году. Основанием такого решения официально стало совмещение им депутатской и предпринимательской деятельности. В качестве доказательства использовалась копия подписанного Гудковым и его супругой протокола о собрании учредителей ООО «Коломенский строитель». В 2013 году бывший депутат подал жалобу по этому делу в ЕСПЧ, который начал разбирательство в 2017 году.

Тогда в СМИ решение о лишении мандата сравнивали с уже названным ранее «третьеиюньским переворотом» 1907 года, хотя по масштабу и резонансу сравнивать эти события сложно.

Из известных случаев нарушения прав депутатов Госдумы времен империи можно вспомнить обыск штаб-квартиры РСДРП, снимаемой на депутата И. П. Озола. 5 мая 1907 года полиция провела обыск квартиры, но провести выемку документов или арестовать депутатов до прибытия следствия не смогли, а лишь задержали депутатов на время. По одной из версий, за это время депутатами было уничтожено много документов противоправного содержания. И хотя полиция не обыскивала и не арестовывала депутатов, сам факт обыска уже являлся нарушением депутатской неприкосновенности.

Несмотря на то, что современная Государственная Дума переняла основные лучшие черты Думы дореволюционной и, безусловно, является гораздо более демократической, нельзя не отметить важное преимущество Госдумы образца Российской империи.

Законодательный орган дореволюционного времени (особенно образцов I и II созывов) представляли среди прочих землевладельцы, священники. Это позволяет говорить о представительном характере органа власти, хотя и очень условно с учетом огромного неравенства между классами в процессе выборов.

Современная же Государственная Дума, согласно ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 22.02.2014 г., состоит из 225 депутатов, избираемых по одномандатным округам, и 225 депутатов по федеральному избирательному округу пропорционально числу голосов за списки кандидатов. Среди депутатов практически нет деления на различные социальные группы, слои. Большинство из них – предприниматели, государственные и общественные деятели и т.д. Кроме того, формированием списков занимаются сами партии, соответственно, народное представительство заменяется отчасти на партийное представительство.

Понимание места институтов парламентаризма и народного представительства в современной России невозможно без осмысления исторических аспектов их развития, начиная от новгородского и псковского вече и заканчивая Государственной Думой и парламентом в целом.

Трудно отрицать, что Государственная Дума дореволюционного времени не стала тем органом, появление которого разрешило противоречия в обществе и изменило тип

государственного управления в стране. Не просто так общественные деятели высказывались о «мнимой конституционности» проводимых реформ и политического режима того времени.

Но нельзя и не отметить, что сам факт появления законодательного органа в стране, хоть и с запозданием, стал важнейшим шагом на пути к развитию парламентаризма в стране в целом. Дореволюционная Государственная Дума стала основой для современных законодательных процедур в России, нетрудно найти большое количество параллелей.

Первая в российской истории Государственная Дума стала очень важным событием для государства и общества в целом. Люди впервые получили возможность избирать своих представителей для утверждения законов, по которым будет жить всё государство. Да, необходимо учесть массу условностей: выборы были абсолютно недемократические, не всеобщие; инициатива по созданию такого органа появилась только из-за массовых народных волнений; полномочия законодательного органа были сильно урезаны. Но даже с учетом этих факторов невозможно отрицать значение государственных реформ начала XX века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать вывод об обусловленности использования компаративистского подхода в изучении законотворческого процесса России. Сопоставление действующих законодательных органов власти и органов власти дореволюционного периода позволяет подчеркнуть закономерности развития, положительные черты и недостатки.

Современная Государственная Дума, как и система органов законодательной власти, исправила многие недостатки, присущие дореволюционным властным органам. В частности, выборы стали всеобщими и

демократическими, принцип разделения властей стал осуществляться в более правильном русле (появилась система «сдержек и противовесов» между ветвями власти).

В то же время, на наш взгляд, действующей Государственной Думе РФ всё же присущи недостатки, на которые стоило бы обратить внимание.

Представляется, что существующая «смешанная» избирательная система в Госдуме, заключающаяся в одновременном избрании депутатов по партийным спискам и по одномандатным округам, в какой-то мере противоречит самой сути института народного представительства. Голосуя за партию, а не за конкретных кандидатов, избиратели лишь косвенно выбирают своих представителей, которые должны будут влиять на судьбу всего государства.

В этой связи кажется возможным изменение системы выборов на исключительно мажоритарную с сокращением количества депутатов в Государственной Думе до 250–300 человек для удобства в выборе по избирательным округам.

Кроме того, считаем, что целесообразно сократить количество субъектов, которым принадлежит законодательная инициатива. На данный момент, в соответствии со ст. 104 Конституции РФ, право законодательной инициативы принадлежит Президенту РФ, Совету Федерации, сенаторам РФ, депутатам Государственной Думы, Правительству РФ, законодательным (представительным) органам субъектов, а также Конституционному и Верховному Судам РФ по вопросам их ведения. С учетом соотношения принятых по итогу законопроектов, о котором говорилось выше, кажется, что подобный расклад отчасти нарушает принцип разделения властей, так как исполнительная власть и Президент остаются в преобладающем положении.

В пример здесь можно поставить законодательство США. В их двухпалатном парламенте – Конгрессе США – с законодательной инициативой по общему правилу могут выступать лишь члены этого конгресса. При этом представители иных органов власти также могут косвенно влиять на предлагаемые законопроекты – они, пользуясь общими правами на обращение в орган власти, могут обратиться к одному из «конгрессменов» с определенной идеей, а развивать и воплощать её в законопроект будет сам парламент.

В этой связи видится возможным внесение изменений в ст. 104 Конституции РФ, согласно которым право законодательной инициативы следует оставить лишь депутатам Государственной Думы РФ, Совету Федерации РФ и сенаторам РФ. Такой подход должен уравнивать «расклад сил» в процессе законотворческой инициативы.

Как бы то ни было, парламентаризм в России еще достаточно молод относительно других государств – 12 лет в Российской империи и 28 лет в Российской Федерации. За это время произошла масса изменений, было преодолено множество проблем. Вероятно, в будущем система государственных органов в нашей стране претерпит еще не одно изменение, но всё же не стоит отрицать, что в целом она не стоит на месте и движется по демократическому пути.

Библиография:

1. Глушаченко С.Б. Законотворческая деятельность депутатов Государственной Думы имперского периода // Общество и право. – 2017. – № 2 (60). – С. 224-227.
2. Короткевич В.И. Государственная Дума России в прошлом и настоящем // Ленинградский юридический журнал. – 2005. – № 3. – С. 26-51.

3. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительно-правовой перспективе. – М., 1997. – 650 с.

4. Меркулова А.П. К вопросу о понятии и содержании государственной политики РФ в отношении соотечественников за рубежом // Юридический мир. – 2011. – № 4. – С.44-48.

5. Овсянников Е.А., Меркулова П.А., Щеголева Н.А. Исторический анализ полномочий главы государства в период с 1905 по 2019 г. // Сборник научных статей и докладов XI Международной научно-практической конференции – Орёл: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2019. – С. 175-178.

6. Соловьев К.А., Шелохаев В.В. История деятельности первых Государственных Дум дореволюционной России: сравнительный анализ традиций правотворчества. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – 240 с.

7. Ульянова И.В., Червинская А.П., Щеголева Н.А. Конституционно-правовые основы деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций в современной России // Среднерусский вестник общественных наук. – 2016. – Т.11. – № 6. – С. 276-282.

8. Червинская А.П. К вопросу о соотношении понятий «парламентаризм» и «народное представительство» // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 6. – С. 50-56.

9. Червинская А.П. Конституционно-правовые особенности статуса переселенцев в свете политической ситуации на Украине // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 4 (34). – С. 72-78.

10. Червинская А.П., Борисенков А.Н., Овчинников Р.С. Проблема конфликта интересов в системе гражданской службы в Российской Федерации // Вестник

государственного и муниципального управления. – 2016. – №4(23). – С. 33-37.

11. Червинская А.П., Щеголева Н.А. Право граждан на осуществление общественного контроля в России: конституционно-правовое регулирование // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т.12. – №1. – С.237-244.

12. Гребенкин А.Н., Елисеев А.Л., Матвеева Е.С., Селютина Е.Н., Холодов В.А. Государственно-правовая защита детства в России: исторические аспекты: Монография / Под общей редакцией П.А. Меркулова. Орел, 2016.

References:

1. Glushachenko S.B. (2017) Zakonotvorcheskaya deyatel'nost' deputatov Gosudarstvennoy Dumy imperskogo perioda [Legislative activity of deputies of the State Duma of the imperial period] // Obshchestvo i pravo. – №2(60). – S. 224-227. (In Russ.).

2. Korotkevich B.I. (2005) Gosudarstvennaya Duma Rossii v proshlom i nastoyashchem [State Duma of Russia in the past and present // Leningrad legal journal] // Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal. – №3. – S. 26-51. (In Russ.).

3. Medushevskiy A.N. (1997) Demokratiya i avtoritarizm: rossiyskiy konstitutsionalizm v sravnitel'no-pravovoy perspective [On the concept and content of the state policy of the Russian Federation in relation to compatriots abroad]. – М., – 650s. (In Russ.).

4. Merkulova A.P. (2011) K voprosu o ponyatii i soderzhanii gosudarstvennoy politiki RF v otnoshenii sootchestvennikov za rubezhom [On the concept and content of the state policy of the Russian Federation in relation to compatriots abroad] // Yuridicheskiy mir. – №4. – S.44-48. (In Russ.).

5. Ovsyannikov Ye.A., Merkulova P.A., Shchegoleva N.A. (2019) Istoricheskiy analiz

polnomochiy glavy gosudarstva v period s 1905 po 2019 g. [Historical analysis of the powers of the head of state in the period from 1905 to 2019] // Sbornik nauchnykh statey i dokladov XI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii – Orol: Izdatel'stvo Srednerusskogo instituta upravleniya – filiala RANKhiGS. – S. 175-178. (In Russ.).

6. Solov'yev K.A., Shelokhayev V.V. (2013) Istoriya deyatelnosti pervykh Gosudarstvennykh Dum dorevolutsionnoy Rossii: sravnitel'nyy analiz traditsiy pravotvorchestva [The history of the first State Dumas in pre-revolutionary Russia: a comparative analysis of the traditions of lawmaking]. – M.: Izdaniye Gosudarstvennoy Dumy. – 240s. (In Russ.).

7. Ul'yanova I.V., Chervinskaya A.P., Shchegoleva N.A. (2016) Konstitutsionno-pravovyye osnovy deyatelnosti sotsial'no oriyentirovannykh nekommercheskikh organizatsiy v sovremennoy Rossii [Constitutional and legal foundations of the activities of socially oriented non-profit organizations in modern Russia] // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – T.11. – №6. – S.276–282. (In Russ.).

8. Chervinskaya A.P. (2019) K voprosu o sootnoshenii ponyatiy «parlamentarizm» i «narodnoye predstavitel'stvo» [On the question of the relationship between the concepts of «parliamentarism» and «people's representation»] // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. – №6. – S.50-56. (In Russ.).

9. Chervinskaya A.P. (2014) Konstitutsionno-pravovyye osobennosti statusa pereselentsev v svete politicheskoy situatsii na Ukraine [Constitutional and legal features of the status of immigrants in the light of the political

situation in Ukraine] // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – № 4 (34). – S. 72-78. (In Russ.).

10. Chervinskaya A.P., Borisenkov A.N., Ovchinnikov R.S. (2016) Problema konflikta interesov v sisteme grazhdanskoj sluzhby v Rossiyskoy Federatsii [The problem of conflict of interest in the system of civil service in the Russian Federation] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – №4(23). – S.33-37. (In Russ.).

11. Chervinskaya A.P., Shchegoleva N.A. (2017) Pravo grazhdan na osushchestvleniye obshchestvennogo kontrolya v Rossii: konstitutsionno-pravovoye regulirovaniye [The right of citizens to exercise public control in Russia: constitutional and legal regulation] // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – T.12. – №1. – S.237–244. (In Russ.).

12. Grebenkin A.N., Yeliseyev A.L., Matveyeva Ye.S., Selyutina Ye.N., Kholodov V.A. (2016) Gosudarstvenno-pravovaya zashchita detstva v Rossii: istoricheskiye aspekty [State-legal protection of childhood in Russia: historical aspects]: Monografiya / Pod obshchey redaktsiyey P.A. Merkulova. – Orel. (In Russ.).

ИЛЬИН Алексей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, директор, Тамбовский филиал РАНХиГС (Российская Федерация, Тамбов), e-mail: auiylin@yandex.ru

ILYIN A. Yu., doctor of Historical Sciences. Professor, Director of the Tambov Branch of RANEPА (Russian Federation, Tambov), e-mail: auiylin@yandex.ru

**РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ТАМБОВА
В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

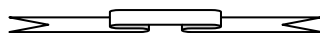
**DEVELOPMENT OF TAMBOV'S HUMAN POTENTIAL
AT THE END OF XX – EARLY XXI CENTURY**

Аннотация. Целью исследования – является рассмотрение особенностей формирования среды в процессе развития человеческого потенциала жителей города Тамбова в первом десятилетии XXI века. В статье выявляются детерминирующие факторы развития человеческого потенциала провинциального областного центра, влияние общего для страны изменения сформировавшегося в предыдущий период тренда социальной трансформации. Исследование заключается в выявлении условий развития человеческого потенциала города в период социально-экономической стабилизации. В результате получены выводы о сложившихся в исследуемом периоде условиях для повышения качества жизни населения города, во многом определившие характеристики развития человеческого потенциала Тамбова в дальнейшем.

Ключевые слова: человеческий потенциал, демографическая ситуация, локальный рынок труда, индекс качества жизни, образование, здравоохранение.

Abstract. The purpose of the study is to identify the features of the processes of human development in the city of Tambov in the first decade of the twenty-first century. The article identifies the determinants of the development of the human potential of the provincial regional center, the influence of the general change for the country, the trend of social transformation formed in the previous period. The scientific novelty of the research lies in the identification of new trends and specifics of the development of the human potential of the city during the period of socio-economic stabilization. As a result, conclusions were drawn about the formation in the period under study of conditions for improving the quality of life of the city's population, which largely determined the characteristics of the development of human potential in Tambov at the present stage.

Keywords: human potential, demographic situation, local labor market, quality of life index, education, healthcare.

ВВЕДЕНИЕ

Исторический анализ событий и процессов периодов существенно важных изменений в жизни общества имеет огромное значение для

осмысления тенденций последующего развития. Исторические исследования позволяют выявить инерционное влияние сложившегося на предыдущем этапе тренда, определить точки его перелома, детерминирующие факторы смены вектора развития.

Первое десятилетие XXI века – период, имеющий принципиально важное значение для последующего развития страны, регионов, благополучия населения. Системные трансформации периода конца 1980-х и 1990-х годов не только привели к изменению общественной системы, но и породили комплекс проблем, фактическое начало решения которых пришлось на 2000–2010 годы. Сложившиеся различия в уровне экономического развития и ресурсного потенциала субъектов Российской Федерации, демографической ситуации в них обусловили особенности развития областных центров на данном временном отрезке.

В полной мере это относится и к Тамбову – административному центру Тамбовской области, положение которого во многом типично для региональных центров европейской части России.

Основным ресурсом развития современного города является его человеческий потенциал. «В практике многих стран уровень развития человеческого потенциала, а также показатели, рассчитываемые на основе данной концепции, являются общепринятой практикой при оценке перспектив социально-экономического развития современных городов» [2].

Значение человеческого потенциала как основы поступательного движения в социальной сфере, в экономике подчеркивается во многих источниках, в том числе на международном уровне [10; 22].

Данное направление научных исследований начало складываться в середине двадцатого века с появлением теории человеческого капитала. Впоследствии широкое

распространение получила категория человеческого потенциала. Особенности и соотношение этих понятий охарактеризованы в ряде научных работ отечественных и зарубежных авторов [15; 20; 21]. Опубликованы работы, в которых даются обоснованные авторские трактовки человеческого потенциала как научной категории [2; 6; 8].

Широко и с разных позиций исследуются проблемы развития человеческого потенциала, его основные факторы [1; 3; 6; 9; 11]. Особо следует отметить интерес ученых к региональным аспектам развития человеческого потенциала [1; 12; 13; 14; 19]. Интерес также представляет анализ данных процессов на уровне муниципальных образований, занимающих в регионе доминирующее в экономическом и культурном отношении положение.

Представляется вполне обоснованным утверждение определяющего значения повышения уровня качества жизни населения в системе факторов развития человеческого потенциала. Для регионов и городов данный тезис имеет особую актуальность. Категория «качество жизни» – в применении к населению города – предполагает в историческом исследовании анализ комплекса показателей, характеризующих степень удовлетворения материальных, духовных и социальных потребностей населения муниципального образования. Разработаны различные модели данного комплекса, имеющие, несмотря на некоторые различия, общий принцип системности. Ряд научных работ посвящен исследованию взаимосвязи и взаимозависимости состояния человеческого потенциала и качества жизни населения [4; 5; 16; 17; 18].

Представлен анализ статистических данных по городу Тамбову за первое десятилетие двадцать первого века, сравнение их с соответствующими показателями Тамбовской

ИСТОРИЯ ПРАВОВОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

области дают возможность охарактеризовать не только абсолютные изменения в жизни населения города в период стабилизации социально-экономической ситуации, преодоления ряда порожденных предыдущим десятилетием проблем, но и сопоставить их динамику.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТАМБОВА В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Город Тамбов традиционно занимает в регионе положение, характерное для многих областных центров. В первое десятилетие XXI века его значение для региона характеризовалось комплексом показателей (табл. 1). Снижение значений ряда показателей во многом объясняется изменениями методики расчета. Но общая оценка удельного веса Тамбова в структуре региона принципиально не изменилась. Удельный вес города по численности населения, составлявший, по данным официальной статистики¹, в 2000 году 24,5 %, за десятилетие увеличился на 1,2 %. Тенденция типична для многих регионов страны со схожим уровнем социально-экономического развития.

Один из наиболее значимых факторов потенциала развития города – демографическая ситуация. Изменение численности населения, количественных показателей социально-демографических групп – в первую очередь трудоспособного населения и пенсионеров – влияет практически на все экономические показатели, планы развития социальной инфраструктуры и т.д.

Таблица 1 – Удельный вес г. Тамбова в основных социально-экономических показателях Тамбовской области (процентов)

Table 1 – The share of the city of Tambov in the

main socio-economic indicators of the Tambov region (percent)

Наименование показателя	2000 г.	2005 г.	2010 г.
Численность населения	24,5	25,2	25,7
Среднегодовая численность работающих в организациях (без учета занятых индивидуальной трудовой деятельностью (2005), субъектов малого предпринимательства (2010))	30,1	35,0	32,6
Наличие основных фондов организаций (по полной учетной стоимости крупных и средних коммерческих и некоммерческих организаций (2005), по полной учетной стоимости; по коммерческим, без субъектов малого предпринимательства, и некоммерческим организациям (2010))	36,4	65,5	58,2
Объем отгруженных товаров собственного производства (обрабатывающая промышленность)	н.д.*	54,1	47,8
Объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство»	н.д.*	41,6	14,5
Ввод в действие общей площади жилых домов	38,8	46,6	51,8
Оборот розничной торговли	49,7	45,6	25,3
Инвестиции в основной капитал	28,2	37,5	22,7

Для города Тамбова изменения, произошедшие в начале XXI века, нельзя признать позитивными. Общая численность

¹ Прим.: составлено на основе данных: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2002. – М., 2002.

постоянного населения составляла в 2000 г. 302 тыс. человек¹, в 2005 г. – 284,5 тыс.², в 2010 г. – 280,5 тыс.³ при максимальном значении 308,6 тыс. в 1997 г. Данные тех же источников позволяют рассчитать среднегодовой темп снижения численности населения за 2000–2010 годы. Он составил около 0,65 %. Но 2010 год стал точкой перелома тренда для последующего десятилетия. В 2010 году численность населения Тамбова выросла на 0,68 %. Влияние миграционных потоков было неравномерным (таблица 2). Выбор периодов для представления данных неслучаен: показана точка перелома как момент изменения тенденции. Но и в последующие годы не был достигнут положительный показатель миграционного прироста – 4781 человек, пришедшийся на 1995 год.

Такая динамика численности жителей Тамбова обусловлена комплексом нескольких факторов. Наиболее существенным является общее сокращение численности населения области с 1213,6 тыс. человек в 2000 году до 1089,7 в 2010 году⁴. Снижение на 10,21 % при сохранении тренда и в последующие годы. В этом отношении также весьма значим показатель сокращения в данный период сельского населения области почти на 12,3 %. Этим во многом объясняется рост удельного веса Тамбова в численности населения области при сокращении его собственного постоянного населения.

Таблица 2 – Миграция населения (человек)
Table 2 – Migration of the population (people)

Наименование	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Число прибывших, всего	4078	3022	4139	3812	4623
Число выбывших, всего	4452	3592	3665	3445	3437
Миграционный прирост (+), снижение (-), всего	-374	-570	+474	+367	+1186

Источник: Города и районы Тамбовской области. Статистический сборник. – Тамбов, 2012.

Убыль населения города имеет различные причины. Среди них на первом месте естественные причины (табл. 3).

Таблица 3 – Естественное движение населения Тамбова (человек)

Table 3 – Natural movement of the population of Tambov (people)

Наименование показателя	2000 г.	2005 г.	2010 г.
Число родившихся	2219	2411	2665
Число умерших	4688	4555	4326
Естественный прирост (+), убыль (-)	-2469	-2144	-1661
Число родившихся на 1000 чел. населения	7,4	8,4	9,5
Число умерших на 1000 чел. населения	15,6	15,9	15,1
Естественный прирост (+), убыль (-)	-8,2	-7,5	-5,6

Источники: Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2006. Статистический сборник. – М., 2006; Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2011. – М., 2011.

Также имеет место влияние оттока – в первую очередь части экономически активного населения – в связи с комплексом негативных экономических причин, в числе которых сокращение числа рабочих мест в хозяйственном комплексе области и города, более высокий уровень оплаты труда в ряде регионов страны (особенно в близлежащем столичном). Последствия вышеназванных процессов проявляются в сдвигах

¹ Прим.: составлено на основе данных: Тамбову – 370 лет. Юбилейный историко-статистический сборник. – Тамбов, 2006. – С. 211.

² Прим.: составлено на основе данных: Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. Статистический сборник. – М., 2006. – С. 76.

³ Прим.: Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2011. – М., 2011. – С. 76.

⁴ Прим.: Тамбовская область в цифрах, 2014: Краткий статистический сборник. Т. 17. – Тамбов, 2014. – С. 8.

количественных показателей возрастной структуры населения. В этом отношении показательна динамика за относительно благополучный период 2005–2010 годов (табл. 4).

Ситуация выглядит неблагоприятной. За пятилетие численность трудоспособного населения снизилась более чем на 5,3%, нетрудоспособного выросла незначительно – около 0,1%. Но количество лиц старше трудоспособного возраста при этом увеличилось почти на 6,7%. Относительное старение населения, рост демографической нагрузки на трудоспособных граждан негативно повлияли на состояние трудового потенциала города, его развитие в последующие годы.

Таблица 4 – Распределение населения Тамбова по возрастным группам

Table 4 – Distribution of the population of Tambov by age groups

Наименование показателя	2005 г.	2010 г.	Δ
Трудоспособное население (тыс. чел.)	184,1	174,3	-9,8
Старше трудоспособного возраста (тыс. чел.)	62,9	67,1	+4,2
Моложе трудоспособного возраста (тыс. чел.)	40,2	36,1	-4,1
Отношение нетрудоспособного населения к трудоспособному, (%), всего	56,0	59,2	+3,2
старше трудоспособного возраста	34,2	38,5	+4,3
моложе трудоспособного возраста	21,8	20,7	-1,1

Источники: Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. Статистический сборник. – М., 2006; Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2011. – М., 2011.

Социально-экономическое развитие города, уровень благосостояния населения прямо зависят от состояния локального рынка труда, определяющего возможности занятости

горожан, величину доходов не только работающих, но и всех членов домохозяйств. Детерминирующим фактором выступает спрос на труд, количественной характеристикой которого является наличие рабочих мест на городских предприятиях и в организациях. При этом значимы условия труда, величина заработной платы. Основные показатели, позволяющие анализировать состояние городского рынка труда без учета субъектов малого предпринимательства и занятых индивидуально-трудовой деятельностью, приведены в табл. 5.

Таблица 5 – Состояние рынка труда Тамбова
Table 5 – The state of the labor market in Tambov

Наименование показателя	2000 г.	2005 г.	2010 г.	Δ (2010/2000 ; %)
Среднесписочная численность работников предприятий и организаций (тыс. чел.)	117,9	104,8	96,7	-18,0
Не занятых трудовой деятельностью, зарегистрированных в службах занятости (тыс. чел.)	3,57	3,77	2,22	-37,8
в т.ч. официально зарегистрированных безработных	3,38	3,67	2,22	-34,3
из них назначено пособие по безработице	2,95	3,05	1,96	-33,6

Источники: Тамбову – 370 лет. Юбилейный историко-статистический сборник. – Тамбов, 2006; Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. Статистический сборник. – М., 2006; Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2011. – М., 2011; Города и районы Тамбовской области. Статистический сборник. – Тамбов, 2012.

Период относительно стабильного развития города характеризуется улучшением состояния занятости населения даже на фоне существенного снижения значения такого показателя, как

среднесписочная численность работников предприятий и организаций. Снижение в определенной степени компенсируется ростом численности индивидуальных предпринимателей. На конец 2010 года количество индивидуальных предпринимателей, включенных в статистический регистр хозяйствующих субъектов, составило 8727 единиц. Прирост к 2005 году более чем на 20,7 %¹. Также следует учитывать то, что большее по сравнению с предыдущими годами количество горожан стало занимать рабочие места на предприятиях Тамбовского района, иных населенных пунктов области. Это стало во многом возможно в силу повышения уровня транспортной доступности, роста числа личного автотранспорта. Определенное количество горожан работают за пределами области по вахтовому методу и, соответственно, учитываются как занятые.

Следует отметить изменение структуры занятости по масштабам предприятий и организаций, предоставляющих рабочие места. Количество организаций, включенных в статистический регистр хозяйствующих субъектов, за десятилетие имело устойчивый рост (2000 г. – 5507, 2005 г. – 6516, 2010 г. – 9070) при отмеченном выше снижении среднесписочной численности работников². Это стало продолжением тенденции 1990-х годов, периода катастрофического экономического спада, системных институциональных трансформаций. Сложившаяся в тот период негативная инерция не была преодолена в 2000–2010 годах. Не была решена задача перелома тренда в сложившейся динамике износа основных фондов (табл. 6).

Незначительное снижение показателя по коммерческим организациям сменилось его ростом в 2011 году. Но высокий процент объясняется в первую очередь положением на крупных и средних промышленных предприятиях

города.

Таблица 6 – Степень износа основных фондов (на конец года; %)

Table 6 – Degree of depreciation of fixed assets (at the end of the year; %)

Наименование	2000 г.	2005 г.	2010 г.
Фонды коммерческих организаций*	39,2	64,5	62,2
для сравнения: всего по области	47,2	55,6	56,7
Фонды некоммерческих организаций	23,3	40,8	61,3
для сравнения: всего по области	33,8	45,2	57,6

*Не относящихся к субъектам малого предпринимательства.

Источники: Города и районы Тамбовской области. Статистический сборник. – Тамбов, 2012.

Показательно в отношении структурных сдвигов в производственном комплексе изменение места Тамбова в рейтинге муниципальных образований области по уровню среднемесячной заработной платы. В 2000–2009 годах Тамбов стабильно занимал 1-е место. В 2010 году сместился на 2-е, уступив первенство Мичуринскому муниципальному району³.

Вместе с тем сравнение показателей среднемесячной номинальной начисленной заработной платы по области и городу показывает следующее соотношение (табл. 7).

Таблица 7 – Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников предприятий и организаций (рублей)

¹ Прим.: составлено на основе данных: Города и районы Тамбовской области. Статистический сборник. – Тамбов, 2012. – С. 134.

² Там же. – С. 133.

³ Города и районы Тамбовской области. Статистический сборник. – Тамбов, 2005. – С. 78; Города и районы Тамбовской области. Статистический сборник. – Тамбов, 2012. – С. 62.

ИСТОРИЯ ПРАВОВОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Table 7 – Average monthly nominal accrued wages of employees of enterprises and organizations (rubles)

Наименование	2000 г.	2005 г.	2010 г.
Всего по области	1234,5	5173,4	13 155,3
Тамбов	1567,1	6675,6	15 466,6
Отношение показателя Тамбова к среднеобластному	1,27	1,29	1,18

Источники: Города и районы Тамбовской области. Статистический сборник. – Тамбов, 2005; Города и районы Тамбовской области. Статистический сборник. – Тамбов, 2012.

Для характеристики общего уровня жизни населения по муниципальным образованиям официальная статистика, наряду с другими показателями, фиксирует динамику размера банковских вкладов граждан, приводя данные по наиболее значимому кредитно-финансовому учреждению – Сберегательному банку (табл. 8).

Таблица 8 – Банковские вклады (депозиты) физических лиц в подразделениях Сберегательного банка РФ (на рублевых и инвалютных счетах)

Table 8 – Bank deposits (deposits) of individuals in the subdivisions of the Savings Bank of the Russian Federation (in ruble and foreign currency accounts)

Наименование	Сумма вкладов (на конец года, млн руб.)		
	2000 г.	2005 г.	2010 г.
Всего по области	2132,4	7947,6	26 938,9
Прирост к предыдущему (%)	–	272,7	238,9
Тамбов	879,1	3582,3	14 066,5
Прирост к предыдущему (%)	–	307,5	292,7
Удельный вес Тамбова в общеобластном показателе (%)	41,2	45,1	52,2

Источники: Города и районы Тамбовской области. Статистический сборник. – Тамбов, 2005; Города и районы Тамбовской области. Статистический сборник. – Тамбов, 2012.

Город демонстрировал опережающую по сравнению с иными муниципальными образованиями области положительную динамику, увеличение его доли в общем объеме

сбережений населения области. Отсутствие данных по вкладам в иных кредитно-финансовых организациях вряд ли повлияет на общую картину, так как для подавляющего большинства населения области Сбербанк был и остается основным учреждением такого рода.

Качество жизни населения города – это не только экономический показатель, разработанный по инициативе государственной корпорации развития ВЭБ.РФ индекс качества жизни включает наряду с прочими показатели: доступность школ, больниц, магазинов, объектов культурной сферы [1]. Общая идея не нова, но существенно важными являются разработка методики расчета сводного индекса и детализация основных показателей. В ретроспективном анализе ориентация на заданные принципы построения профиля городов представляется вполне эффективной.

В 2000–2010 годах в Тамбове в сфере здравоохранения наблюдалась неравномерная динамика по ряду показателей (табл. 9).

Таблица 9 – Сеть лечебных учреждений Тамбова (на конец года на 10 000 человек населения)

Table 9 – The network of medical institutions in Tambov (at the end of the year, per 10,000 population)

Наименование показателя	2000 г.	2005 г.	2010 г.
Численность врачей всех специальностей*	68,2	71,6	70,6
Численность среднего медицинского персонала*	160,4	173,3	167,0
Число больничных коек	213,6	210,4	200,6
Мощность амбулаторно-поликлинических учреждений**	358,4	374,4	387,6

*Общая численность работников, имеющих специальное образование, занятых в лечебных, санитарных организациях, образовательных и иных учреждениях; **Посещений в смену. Источники: Тамбову – 370 лет. Юбилейный историко-статистический сборник. – Тамбов, 2006; Города и районы Тамбовской области. Статистический сборник. – Тамбов, 2012.

Используемая в статистике методика не позволяет точно определить количество работников, непосредственно оказывающих медицинскую помощь. Оно по понятным

причинам меньше приводимых показателей. Но показатели Тамбова не имеют принципиальных отличий от показателей других сопоставимых по величине областных центров.

Общее количество больничных учреждений сократилось с 18 в 2000 году до 16 в 2010 году (по области сокращение более чем в 2 раза). В целом с учетом развития материально-технической базы учреждений здравоохранения, повышения мощности поликлиник доступность медицинских услуг для населения города оставалась достаточной.

Сеть образовательных организаций Тамбова в исследуемый период изменялась в соответствии с экономическими, демографическими, организационно-управленческими трансформациями.

Резкий спад рождаемости в 1990-е годы обусловил к началу 2000-х снижение числа детей в дошкольных образовательных учреждениях. Тяжелое финансовое положение промышленных предприятий, смена их организационно-правовой формы, ликвидация некоторых из них привели к закрытию ряда ведомственных детских садов, передаче зданий и имущества на баланс города, бюджетные возможности которого не позволяли обеспечить функционирование учреждений. Их количество в городе сократилось с 72 в 2000 году до 55 в 2005-м и до 54 в 2010-м¹. Но с улучшением экономической ситуации, что позволило городу выделять необходимые для ремонта и модернизации зданий, закупки оборудования и инвентаря средства, а также с ростом рождаемости охват детей дошкольным образованием получил положительную динамику. Численность детей в дошкольных образовательных учреждениях Тамбова составляла (на конец года): 8285 в 2000 году, 8662 в 2005-м и 10 995 в 2010 году². Обеспеченность

детей (в процентах от численности детей соответствующего возраста) повысилась с 62,8 в 2000 году до 71,9 в 2009 году при среднеобластном показателе 49,0. Новые учреждения в эти годы в действие не вводились. Проблема нехватки мест в дошкольных образовательных учреждениях города не была решена окончательно, но стала менее острой.

Общеобразовательные учреждения начали укрупняться с целью оптимизации управления и использования материальной базы. Их количество (с учетом только дневных государственных) последовательно сокращалось с 54³ в 2000 году до 33⁴ в 2010 году. Но это не означало снижения доступности образовательных услуг для населения. Численность учащихся дневных общеобразовательных учреждений сократилась (по данным на начало учебного года) более чем на 38 % (23 418 человек в 2009/2010 учебном году)⁵. За этот период были введены в действие общеобразовательные учреждения на 2640 ученических мест⁶. Системе образования Тамбова не удалось избавиться от проведения в школах занятий во вторую смену, но удельный вес школьников, вынужденных обучаться в таком режиме, снизился.

Тамбов, будучи областным центром, оставался и центром подготовки кадров в организациях среднего (СПО) и высшего (ВПО) профессионального образования (табл. 10).

Таблица 10 – Численность студентов и выпускников учреждений, реализующих программы среднего и высшего профессионального образования в Тамбове

³ Тамбову – 370 лет. Юбилейный историко-статистический сборник. – Тамбов, 2006. – С. 35.

⁴ Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2011. – М., 2011. – С. 78.

⁵ Города и районы Тамбовской области. Статистический сборник. – Тамбов, 2010. – С. 37.

⁶ Города и районы Тамбовской области. Статистический сборник. – Тамбов, 2005. – С. 284; Города и районы Тамбовской области. Статистический сборник. – Тамбов, 2012. – С. 227.

¹ Города и районы Тамбовской области. Статистический сборник. – Тамбов, 2012. – С. 75.

² Города и районы Тамбовской области. Статистический сборник. – Тамбов, 2012. – С. 76.

Table 10 – The number of students and graduates of institutions implementing programs of secondary and higher professional education in Tambov

(на начало учебного года, человек)

Наименование	2000 г.	2005 г.	2010 г.
Число студентов учреждений СПО	8384	8223	6986
Удельный вес Тамбова в общеобластном показателе (%)	40,7	38,6	46,8
Выпуск специалистов учреждениями СПО*	2415	2528	2185
Удельный вес Тамбова в общеобластном показателе (%)	44,5	42,6	50,2
Число студентов учреждений ВПО**	17 757	31 114	33 264
Удельный вес Тамбова в общеобластном показателе (%)	71,0	74,7	78,8
Выпуск специалистов учреждениями ВПО*	2673	4884	7236
Удельный вес Тамбова в общеобластном показателе (%)	70,5	77,5	81,1

*В течение года.

** Без учета обучающихся иностранных граждан.

Источник: Города и районы Тамбовской области. Статистический сборник. – Тамбов, 2012.

Кроме Тамбова, в котором сосредоточены крупнейшие вузы (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Тамбовский государственный технический университет, Музыкально-педагогический институт им. С. В. Рахманинова) и филиалы иногородних высших учебных заведений (Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, АНО «Российский новый университет»), высшее образование в области представлено Мичуринским государственным аграрным университетом.

Комфортность городской среды для населения также зависит от наличия и доступности учреждений культурно-досугового назначения, объектов для занятий физической культурой и спортом, рекреационных зон. Но в силу разнородности этих объектов тренды их развития не могут быть одинаковыми.

Статистические сборники, в частности,

оперируют такими показателями, как число публичных библиотек, их посещаемость, число книг и журналов в них, число киноустановок с платным показом и т.п. Но уже в первое десятилетие XXI века развитие сети Интернет с множеством разнообразных сервисов в корне изменило потребительские предпочтения и создало новые возможности доступа к образовательным и развлекательным ресурсам. Изменились и требования к форме их предоставления. На этом фоне объективно обосновано снижение ряда важных в прошлом показателей.

За 2000–2010 годы число публичных библиотек в Тамбове сократилось с 38 до 30. Их фонды сократились более чем на 10 %. Число учреждений культурно-досугового типа упало с 14 до 6 (проявление одного из последствий закрытия крупных предприятий, содержавших клубы и дома культуры). Число посещений киносеансов в среднем на одного жителя колебалось от 0,5 в 2000-м до 0,9 в 2010 году¹. Новые учреждения клубного типа не открывались.

В исследуемом периоде доступность объектов для занятий физической культурой и спортом обеспечивалась действующими стадионами («Спартак», «Локомотив»), дворцами спорта («Антей», «Кристалл») и др. Было начато строительство ряда новых объектов, введенных в действие в последующие годы.

В целом 2000–2010 годы стали временем улучшения условий для развития человеческого потенциала Тамбова, основой для реализации ряда программ, направленных на повышение качества жизни населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ комплекса статистических показателей по городу Тамбову за 2000–2010 годы позволяет охарактеризовать

¹ Города и районы Тамбовской области. Статистический сборник. – Тамбов, 2012. – С. 95, 97, 99, 105.

исследуемый период как исторически значимый этап стабилизации социально-экономической ситуации. Город – областной центр – продемонстрировал более успешное по сравнению с областью развитие.

Итоги работы позволят продолжить исследование, с комплексной характеристикой процессов, происходивших в городе и области в 90-е годы двадцатого столетия, что позволит определить точки перелома сложившихся трендов в изменении отдельных конкретных элементов комплексного показателя качества жизни населения, продолжающееся инерционное движение. На этой основе можно строить подход к исследованию проблем и перспектив развития в последующие годы, выявлять как позитивные, так и негативные тенденции.

В целом 2000-2010 годы стали временем улучшения условий для развития человеческого потенциала Тамбова, основой для реализации ряда программ, направленных на повышение уровня качества жизни населения.

Библиография

1. Алиева З.К. Факторы, влияющие на человеческий потенциал в регионе. // Аллея науки. – 2019. – Т.5. – №1(28). – С.322–326.
2. Бабинцев В.П., Куркина М.П. Человеческий потенциал как научная категория. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2012. – № 8 (127). – С.223–229.
3. Базиков М. Образовательный ресурс и человеческий потенциал. // Высшее образование в России. – 2006. – № 3. – С.157–159.
4. Баскаков Д.Н. Качество жизни населения как показатель уровня развития человеческого потенциала территории. // Российский экономический интернет-журнал. – 2008. – № 4. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.e-rej.ru/Articles/2008/Baskakov.pdf>.
5. Данилова Т.О. Показатели, влияющие на качество жизни населения. // Наука и образование сегодня. – 2021. – № 2(61). – С.46–47.
6. Иванов О.И. Человеческий потенциал (формирование, развитие, использование). ИПРЭ РАН. СПбГУ. – СПб.: Скифия-принт, 2013. – 336с.
7. Индекс качества жизни. База данных. [Электронный ресурс] / Сайт ВЭБ.РФ, 2021. URL: <https://citylifeindex.ru/database>.
8. Исмаилахунова А.М. Эволюция развития категории «человеческий потенциал» // Экономика. – 2014. – № 4 (22). – С.47–51.
9. Ишмуратова Д.Ф. Миграционный фактор развития человеческого капитала. // Урбанистика. – 2019. – №4. – С.15–20.
10. Комиссарова Т.С., Ионова М.Л. Человеческий потенциал и его роль на современном этапе. // Гео-Сибирь. – 2007. – Т.6. – С.253–257.
11. Мазур Л.Н. Моделирование как метод аналитической истории: опыт разработки исторических моделей человеческого потенциала. // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – Т.4. – №4. – С.133–164.
12. Мигранова Л.А., Токсанбаева М.С. Человеческий потенциал населения российских регионов: уровень и динамика развития (часть первая). // Уровень жизни населения регионов России. – 2018. – № 2(208). – С.47–59.
13. Миролюбова Т.В., Чучулина Е.В. Региональная модель человеческого потенциала. // Вестник Пермского университета. – 2011. – Экономика. – Вып. 3(10). – С.65–73.
14. Панкратов Н.В. Развитие человеческого потенциала в условиях городской среды. // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 1. [Электронный ресурс]. – URL: http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/1/ekonomika/pankratov.pdf
15. Саенко И.И., Гильштейн А.С. Человеческий потенциал и человеческий капитал: взаимосвязь и взаимовлияние. // Вестник современных исследований. – 2018. – № 10. – 6 (25). – С.209–210.

16. Федотов А.А. Качество жизни и человеческий потенциал в концепциях устойчивого и человеческого развития. (Ч. 1). // Народонаселение. – 2021. – Т. 24. – №2. – С.53–65.

17. Федотов А.А. Качество жизни и человеческий потенциал в концепциях устойчивого и человеческого развития. (Ч. 2). // Народонаселение. – 2021. – Т. 24. – № 3. – С.42–50.

18. Федотов А.А. Человеческий потенциал и качество населения: подходы к определению. // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 3-2 (42). – С.79–86.

19. Хартанович К. Человеческий потенциал региона в условиях посткризисного развития экономики. // Социальная политика и социальное партнерство. – 2013. – № 5. – С.34–41.

20. Шорохов В., Морозова Н. «Человеческий потенциал» и «человеческий капитал»: соотношение понятий. // Человек и труд. – 2007. – № 3. – С.80–82.

21. Becker C.P. Human capital: A Theoretical and Empirical Analysis. – N.Y.: National Bureau of Economic Research, 1975. – 268p.

22. Ranis G., Stewart F. Dynamic links between the economy and human development. – N.Y.: Department of Economic and Social Affairs (DESA), United Nations; November 2005. [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/ZPJzt>

References:

1. Aliyeva Z.K. (2019) Faktory, vliyayushchiye na chelovecheskiy potentsial v regione [Factors affecting human potential in the region] // Alleya nauki. – T.5. – № 1 (28). – S. 322–326. (In Russ.).

2. Babintsev V.P., Kurkina M.P. (2012) Chelovecheskiy potentsial kak nauchnaya kategoriya [Human potential as a scientific category] // Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. – № 8 (127). – S. 223–229. (In Russ.).

3. Bazikov M. (2006) Obrazovatel'nyy resurs i chelovecheskiy potentsial [Educational resource and human potential] // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. – № 3. – S. 157–159. (In Russ.).

4. Baskakov D.N. (2008) Kachestvo zhizni naseleniya kak pokazatel' urovnya razvitiya chelovecheskogo potentsiala territorii [The quality of life of the population as an indicator of the level of human development of the territory] // Rossiyskiy ekonomicheskii internet-zhurnal. – № 4. [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.e-rej.ru/Articles/2008/Baskakov.pdf>. (In Russ.).

5. Danilova T.O. (2021) Pokazateli, vliyayushchiye na kachestvo zhizni naseleniya [Indicators affecting the quality of life of the population] // Nauka i obrazovaniye segodnya. – № 2(61). – S.46–47. (In Russ.).

6. Ivanov O.I. (2013) Chelovecheskiy potentsial (formirovaniye, razvitiye, ispol'zovaniye) [Human potential (formation, development, use)]. IPRE RAN. SPbGU. – SPb.: Skifiya-print. – 336s. (In Russ.).

7. Indeks kachestva zhizni. Baza dannykh [Quality of life index. Database]. [Elektronnyy resurs] / Sayt VEB.RF, 2021. URL: <https://citylifeindex.ru/database>. (In Russ.).

8. Ismailakhunova A.M. (2014) Evolyutsiya razvitiya kategorii «chelovecheskiy potentsial» [Evolution of development of the category of «human potential»] // Ekonomika. – № 4 (22). – S.47–51. (In Russ.).

9. Ishmuratova D.F. (2019) Migratsionnyy faktor razvitiya chelovecheskogo kapitala [The migration factor in the development of human capital] // Urbanistika. – №4. – S.15–20. (In Russ.).

10. Komissarova T.S., Ionova M.L. (2007) Chelovecheskiy potentsial i yego rol' na sovremennom etape [Human potential and its role at the modern stage] // Geo-Sibir'. – T.6. – S.253–257. (In Russ.).

11. Mazur L.N. (2020) Modelirovaniye kak metod analiticheskoy istorii: opyt razrabotki istoriche-skikh modeley chelovecheskogo potentsiala [Modeling as a method of analytical history: experience in the development of historical models of human potential] // Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. – T.4. – №4. – S.133–164. (In Russ.).

12. Migranov L.A., Toksanbayeva M.S. (2018) Chelovecheskiy potentsial naseleniya rossiyskikh regio-nov: uroven' i dinamika razvitiya (chasť pervaya) [Human potential of the population of Russian

- regions: the level and dynamics of development (part one)] // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. – № 2(208). – S. 47–59. (In Russ.).
13. Mirolyubova T.V., Chuchulina Ye.V. (2011) Regional'naya model' chelovecheskogo potentsiala [Regional model of human potential] // Vestnik Permskogo universiteta. – Ekonomika. – Vyp. 3(10). – S.65–73. (In Russ.).
14. Pankratov N.V. (2014) Razvitiye chelovecheskogo potentsiala v usloviyakh gorodskoy sredy [Human development in the urban environment] // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – №1. [Elektronnyy resurs]. – URL: http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/1/ekonomika/pankratov.pdf (In Russ.).
15. Sayenko I.I., Gil'shteyn A.S. (2018) Chelovecheskiy potentsial i chelovecheskiy kapital: vzaimosvyaz' i vzaimovliyaniye [Human potential and human capital: interconnection and mutual influence] // Vestnik sovremennykh issledovaniy. – № 10. – 6 (25). – S.209–210. (In Russ.).
16. Fedotov A.A. (2021) Kachestvo zhizni i chelovecheskiy potentsial v kontseptsiyakh ustoychivogo i chelovecheskogo razvitiya [Quality of life and human potential in the concepts of sustainable and human development] (Ch. 1). // Narodonaseleniye. – T. 24. – №2. – S.53–65. (In Russ.).
17. Fedotov A.A. (2021) Kachestvo zhizni i chelovecheskiy potentsial v kontseptsiyakh ustoychivogo i chelovecheskogo razvitiya [Quality of life and human potential in the concepts of sustainable and human development] (Ch. 2). // Narodonaseleniye. – T. 24. – № 3. – S.42–50. (In Russ.).
18. Fedotov A.A. (2020) Chelovecheskiy potentsial i kachestvo naseleniya: podkhody k opredeleniyu [Human potential and population quality: approaches to definition] // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk. – №3-2(42). – S.79–86. (In Russ.).
19. Khartanovich K. (2013) Chelovecheskiy potentsial regiona v usloviyakh postkrisisnogo razvitiya ekononimiki [Human potential of the region in the post-crisis development of the economy] // Sotsial'naya politika i sotsial'noye partnerstvo. – № 5. – S.34–41. (In Russ.).
20. Shorokhov V., Morozova N. (2007) «Chelovecheskiy potentsial» i «chelovecheskiy kapital»: sootno-sheniye ponyatiy [«Human potential» and «human capital»: the relationship of concepts] // Chelovek i trud. – № 3. – S.80–82. (In Russ.).
21. Becker C.P. Human capital: A Theoretical and Empirical Analysis. – N.Y.: National Bureau of Economic Research, 1975. – 268p. (in Engl.).
22. Ranis G., Stewart F. Dynamic links between the economy and human development. – N.Y.: Department of Economic and Social Affairs (DESA), United Nations; November 2005. [Elektronnyy re-surs]. – URL: <https://click.ru/ZPJzt> (in Engl.).

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Цель журнала – создание коммуникационной площадки для обсуждения и изучения проблем истории развития государственного и муниципального управления; эволюции социальных институтов, таких как традиции, мораль, право, семья, общественные объединения, государство и другие, и их влияния на формирование и реализацию реформ в области государственного, муниципального, корпоративного управления, а также аккумуляцию исторического опыта российской государственности и развития государственных и социальных институтов.

Журнал адресован научному сообществу, студентам, аспирантам и преподавателям, ученым, экспертам и управленцам-практикам.

Журнал «Вестник государственного и муниципального управления» приглашает к сотрудничеству и творческому диалогу преподавателей вузов, аспирантов, соискателей научных степеней, практических работников органов власти и управления.

Статьи авторов рецензируются. Требования к оформлению статей см.:

<http://orel.ranepa.ru/the-structure-of-the-academy/journal>

Приглашаем вас к сотрудничеству и ждем ваших материалов

по адресу: e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Точка зрения авторов необязательно отражает мнение редакции.

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Среднерусский вестник общественных наук» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации.

Отрасли, по которым журнал входит в перечень ВАК:

07.00.02 – Отечественная история

07.00.03 – Всеобщая история

DEAR READERS!

The purpose of the Journal is to create communication platform for discussing and studying the problems of history development of state and municipal government; the evolution of social institutions, such as traditions, morality, law, family, public associations, the state and others, and their impact on the formation and implementation of reforms in state, municipal, corporate governance, as well as the accumulation of historical experience of Russian statehood and the development of state and social institutions.

The Journal is addressed to the scientific community, students, graduate students and teachers, scientists, experts and practical managers.

"Journal of Public and Municipal administration" invites you to cooperation and creative dialogue of university teachers, graduate students, applicants for scientific degrees, practitioners of government and administration.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации».
117571, Москва, проспект Вернадского, д. 82.

**Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Рег. ПИ № ФС77-71949 от 26.12.2017.**

**При перепечатке материалов ссылка на журнал
«Вестник государственного и муниципального управления» обязательна.**

Главный редактор П. А. Меркулов

**Ответственный секретарь Е. С. Матвеева
Переводчик Е. В. Князькова
Корректор И. Л. Кургузова**

**Подписной индекс в общероссийском
каталоге «Пресса России» – 15166.**

Выходит четыре раза в год.
Адрес редакции и издателя: 302000, г. Орёл, ул. Панчука, д. 1.

Тел./факс 8(4862)43-20-28.

Издатель: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС
Отпечатано в типографии издательства Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС
по адресу: 302000, г. Орёл, ул. Панчука, д. 1.

Подписано в печать 28.11.2021. Дата выхода тиража в свет 27.12.2021.

Усл. п. л. 12,4.
Формат 70x100 1/16
Тираж 1000 экз. (первый завод – 25 экз. Заказ № ____.

Цена свободная.

**© Вестник государственного и муниципального управления
Научно-образовательное издание
№ 4 (42) 2021г.**